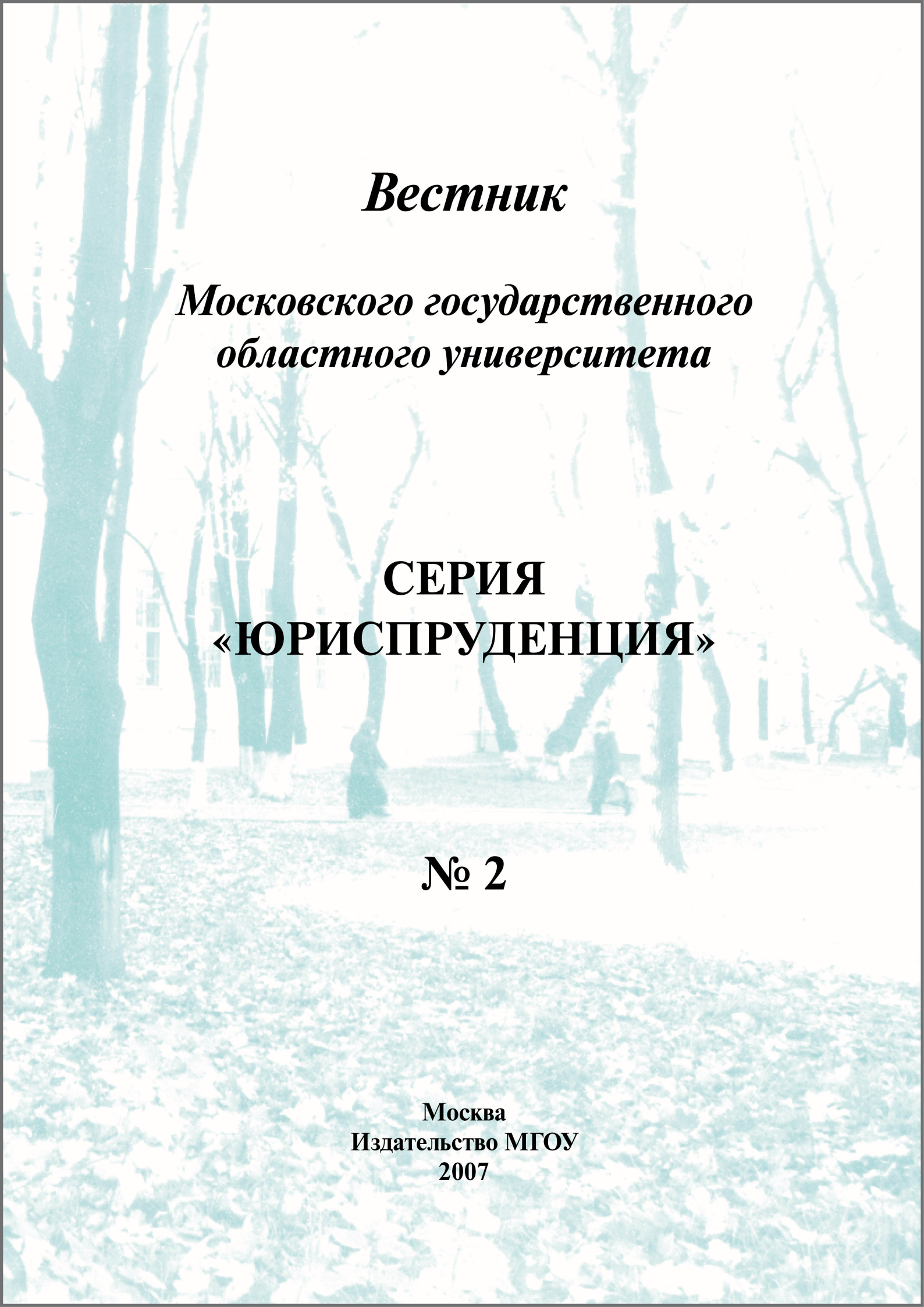


The background of the cover is a photograph of a park. In the foreground, there are several tall, thin trees with bare branches. In the middle ground, a white building with windows is visible through the trees. The ground is covered with fallen leaves, suggesting an autumn or winter setting. The overall tone is somewhat muted and academic.

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**СЕРИЯ
«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»**

№ 2

**Москва
Издательство МГОУ
2007**

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**СЕРИЯ
«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»**

№ 2

**Москва
Издательство МГОУ
2007**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе,
доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. – проректор по научной работе и международному сотрудничеству,
доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «Юриспруденция»:

Голышев В.Г. - кандидат юридических наук, доцент, ответственный редактор
Клычников В.М. - кандидат юридических наук, доцент
Марченко М.Н. - доктор юридических наук, профессор
Гриненко А.В. - доктор юридических наук, профессор
Подшибякин А.С. - доктор юридических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». – № 2 – 2007. – М.: Изд-во МГОУ.
– 114 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей докторантов, а также аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК № 4 за 2005 г., с. 5).

В «Вестнике» могут публиковаться статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений.

ISBN 978-5-7017-1112-7

© МГОУ, 2007

© Издательство МГОУ, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Марченко М.Н.

О концепции глобального гражданского общества.....4

Ищенко Е.Г.

Понятие административно-правового режима обеспечения безопасности массовых (публичных) мероприятий.....18

Алафиев А.А.

Проблема террора в русской политической мысли на рубеже 70-80-х гг. XIX в.24

Филиппов А.Б.

Юрисдикция церковного суда по уголовным делам допетровской Руси.....34

Куркина Н.В.

К вопросу о проблеме толкования понятия «услуга» как объект договора оказания услуг.....39

Прокопенко О.П.

Охраняемые законом интересы в структуре наследственного имущества.....46

Королев Ю.Н.

Решение проблемы правового обеспечения борьбы с насилием в семье как предпосылка сохранения безопасности общества (история разработки проекта Федерального Закона «О предотвращении насилия в семье»).....53

Гриненко А.В.

Система принципов уголовного судопроизводства.....63

Кузьмин С.И., Селезнева И.В.

Уголовно-исполнительная политика в российском государстве начала XXI века...68

Коновалова И. А.

Наказывать нельзя, не наказывать. К вопросу о применении мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним.....73

Детков М.Г., Шохин Н.Н.

История развития уголовной ответственности за коррупцию в российском государстве.....78

Козлов С.П.

Профилактика преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола.....82

Миронов В.Д.

Реализация полномочий прокурора на стадии подготовки к судебному заседанию.....87

Репина Н.В.

Пробелы в уголовном законе при установлении наказания за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем.....91

Делягин И.В., Веселова Е.В.

Понятие оружия, имеющего культурную ценность.....97

Чураков М.С.

К вопросу о состоянии и правовых проблемах совершенствования расчетно-платежной системы России.....102

Пещеров Г.И., Пещеров В.Г.

Противовес бесправию или урегулирование прав в правовом государстве в условиях рыночных отношений (как определить нормы права в правовом государстве)....109

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Марченко М.Н.

доктор юридических наук,
профессор

О КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Marchenko M.N.

doctor of jurisprudence sciences,
professor

ABOUT THE CONCEPT OF A GLOBAL CIVIL SOCIETY

Origin of idea of a civil society goes back to an antiquity. The civil society was called both as regional and as global, possessing own characteristics.

In the modern world the problem of a global civil society is rather inconsistent: alongside with «unification» of values we observe deep national and regional contradictions

1. В системе современных политико-правовых и социальных теорий всё большее место занимает концепция глобального («мирового») гражданского общества. С точки зрения сложившегося в научной литературе, традиционного представления о концепции как о системе понятий и идей, касающихся того или иного предмета, это, строго говоря, даже не концепция, а лишь её эскиз, общий набросок, состоящий из ряда довольно разрозненных идей, имеющих прямое или косвенное отношение к рассматриваемому предмету.

Однако, в основе данных идей лежат реальные, хотя и не всегда чётко выраженные явления, процессы и тенденции развития общества на различных этапах, включая современный, эволюции человеческой цивилизации.

Говоря о глобальном гражданском обществе, следует заметить, что сама идея его формирования в настоящем или же в будущем является далеко не новой, а тем более - не современной.

Ещё И. Кант рассуждал о «величайшей проблеме для человеческого рода» - проблеме достижения «всеобщего правового гражданского общества», то есть такого общества, «в котором максимальная *свобода под внешними законами*, сочетается с непреодолимым принуждением»¹. «Совершенно *справедливое гражданское устройс-*

¹ Кант. И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. К вечному миру. Вст. ст. Ударцева С.Ф. Алматы. 1999. С. 51.

тво, – считал мыслитель, – должно быть высшей задачей природы для человеческого рода, ибо только посредством разрешения и исполнения этой задачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода»¹.

Позднее, в первой половине XX века данной проблеме значительное внимание уделял наш великий соотечественник В. И. Вернадский, который писал, что только в XX веке человек впервые в истории Земли «узнал и охватил всю биосферу, закончил географическую карту планеты Земля и расселился по всей её поверхности» и что только в XX веке «человечество своей жизнью стало единым целым»².

Всё более заметную роль проблемы формирования и развития глобального гражданского общества, наряду с аналогичными проблемами национального и регионального гражданского общества, стали занимать в исследованиях западных, а, отчасти, и отечественных авторов после Второй мировой войны и особенно в последние десятилетия.

Под влиянием процессов глобализации и регионализации многие авторы вполне естественно и правомерно, как представляется, ставят вопрос о необходимости «нового философского осмысления» современного состояния общества, путей его дальнейшего развития и пересмотра того, что называется «взглядом на жизнь или на мир»³.

В современных научных трудах, а не в произведениях писателей-фантастов, как это можно было ожидать раньше, утверждается, что «важным рубежным этапом эволюции человечества является формирование единой планетарной системы нормирования, соотношения, масштабирования, гармонизации интересов, воли, моделей поведения индивидов, малых и больших социальных групп, а также формирование системы планетарного управления и самоуправления человечества как естественной и наиболее оптимальной на определённой ступени его развития»⁴.

Доказывается, что «почти исключительно локальные формы организации жизнедеятельности человечества становятся тесными и недостаточно эффективными для выросшей единой цивилизации, приобретающей планетарный характер, начинают сдерживать его развитие»⁵.

Для того, чтобы избежать «сдерживающего» эффекта в развитии «единой цивилизации», в научной литературе 60 – 80-х годов XX столетия были предложены такие «формы организации жизнедеятельности человечества», как региональное и глобальное («мировое») гражданское общество.

Региональное гражданское общество культивировалось в основном на базе стран Западной Европы («евроцентризм») и Азиатских стран («азиатизм»), преимущественно стран Юго-Восточной Азии. Причём, если раньше, по утверждению китайского историка Ван Хуэя, «европейское государство – нация и распространение рыночного капитализма были сочтены передовой стадией мировой истории, а Азию отнесли к территориям, находящимся на более низкой ступени развития», в результате чего азиатская цивилизация противопоставлялась европейской и, соответственно, «общественный строй Азии противостоял европейскому капитализму», то в настоящее время ситуация стала заметно изменяться в сторону «примирения»

¹ Там же.

² Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. С. 240.

³ Черниченко С.В. Теория международного права. В двух томах. Т. 2. Старые и новые теоретические проблемы. М., 1999. С. 520.

⁴ Ударцев С.Ф. О некоторых тенденциях глобальной эволюции государства и права. Караганда. 2004. С. 5-6.

⁵ Там же.

различных цивилизаций, в направлении их сопоставления в процессе их изучения вместо прежнего противопоставления¹.

Ставшая традиционной «критика евроцентризма, - заключает автор, - должна сосредоточиться не на утверждении азиатизма, а на искоренении эгоцентристской, дискриминационной и экспансионистской логики доминирования», имея ввиду, что «азиатский вопрос касается не только географической Азии, но и мировой истории. Пересмотр азиатской истории требует по-новому постичь мировую историю и преодолеть порядок и логику «Новой империи» XIX века»².

О возможности формирования регионального гражданского общества в западной научной литературе говорится не только в отношении европейской или азиатской, но и других частей мира. Главное, чтобы для этого была соответствующая материальная, социальная, культурная и иная цивилизационная основа.

Что же касается глобального гражданского общества, провозглашенного и в общих чертах обозначенного в 70-х годах рядом западных авторов, в том числе известным немецким социологом Н. Луманом³, то оно, по мнению исследователей, формируется как на региональной, так и на национальной основе.

Однако в будущем прогнозируют западные политологи, юристы и социологи, это будет не региональное и не национальное, а глобальное, «космополитическое сообщество», в котором «люди не будут связаны отношениями с тем или иным национальным государством»⁴, а будут иметь дело с межнациональными и наднациональными институтами.

Относя к гражданскому обществу «все формы (разновидности) социальных отношений и все добровольные экономические и неэкономические объединения, которые не финансируются и не контролируются государством»⁵, и непосредственно связывая его возникновение на планетарном уровне с процессом глобализации, западные исследователи исходят из того, что в этом сообществе отношения между людьми будут «гораздо крепче и глубже по сравнению с теми, которые традиционно существовали в исторически известных торговых режимах (historic trade regimes) и империях»⁶.

2. Каковы причины проявления в настоящее время более пристального внимания учёных к глобальному гражданскому обществу как виртуальному явлению и формированию его теории? Что побудило многих исследователей «переключиться» с проблем национального традиционного и гражданского общества на проблемы мирового (глобального) гражданского общества?

Отвечая на эти и им подобные вопросы вкратце, следует заметить, что эти причины в общем и целом *идентичны тем причинам, которые побуждают учёных заниматься исследованием не только внутригосударственных, но и надгосударственных, глобальных проблем.*

Рассуждая по поводу того, что заставляет «вступать» людей во «всеобщее правовое гражданское общество», характеризующееся не только «максимальной свободой под внешними законами», но и «непреодолимым принуждением», И. Кант

¹ Ван Хуэй. Азиаты переосмысливают Азию. — Время новостей. 21 сентября 2005. С. 6.

² Там же.

³ Luhmann N. Die Weltgesellschaft. — Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. LV II / 1. 1971. S. 4 - 9.

⁴ Berman P. The Globalization of Jurisdiction. — University of Pennsylvania Law Review. 2002. № 2. P. 545.

⁵ McLennan G., Held D., Hall St. (eds.). The idea of Modern State. Philadelphia. 1984. P. 21.

⁶ Tavis L. Corporate Governance and the Global Social Void. — Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2002. Vol. 35. № 2. P. 490.

замечал, что «вступать в это состояние принуждения заставляет людей, вообще-то расположенных к полной свободе, беда, и именно величайшая из бед — та, которую причиняют друг другу люди, чьи склонности приводят к тому, что при необузданной свободе они не могут долго ужиться друг с другом»¹.

Разумеется, речь при этом идёт не только о рукотворной беде, которая побуждает людей искать новые, в данном случае — глобальные формы организации человеческого сообщества, но и о нерукотворной, природной беде в виде природных катастроф и всякого рода подобных аномалий, справиться с которыми гораздо легче совместными усилиями.

Ведь общеизвестно, что глобалистика, затрагивающая весьма широкий круг экономических, социальных, государственно-правовых и иных проблем, изначально появилась как наука, идентифицирующая и, по возможности, предотвращающая опасности².

Разрушение террористами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке двух башен Всемирного торгового центра — этого «наиболее яркого символа глобального капитализма» со всей очевидностью показало, как верно констатируют английские авторы, что ни одно общество и ни одно государство в одиночку «не могут больше оградить себя от подобного рода нападений». Из этого следует вполне определённый вывод: «Или мы все вместе обеспечим нашу общую безопасность или же мы все будем находиться в постоянной опасности»³.

Среди многочисленных глобальных проблем, для решения которых требуется объединение усилий различных государств и народов, кроме обеспечения общей безопасности, следует назвать также проблемы, связанные с преодолением всё более возрастающего разрыва в экономическом уровне и доходах на душу населения между индустриально развитыми и развивающимися странами; устранение голода, нищеты и неграмотности на земном шаре; решение проблем, касающихся охраны окружающей среды; обеспечения дальнейшего экономического развития человечества природными и иными ресурсами; и др.

Многие из этих жизненно важных проблем, как справедливо отмечается учёными, хотя существовали и прежде в той или иной мере как национальные и региональные проблемы, в современную эпоху приобрели «планетарный характер и беспрецедентные масштабы вследствие сложившейся на земном шаре конкретно-исторической ситуации, а именно — резкого обострения неравномерности социально-экономического и научно-технического прогресса, а также возрастающего процесса интернационализации всей общественной деятельности»⁴.

Возникновение на пути развития человечества глобальных проблем, требующих совместных усилий для их разрешения, а также появление планетарного масштаба рукотворных и нерукотворных «бед», справиться с которыми государствам и народам невозможно в одиночку — это лишь одна группа причин, вызвавших в последние десятилетия повышенное внимание исследователей разных стран к процессу глобализации вообще и к проблемам формирования мирового гражданского общества, в частности.

По своему характеру — это *своего рода прагматические причины*. Однако, поми-

¹ Кант И. Указ. соч., С. 52.

² Грохальски Ст. Государства в решении современных глобальных проблем. (Международно-правовые аспекты). Автореф. дисс... докт. юр. наук. М., 1998. С. 14 — 15.

³ Glasius M., Kaldor M. and Anheier H. (eds.) *Global Civil Society* 2002. Oxford. 2002. P. 17.

⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 117.

мо них *есть и другие*, сугубо научные, *академические причины*. Суть их заключается в открытии и познании свойственных каждому этапу развития человеческой цивилизации наиболее оптимальных форм организации жизни общества и государства.

«Индивид, союз, государство, - писал в связи с этим в XIX веке Р. Иеринг, - вот исторические ступени человеческих целей. Первый приют цель находит у индивида; цель подросла — за неё принимается союз; она вполне разрослась и тогда становится достоянием государства»¹.

Следуя логике Р. Иеринга, следует сказать, что в XX веке с развитием процессов регионализации и глобализации «цель» постепенно перерастает национальное государство и становится «достоянием», наряду с ним, системы межнациональных и наднациональных институтов, не исключая и такой виртуальный к настоящему времени институт, как глобальное гражданское общество.

3. Как выглядит в общих чертах глобальное гражданское общество по мнению его исследователей? Какие теоретически и практически важные положения составляют суть и содержание его концепции?

Проводя определённую аналогию с национальным гражданским обществом и подчёркивая, что термин «глобальное гражданское общество» в последнее время становится на Западе «всё более модным» в отличие от прежних лет, когда он выступал «в виде неологизма»², исследователи этого феномена обращают внимание прежде всего на то, что глобальное гражданское общество *должно быть обществом «всеобщего согласия»*.

Человечеству предстоит пройти ещё весьма длительный путь, говорится в одном из исследований, посвящённых проблемам глобального гражданского общества, пока не будут созданы соответствующие условия для достижения такого согласия, при котором мусульмане и представители других религиозных конфессий, равно как и представители различных наций, будут участвовать в решении любых глобальных проблем «на равной основе»³.

Всеобщее согласие, *наряду с общностью целей субъектов глобального гражданского общества*, вполне резонно рассматривается авторами — разработчиками концепции данного явления, как *исходное положение* и вместе с тем *как залог его устойчивого существования и функционирования*.

Ведь ещё М. Вебер обращал внимание на то, что «в истории мы обнаруживаем шкалу, ступени которой ведут от «объединения в общество по случаю» вплоть до его устойчивого образования»⁴. Неприемлемым атрибутом последнего должно быть согласие⁵.

Важной особенностью глобального, равно как и национального гражданского общества должно быть *создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего развития национальных сообществ, различных групп и отдельных индивидов*. В этом собственно заключается основной смысл и назначение любой формы человеческого объединения, включая глобальное гражданское общество, которая важна не только и даже не столько сама по себе, сколько в отношении конкретного человека, нации, народа.

Размышляя по поводу сути человеческого общества и форм его организации,

¹ Иеринг Р. Цель в праве. С. 227.

² Anheier H., Glasius M., Kaldor M. (eds.). Global Civil Society. 2001. Oxford. 2001. P. 23.

³ Glasius M., Kaldon M. and Anheier H. (eds.). Op. cit. P. 23.

⁴ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 520.

⁵ Там же. С. 522 — 535.

Р. Иеринг писал, что фактически «общество значит: каждое отдельное лицо существует для мира, а мир существует для отдельного лица»¹. И далее: «Мир существует для меня; созидая общежитие с общностью интересов, общество является миром, в котором я нуждаюсь. Но общество служит таким подтверждением лишь с помощью антитезиса: ты существуешь для мира, он имеет на тебя такое же право, как и ты на него»².

В отношении глобального, также как и любого иного гражданского общества это означает, что, будучи его неотъемлемой составной частью, отдельный индивид, народ или нация должны не только требовать от него определённой «отдачи», но и сами должны ему «отдавать» в плане его последовательного развития и укрепления.

Среди весьма знаковых черт и особенностей глобального гражданского общества рядом западных авторов – сторонников государственной «интервенции» в сферу экономики выделяются такие его атрибуты, которые ассоциируются с *необходимостью создания и функционирования социальных институтов, способных защитить «экономически слабых» от «экономически сильных»*.

Аналогичные меры, как известно, предлагались видным западным философом К. Поппером и другими «интервенционалистами» на национальном уровне – на уровне «открытого общества». В своей работе «Открытое общество и его враги» К. Поппер, в частности, писал, что «неограниченная экономическая свобода может быть столь же саморазрушающей, сколь и неограниченная физическая свобода, и экономическая сила может быть почти также опасна, как и физическое насилие»³.

Дело в том, пояснял автор, что обладающий излишком пищи может заставить тех, кто голодает «свободно» принять рабство, «не испытывая при этом никакого насилия»⁴. Во избежание этого, делал вывод учёный, «мы должны сконструировать опирающийся на мощь государства социальный институт защиты экономически слабых от экономически сильных». При этом принцип государственного невмешательства в экономику «должен быть отброшен», поскольку на нём «основывается неограниченная законодательно экономическая система капитализма». «Мы должны потребовать, чтобы неограниченный законодательно капитализм, уступил дорогу экономическому интервенционизму»⁵.

В настоящее время подобные призывы и предложения звучат не только на национальном, но и на глобальном уровне и, естественно, в силу своей нетрадиционности для западных авторов и внутренней противоречивости, далеко не всеми исследователями глобального гражданского общества одинаково воспринимаются и разделяются.

Напротив, некоторые из них, говоря о глобальном гражданском обществе, ассоциируют его, как правило, не с «экономическим интервенционизмом», выступающим в качестве своеобразного дополнения «политического протекционизма»⁶, а с так называемым «турбо-капитализмом», являющимся, по их мнению, одним из «принципиальных факторов», оказывающих огромное влияние не только на развитие процесса глобализации, но и на формирование глобального гражданского об-

¹ Иеринг Р. Цель в праве. С. 73.

² Там же. С. 70.

³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 145.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Там же. С. 391.

щества.

«Турбо-капитализм» ассоциируется с такой особенностью частного предпринимательства, как желание и стремление предпринимателей в максимальной степени избавиться («эмансипироваться») «от налоговых ограничений, профсоюзного давления, правительственного вмешательства и других препятствий на пути свободного движения капитала, конечной целью которого является получение прибыли»¹.

Если после Второй мировой войны, указывают авторы, в США, Германии, Швеции, Японии и других странах «рынок капиталистической экономики» развивался в направлении установления «государственно-контролируемого капитализма», то позднее, в период так называемого турбо-капитализма, ускорившего процесс глобализации и формирования глобального гражданского общества, стала усиленно развиваться тенденция к «освобождению рынка» от многих, сдерживающих его развитие ограничений»².

В числе отличительных особенностей глобального гражданского общества, помимо названных, в научной литературе выделяются также такие его специфические черты, как *органическое сочетание в нём национальных, региональных и планетарных («космополитических») признаков и черт*. При этом в качестве исходного положения используется тот очевидный факт, что мир в целом, также как и его отдельные элементы, включая гражданское общество, никогда не был статичен, а всегда был динамичен и что «движение мира — это процесс, в ходе которого разнообразные миры общаются и борются друг с другом, осуществляют *взаимопроникновение и взаимоформирование*»³.

Названные положения, составляющие суть и содержание формируемой концепции глобального гражданского общества, дополняются кроме того другими аналогичными по своему характеру и целевому направлению положениями.

Среди них следует выделить положения, касающиеся: а) *политико-идеологических основ глобального гражданского общества, в качестве каковых выступают либерально-космополитические идеи*, несовместимые с национально-либеральными идеями, являющимися основой построения и функционирования национального гражданского общества⁴; б) особенностей структуры глобального гражданского общества, которая в одних случаях (в институциональном плане) рассматривается как совокупность различных межнациональных и наднациональных «организаций, ассоциаций, движений и групп»⁵, а в других — в виде таких «действующих лиц» (actors) гражданского общества, как «индивиды, негосударственные организации и бизнес-институты», которые в настоящее время «во многом определяют повестку дня и все чаще пересекают государственные границы»⁶; в) неразрывной связи процесса формирования и развития глобального гражданского общества с процессами глобализации и регионализации, которые обуславливают и «подпитывают» данный процесс⁷ и др.

4. Рассматривая основные положения концепции глобального гражданского

¹ Anheier H., Glasius M., Kaldor M. (eds.) Op cit., P. 29.

² Ibid., P. 29.

³ Ван Хуэй. Азиаты переосмысливают Азию. С. 6.

⁴ Berman P. Globalization of Jurisdiction. P. 544.

⁵ Simmons P. and Oudraat Ch. Managing Global issues. Wash., 2001. P. 664.

⁶ Anheier H., Glasius M., Kaldor M. (eds.). Op. cit., P. 7.

⁷ Anheier H., Glasius M., Kaldor M. (eds.). Op. cit., P. 7.

общества и самого его как явления в проектируемом виде, нельзя не видеть те многочисленные проблемы, которые стоят или могут встать на пути его формирования и развития.

«Проблема создания совершенного гражданского устройства, - считал И. Кант, - зависит от проблемы установления законосообразных *внешних отношений между государствами* и без решения этой последней не может быть решена»¹. Природа, отмечал мыслитель, в очередной раз «использовала неуживчивость людей, даже больших обществ и государственных организмов этого рода существ как средство для того, чтобы в неизбежном антагонизме между ними найти состояние покоя и безопасности»². Она, используя печальный «опыт» разрушительных войн и «чрезвычайной напряженности», связанной с «никогда не ослабевающей подготовкой к ним», заставила людей «выйти из незнающего законов состояния диких и вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил или собственного справедливого суждения, а исключительно от такого великого союза народов (*foedus Amphictyonicum*), от объединённой мощи и от решения в соответствии с законами объединённой воли»³.

Несомненно, великий учёный был прав, когда, размышляя о проблемах создания «совершенного гражданского устройства» и «достижения всеобщего правового гражданского общества», говорил о «неуживчивости людей» как проблеме и одновременно — факторе формирования гражданского общества, а также о проблеме «установления законосообразных внешних отношений между государствами».

Однако, как показало время и накопленный опыт формирования гражданского общества на региональном и глобальном уровнях, установление «законосообразных» отношений между государствами и решение проблем «неуживчивости людей» - это лишь часть более ёмких и более общих проблем, существующих на пути создания такого типа общества.

Очень важно установить «законосообразные» отношения между государствами и народами, но не менее важно их сохранить, расширить и углубить. К тому же проблема установления такого рода отношений между государствами — *это прежде всего проблема межгосударственных союзов образований, нежели — гражданского общества*.

Несомненно, она имеет определённое отношение к проблемам формирования и развития глобального гражданского общества, поскольку этот процесс во многом предопределяется межгосударственными отношениями, но далеко не исчерпывает их.

Среди проблем, непосредственно касающихся глобального гражданского общества, следует выделить проблемы согласования весьма противоречивых, а нередко — прямо противоположных друг другу национальных, региональных и иных интересов, существующих в мире, а также — «унификации» разнообразных духовных ценностей; проблемы институционализации и самоидентификации данного явления; определения основных направлений его развития и его основополагающих функций; проблемы взаимоотношения глобального гражданского общества с межнациональными и наднациональными институтами, а также проблемы, связанные с его управлением и самоуправлением; проблемы соотношения, а точнее — совмещения

¹ Кант И. Указ. соч., С. 54.

² Кант И. Указ. соч., С. 55.

³ Там же.

в системе глобального гражданского общества социальных структур индустриально развитых стран с социальными структурами развивающихся стран; проблемы места и роли в институциональной структуре данного явления различных бизнес-институтов и, прежде всего, транснациональных корпораций; и др.

Нетрудно заметить, что, многие из этих и других аналогичных им проблем, касающихся глобального гражданского общества, сродни проблемам национально-гражданского общества, имея прежде всего в виду проблемы понятия, процесса формирования и развития, согласования различных интересов, «унификации» духовных ценностей, места и роли, бизнес-институтов в структуре гражданского общества, и др. С той, разумеется, разницей, что одни из них возникают и разрешаются (должны разрешаться) на национальном, а другие — на глобальном уровне со всеми вытекающими из этого особенностями и последствиями.

Например, когда встаёт вопрос о понятии гражданского общества, то независимо от того, рассматривается ли оно на национальном, региональном или же на глобальном уровне, решение этого вопроса *во многом предопределяется мировоззренческой, а точнее — философской позицией и подходом*, с которых исследуется данное явление¹.

Рассмотрение гражданского общества *с традиционных для западной политической науки и социологии либеральных или неолиберальных позиций* формирует представление о нём как о форме человеческой общности, ограниченной системой отношений, возникающих между людьми на базе частных интересов и, в особенности, интересов собственников.

Государство при этом в экономической сфере или почти полностью «игнорируется» как активный субъект («государство-сторож») или же отступает как участник экономических отношений на второй план («государство всеобщего благоденствия»).

В условиях глобального гражданского общества по аналогии с национальным гражданским обществом место национального государства (или наряду с ним) занимают соответствующие межнациональные и наднациональные институты, кроме транснациональных корпораций — основных субъектов экономических отношений, с аналогичным характером связей с этим обществом. Сфера охвата глобальным обществом в этом случае неизбежно будет замыкаться в основном лишь сферой экономических отношений, а точнее — *сферой частных интересов и интересов собственности, не затрагивая все иные сферы*.

При рассмотрении гражданского общества *с других исходных позиций, в частности, с использованием этатистского подхода*, когда государству в системе отношений с обществом отводится если не главная, то, по крайней мере и не второстепенная роль, гражданское общество, независимо от того, рассматривается ли оно в национальном, региональном или глобальном масштабе, неизменно будет представляться, согласно сложившемуся и устоявшемуся в научной литературе видению данного явления, как *качественно более высокий по сравнению с традиционным уровень развития общества*².

При таком подходе гражданское общество выходит далеко за сферу отношений, возникающих в процессе реализации частных интересов, в том числе — и интересов собственника. Экономические отношения, основанные на многообразия

¹ См. Kumar K. civil Society: an inquiry into the usefulness of an historical Term. — The British Journal of Sociology. 1993. № 3. P.P. 378 — 387.

² См.: Dryzek J. Political inclusion and the Dynamics of Democratization. — American Political Science Review. 1996. № 1. P.P. 481 — 482.

форм собственности и частных интересов, рассматриваются при этом лишь как часть внутренней структуры гражданского общества, как его материальный базис. Наряду с этими отношениями в структуре гражданского общества важное место занимают также социокультурные, политические и иные отношения¹.

5. Аналогичным образом обстоит дело не только с проблемами определения понятия гражданского общества на глобальном и национальном уровнях, но и с другими проблемами, пересекающимися на разных уровнях.

Одной из таких весьма важных, если не важнейших проблем в плане относительно самостоятельного существования и функционирования гражданского общества на глобальном и национальном уровнях является, в частности, *проблема его управления и самоуправления*.

Суть её заключается в том, как организовать управление и самоуправление обществом без вмешательства государственных или надгосударственных, применительно к глобальному гражданскому обществу, структур? А в более общем плане — возможно ли в принципе такое само по себе управление и самоуправление, существующее параллельно с государственным управлением? Другими словами — должен ли наряду с государственным (надгосударственным — в условиях глобализма) механизмом (аппаратом) управления существовать механизм (аппарат) управления и самоуправления гражданским обществом и нужен ли он как таковой вообще?

Вопросы далеко не тривиальные, а тем более — не случайные в плане глубокого и всестороннего познания гражданского общества, поскольку от их решения и ответа на них зависит решение других, тесно связанных с ними вопросов, касающихся, в частности, относительной самостоятельности гражданского общества по отношению к государству, его самоорганизованности, самодостаточности, самоуправления и ряда иных признаков и черт, которыми наделяется исследователями разных стран гражданское общество.

В большинстве случаев авторы избегают подобных вопросов, а тем более ответов на них. И это вполне понятно, имея в виду не только их сложность, но и внутреннюю, трудно разрешимую противоречивость. Ибо легко себе представить и, соответственно, исследовать отдельные общественные институты типа профсоюзов, кооперации и других им подобных, негосударственных организаций как самоорганизованных, самодостаточных и самоуправляемых составных частей национально-го или даже глобального гражданского общества.

Однако, гораздо сложнее и труднее это сделать вне государственных или надгосударственных структур применительно к рациональному, региональному, а тем более — глобальному гражданскому обществу в целом.

Не случайно поэтому некоторые авторы, задаваясь вопросом: «Возможен ли некий орган управления гражданским обществом, автономный от государства?», скептически отвечают: «В принципе это сомнительно»². Основанием для такого умозаключения, по мнению С.А. Авакьяна — одного из сторонников подобной позиции, является то, что в реальности «сугубо самостоятельно жизни гражданского общества почти нет, в большинстве своих проявлений она так или иначе переплетается с жизнью государства. И само государство заинтересовано в том, чтобы его решения были приняты гражданами и выполнялись». В силу этого, считает автор, существование двух параллельных органов управления (один — государством, дру-

¹ См.: Баймаханов М.Т. Избранные труды по теории государства и права. Алматы. 2003. С. 330 — 332; Головистикова А.Н. Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права. М., 2005, С. 700 — 703; и др.

² Авакьян С.А. Конституционное право России. Т. 1. М., 2005. С. 442.

гой — обществом) «нереально». И далее: «Если какое-то объединение берёт на себя миссию руководства жизнью общества», то оно со временем «либо превратится в политическую партию и — наряду с руководством обществом — будет стремиться к государственным должностям»; либо будет пытаться «от себя» направлять государственные органы, однако в этом случае рано или поздно государственные органы «поставят на место» структуру общества, пытающуюся руководить ими¹.

Несомненно, высказанные в данном рассуждении предположения и утверждения типа «сугубо самостоятельной жизни гражданского общества почти нет», «рано или поздно государственные органы «поставят на место» структуру общества, пытающуюся руководить ими» и т.п. вполне реальны и обоснованны применительно к отечественной советской и постсоветской действительности, а также применительно к другим, в том числе «переходным» режимам, зачастую именуемым «молодыми демократиями».

Однако, как представляется, они не могут рассматриваться в качестве неких общих, универсальных положений, поскольку «не вписываются» в общественный опыт ряда таких индустриально развитых стран, как Англия, Германия, Франция и другие страны.

Не преувеличивая роли ряда общественных институтов в этих странах, а там более не идеализируя существующий в них общественно-политический строй, объективности ради, тем не менее, следует признать, что было бы большой натяжкой утверждать, что самостоятельной жизни этих элементов гражданского общества, а, следовательно, и самого общества в этих странах «почти нет», или что государственные органы рано или поздно «поставят на место» те структуры общества, которые пытаются воздействовать на них («руководить ими»). Многолетний опыт работы в этих странах многочисленных общественных организаций и движений, которые далеко не всегда действуют в рамках официальной политики и идеологии, свидетельствует зачастую об обратном². И этого нельзя не учитывать при рассмотрении проблем гражданского общества на разных уровнях ни в теории, не в практике.

Что же касается механизма управления и самоуправления гражданского общества на национальном, региональном и глобальном уровнях, то, не имея необходимого эмпирического материала для вынесения научно обоснованных суждений по этому поводу, можно лишь на основе косвенных данных, касающихся рассматриваемого вопроса, гипотетически предположить, что речь при этом не может идти об органах, обладающих, по образу и подобию государственных структур, полномочиями императивного характера. *Речь может идти лишь о структурах, имеющих необходимые и достаточные полномочия по координации деятельности различных институтов - составных частей того или иного гражданского общества.*

6. Не менее важной, чем проблема управления и самоуправления гражданского общества на разных уровнях, особенно в глобальном масштабе, является *проблема, касающаяся места и роли бизнес-институтов таких, в частности, как транснациональные корпорации, в системе гражданского общества.*

В отечественной литературе, пропитанной рыночной «духовностью», психологией и идеологией данная, довольно противоречивая и вместе с тем отчасти де-ликатная в аспекте прав человека и интересов общества, далеко не всегда совпадающих с интересами транснационального капитала, проблема по вполне понятным

¹ Авакьян С.А. Указ. соч., С. 442.

² См.: Arato A. Interpreting 1989. — Social Research. 1993. № 3. P.P. 609-646; Isaak J. Civil Society and the Spirit of Revolt. — Dissent. 1993. 3. P.P. 356 — 361; Dryzek J. Democracy in Capitalist Times: Ideals, Limits and Struggles. N.Y., 1996. P.P. 3-24; etc.

причинам, зачастую даже не обозначается и не рассматривается.

В то же время в западных исследованиях, посвященных гражданскому обществу, ей уделяется значительное внимание, а самим транснациональным корпорациям в структуре гражданского общества на разных, прежде всего глобальном, уровнях отводится едва ли не главная роль¹.

Транснациональные корпорации, представляемые в виде «неотъемлемых институтов глобального гражданского общества», без которых оно, по мнению некоторых экспертов, «не сможет существовать и одного дня»², рассматриваются в самых различных — реальных и формальных — ипостасях. А именно — в виде защитниц прав человека; в виде важнейших институтов «экономической глобализации, направленной на достижение глобального процветания и снижения угрозы возникновения вооруженных конфликтов»³; в виде факторов, способствующих развитию демократии, укреплению «мира во всём мире», созданию нового миропорядка, формированию новой, наднациональной элиты; и др.⁴.

Иными словами, транснациональный капитал представлен в структуре глобального гражданского общества в самом позитивном и к тому же в непререкаемом виде.

Аналогично он представляется и в системе национального гражданского общества, где в отношениях с государством он всё чаще выступает «на равных» как партнёр.

В настоящее время, отмечается в связи с этим в западной юридической литературе, «больше не существует прежнего типа государства и правительства — полисмена, который только тем и занимался, что указывал индустриальным фирмам на то, что нельзя им делать»⁵. Сейчас в США и в других странах возобладали «позитивная линия» в отношениях бизнеса и государственной власти, линия на установление партнёрских отношений⁶.

В результате своей эволюции национальный и транснациональный бизнес, констатируют авторы, всё активнее проникает в самые различные сферы жизни общества и всё чаще «становится настоящим центром притяжения и объединения («слияния» - center of confluence) влияющих на развитие общества сил»⁷.

Придавая транснациональным корпорациям огромное значение в структуре глобального, а вместе с тем и национального, гражданского общества, исследователи — сторонники традиционного понимания гражданского общества как совокупности «добровольных» экономических и неэкономических «форм», неконтролируемых и не финансируемых государством, не только не подвергают сомнению факт принадлежности этих институтов к гражданскому обществу, но даже, наоборот, в

¹ См.: Jacoby S. Corporate Governance in Comparative Perspective: Prospects for Convergence. — Comparative Labor Law and Policy Journal. 2000. № 1. P.P. 6 — 31; Carter P. (ed.). Corporations in Private international Law. A European Perspective. Oxford. 2001. P.P. 4 — 16; Litan R. Economics: Global Finance — Simmons P. and Oudraat Ch. (eds.). Managing Global issues. Wash. 2001. P.P. 198 — 223.

² Anheier H., Glasius M., Kaldor M. (eds.). Global Civil Society. 2001. Oxford. 2001. P. 32.

³ Mayer D. Corporate Governance in the Cause of Peace: An Environmental Perspective. — Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2002 № 2. P. 593.

⁴ Fort T., Schipani C. The role of the Corporation in Fostering Sustainable Peace. — Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2002. № 2. P.P. 389 — 415; Dieux X., Vincke F. Corporate Social Responsibility, Illusion or Promise? — International Business Law Journal. 2005. № 1. P.P. 14 — 21.

⁵ Barber R. The American Corporation. Its Power, Its Money, Its Politics. N.Y., 1970. P. 293.

⁶ Barber R. Op.cit., P. 5

⁷ Ibid., P. 6.

ряде случаев выдвигают их на первый план¹.

По иному обстоит дело, когда речь идёт о понимании гражданского общества как качественно нового и более высокого уровня развития традиционного человеческого сообщества. В данном случае вопрос стоит не столько о месте и роли транснационального и национального бизнеса в структуре гражданского общества, сколько о *правомерности его «пребывания» в этом социальном по своей природе и характеру сообществе как таковом.*

Одна из естественных причин такой постановки вопроса заключается в том, что бизнес-структуры, как и сам бизнес — это прежде всего *экономические по всем своим основным параметрам явления*, тесно связанные, но не совпадающие и по своей изначальной природе несовместимые с гражданским обществом — сугубо социальным явлением. Транснациональный и национальный бизнес, опосредствуемый в подавляющей своей части частными бизнес — институтами, согласно его природе (экономическая) и назначению (получение материальной отдачи — прибыли) находится, по логике вещей, за пределами как общества, так и государства, имеющих свою, в принципе отличающуюся от него, природу и назначение

Другой, не менее важной причиной постановки вопроса о правомерности включения транснациональных и национальных бизнес-структур в институциональную структуру гражданского общества является *по сути авторитарный, всё подавляющий на своем пути и всё подчиняющийся своим коммерческим интересам, характер данных институтов.*

Речь, разумеется, идёт не о физическом, силовом варианте воздействия крупных бизнес — структур на социальную среду в виде традиционного или гражданского общества, хотя, как показывает практика, и такие средства воздействия не являются исключением². Имеются в виду прежде всего финансовые и им подобные «рыночные» рычаги воздействия.

Указывая на то, что экономическая власть, носителем которой является в основном крупный национальный и транснациональный капитал, не менее опасна, когда ею злоупотребляют, нежели используемая в ущерб интересам общества политическая (государственная) или любая иная власть, К. Поппер призывает государство защитить своих граждан «от злоупотребления экономической властью». При этом автор вполне оправданно полагает, что «экономический сильный» (корпорация, фирма и т.п.), имея возможность воздействия на «экономически слабого», тем самым «может отнять у него свободу»³.

Данное положение известного философа в полной мере относится не только к отдельным гражданам и образуемым ими институтам, но и ко всему гражданскому обществу в целом. Наличие в нём, наряду с «экономически слабыми» субъектами в лице граждан и формируемых ими различных общественных объединений, «экономически сильных» субъектов в лице представляющих интересы крупного капитала транснациональных корпораций и всякого рода национальных фирм, ставит под угрозу само существование данного социального феномена.

Защищаясь от злоупотреблений в отношении прав и свобод граждан со стороны государства (политической власти), гражданское общество, в случае «включения» в него национальных или транснациональных бизнес-структур, вынуждено будет од-

¹ Travis L. Corporate Governance and the Global Social Void. — Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2002. № 2. P.P.487 — 546.

² См.: Частные военные компании сражаются лучше государственных армий. А стоят дешевле. — Версия. 2006. № 7. С. 7.

³ Поппер К. Указ. соч., С. 145.

новременно бороться внутри самого себя и против аналогичных злоупотреблений со стороны экономической власти. Нетрудно понять, что в результате такой борьбы «на два фронта» от гражданского общества в случае, если оно будет создано на национальном или глобальном уровне в таком виде, останется лишь один его суррогат под привлекательным, но вводящим в заблуждение широкие массы населения, названием — «гражданское общество» как современный идеал традиционного общества.

В современной национальной, региональной и глобальной системе мира, где огромными материальными и иными средствами воздействия на окружающую политическую, социальную и иную сферу обладает капитал, уже недостаточно, как было раньше, ограничиваться в процессе познания мира лишь государственными и общественными (социальными) структурами. Весьма важным при этом, представляется, особо выделять и рассматривать, наряду с ними, и все бизнес-структуры, обладающие по отношению к ним своими собственными интересами и целями, своей относительной самостоятельностью и самодостаточностью.

Ищенко Е.Г.

кандидат юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ МАССОВЫХ (ПУБЛИЧНЫХ) МЕРОПРИЯТИЙ

Ishenko E.G.

candidate of jurisprudence sciences

CONCEPT OF AN ADMINISTRATIVE-LEGAL MODE OF A SAFETY OF MASS (PUBLIC) MEASURES

In clause the detailed characteristic of the social phenomena named by mass actions is presented. It is marked, that in the mechanism of the state procedure of their carrying out is fulfilled.

In clause detailed classification of mass (public) actions is offered and the directions improving a mode of maintenance of their carrying out are offered

В соответствии с частью 1 статьи 20 Всеобщей декларации прав человека «каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций». Конкретизация этого основополагающего положения дается в статье 21 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Признается право на мирные собрания. Пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые налагаются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц». Статья 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод содержит следующую норму. «Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов».

В соответствии со статьей 31 Конституции Российской Федерации «граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Право граждан Российской Федерации на проведение публичных мероприятий является одной из гарантий свободы мысли и слова, выражения мнений и убеждений. Реализация установленного в статье 31 Конституции права граждан РФ собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, являясь одним из основных прав человека и гражданина, тесно связано с реализацией иных основных прав граждан Российской Федерации, предусмотренных статьями Конституции. В частности, реализация вышеназванного права практически невозможна без реализации гарантированных статьей 29 Конституции свободы мысли и слова (часть 1 статьи 29); запрета пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (часть 2 статьи 29); права каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (часть 4 статьи 29).

Массовые мероприятия могут проводиться религиозными организациями, что связано с реализацией положений статьи 28 Конституции России: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

В соответствии со статьей 2 статьи 45 Конституции «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Для этих целей при соблюдении требований законодательства могут использоваться и массовые акции, например, пикетирование.

Массовые мероприятия могут организовываться и проводиться общественными объединениями, в частности, при осуществлении политической агитации. Это является одним из следствий реализации предусмотренного статьей 30 Конституции России права каждого на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, а также гарантированности свободы деятельности общественных объединений.

Массовыми следует признать и разнообразные культурно-просветительные, театрально-зрелищные, спортивные, рекламные и иные мероприятия, связанные с пребыванием большого количества людей в определенном месте для удовлетворения самых разнообразных личных, профессиональных или иных потребностей. Эти мероприятия используются террористическими элементами для дестабилизации обстановки, запугивания населения, выдвижения политических и иных требований. Примеры - захват заложников в 2002 году в «Норд-Осте», взрывы в Тушино в 2003 году в г. Москве и т.д. С учетом этого обстоятельства представляется целесообразным расширить традиционные рамки рассмотрения содержания данного режима, включив в него вопросы обеспечения безопасности культурно-просветительных, театрально-зрелищных, спортивных, рекламных и иных массовых мероприятий, а не ограничиваться только митингами, шествиями, демонстрациями и пикетированиями.

Таким образом, реализация права граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование тесно связана с реализацией целого ряда прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией России.

Практика государств с развитыми институтами гражданского общества выработала набор приемов и средств, с одной стороны, обеспечивающих свободу проведения массовых публичных мероприятий как способ демонстрации своей воли и мнений, а с другой стороны - не допускающих подрыва правовых устоев общества, посягательства на стабильные, оправдавшие себя цивилизованные принципы развития и человеческого общежития,

В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» публичное мероприятие определяется как открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений. Цепью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам политической, Экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики. В названной статье даются определения основных

форм проведения публичных мероприятий:

собрание - совместное присутствие граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов;

митинг - массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера;

демонстрация - организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации;

шествие - массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам;

пикетирование - форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации.

При этом перечень публичных мероприятий не исчерпывается вышеназванными. В нормативно-правовых актах называются такие массовые мероприятия, как: собрания, публичные дебаты и дискуссии, встречи с гражданами и ряд других. Повседневная жизнь намного богаче, и события конца 80-х - начала 90-х годов, когда граждане России широко использовали право на проведение массовых мероприятий для выражения своих мнений, заявления требования, оказания давления на органы государственной власти, отдельные политические силы, дали нам пример разнообразных видов массовых мероприятий: голодовки, живые цепочки, палаточные городки.

Публичные мероприятия можно классифицировать по различным основаниям:

1. В зависимости от организационной формы различают: собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, публичные дебаты и дискуссии, встречи с гражданами и иные массовые мероприятия.

2. По целям их осуществления массовые мероприятия можно условно подразделить на следующие группы:

а) массовые мероприятия, целью которых является выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики.

В таких мероприятиях целесообразно выделять общий и непосредственный объект массового мероприятия. Общий объект - это та область общественной жизни, те общественные отношения, на которые направлено массовое мероприятие (например, на улучшение материального положения врачей, школьных учителей безотносительно к конкретным государственным органам, органам местного самоуправления, политическим деятелям, должностным лицам и т.д.). Непосредственным объектом являются конкретные государственные и иные органы, политические деятели, должностные лица, которые должны в той или иной форме выполнить требования субъектов массовых мероприятий.

б) массовые мероприятия, целью которых является свободное выражение и формирование мнений;

в) массовые мероприятия, связанные с удовлетворением определенных индивидуальных потребностей человека: личных, профессиональных или иных потреб-

ностей (например, культурно-просветительные, театрально-зрелищные, спортивные, рекламные и иные мероприятия).

Следует учитывать, что массовые мероприятия могут носить и зачастую носят комплексный характер, соединяя черты червой и второй групп. Например, в ходе предвыборной агитации могут заявляться и заявляются политические требования, лозунги, связанные с привлечением внимания к личности кандидатов, к нерешенным проблемам. В то же время эти мероприятия связаны с правом граждан участвовать в управлении делами государства, избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления (статья 32 Конституции РФ), а также с правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29 Конституции РФ), то есть и с определенными индивидуальными потребностями гражданина.

Цель проведения массового мероприятия может конкретизироваться в названии нормативного правового акта, регламентирующего порядок его проведения. Например, это касается культурно-просветительных, театрально-зрелищных, спортивных и рекламных мероприятий в г. Москве.

При этом важно учитывать степень сформулированности цели, форму ее внешнего выражения и категоричности (ультиматум, требование, обращение, петиция, простое заявление о необходимости что-либо предпринять).

3. По степени легальности массовые мероприятия могут быть:

а) разрешенными (если уведомление о проведении мероприятия отвечает предъявляемым требованиям, было подано организаторами в установленные сроки и принято соответствующим должностным лицом органа исполнительной власти или местного самоуправления). Разновидностью разрешенных являются плановые мероприятия, например, конкретные культурные и спортивные мероприятия;

б) неразрешенными (при несоблюдении вышеназванных и иных предъявляемых к организации и проведению массового мероприятия требований).

4. По степени организованности массовые мероприятия могут быть: а) стихийными, возникающими в силу наступления каких-либо чрезвычайных, экстраординарных для людей событий, побудивших их использовать массовые мероприятия для выражения своего мнения, контроль за проведением которых затруднен в силу отсутствия организаторов, уполномоченных должностных лиц органов исполнительной власти или местного самоуправления и т.д.;

о) частично организованными, когда мероприятие легально, присутствуют организаторы, уполномоченные должностные лица органов исполнительной власти или местного самоуправления, однако контроль за поведением граждан на которых затруднен без привлечения дополнительных сил и средств органов охраны общественного порядка и безопасности;

в) организованными, когда мероприятие легально и его проведение находится под полным контролем организаторов и уполномоченных должностных лиц органов исполнительной власти или местного самоуправления.

По составу участников, степени их однородности и общности (т.е. по субъектам) следует различать массовые мероприятия, в которых принимают участие лица, как знающие друг друга до начала проведения массового мероприятия, так и не знающие друг друга. При этом массовые мероприятия могут собирать как людей различных профессий, национальностей, различного социального происхождения, пола, возраста и т.д., так и вполне конкретные категории граждан, например, одного пола, одной национальности, одной профессии и т.д.

По месту проведения массовые мероприятия могут подразделяться на проводимые на открытых площадках (на улицах, площадях, скверах, парках, в иных общественных местах), и в закрытых помещениях (залах, клубах и т.д.).

По наступившим последствиям следует различать массовые мероприятия:

- а) достигшие поставленных целей и не достигшие поставленных целей;
- б) вызвавшие неблагоприятные последствия в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности Российской Федерации и не вызвавшие таких, и т.д.

8. По срокам их проведения:

- а) массовые мероприятия, проведенные в заявленные в уведомлении сроки;
- б) массовые мероприятия, сроки проведения которых отличаются от заявленных (как правило, их превышают).

7. По степени применения должностными лицами уполномоченных исполнительных органов мер административного принуждения:

а) массовые мероприятия, проведение которых было связано с применением уполномоченными исполнительными органами и должностными лицами мер административного принуждения;

б) массовые мероприятия, проведение которых не было связано с применением уполномоченными исполнительными органами и должностными лицами мер административного принуждения.

Возможно, отдельно следует классифицировать массовые мероприятия по характеру примененных мер административного принуждения (например, дело может ограничиться простой проверкой документов, а может быть связано с применением физической силы, специальных средств и т.д.).

8. В зависимости от правового положения организаторов следует различать массовые мероприятия, организаторами которых выступают:

- а) физические лица — граждане Российской Федерации;
- б) политические партии и иные общественные объединения.

При этом следует учитывать, что массовые мероприятия, организаторами которых выступают политические партии и общественные объединения, могут проводиться как на основе действующего законодательства о массовых мероприятиях, так и на основе их уставов, положений и иных корпоративных норм.

Обязательными признаками легальных (законник) массовых мероприятий являются:

- четко сформулированная цель проведения массового мероприятия; массовость (публичность) мероприятий, то есть собрание группы людей в определенном месте и в определенное время;

- наличие определенной степени организованности, объединяющего начала, обусловленных целью проведения массового мероприятия;

- выражение вовне в какой-нибудь форме своих взглядов, мнений, требований, отношения к каким-либо событиям, привлечение внимания к каким-либо проблемам (которое может осуществляться как при помощи речи, так и при помощи неречевых способов, например, плакатов, транспарантов, наглядной агитации, так и их совокупности; либо участие в массовых мероприятиях для удовлетворения индивидуальных потребностей и интересов);

- подача в установленные сроки уведомления о намерении проведения массового мероприятия и получение разрешения на это от соответствующих исполнительных органов;

- соблюдение организаторами и участниками массового мероприятия требований, предъявляемых законодательством к организации и проведению массового мероприятия;

- принятие уполномоченными исполнительными органами и должностными лицами мер по обеспечению безопасности проведения массового мероприятия, недопущению нарушений общественного порядка, общественной и государственной безопасности;

- осуществление контроля за организацией и проведением массового мероприятия со стороны уполномоченных должностных лиц исполнительных органов.

Для обеспечения безопасности проведения публичных мероприятий характерны все основные признаки, свойственные всем административно-правовым режимам, такие, как:

- непосредственное отношение к обеспечению общественного порядка, общественной и государственной безопасности;

- четкая регламентация порядка деятельности всех субъектов отношений, связанных с Проведением массового мероприятия;

- установление уведомительного порядка организации и проведения массовых мероприятий;

- перечень запрещенных действий;

- виды ответственности и иные меры воздействия, которые могут применяться за нарушения режимных мер;

- порядок обжалования неправомерных действий и решений государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц.

Порядок организации и проведения массовых мероприятий регулируется нормами ряда отраслей права, при этом основными являются нормы конституционного, административного и муниципального права. При этом нормы административного права конкретизируют конституционные положения о праве граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, устанавливая порядок реализации данного права и гарантии его осуществления. В связи с этим есть основания рассматривать обеспечение безопасности проведения массовых (публичных) мероприятий в качестве самостоятельного административно-правового режима, направленного на решение задач как в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, так и государственной безопасности.

Административно-правовой режим обеспечения безопасности проведения массовых (публичных) мероприятий представляет собой совокупность правовых норм и основанных на них организационных мер, устанавливающих и обеспечивающих наиболее отвечающий интересам обеспечения безопасности государства и общества порядок деятельности органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органов местного самоуправления, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций, их должностных лиц, а также поведения граждан при реализации ими конституционного права на проведение публичных мероприятий, а также иных прав и свобод в сфере государственного управления. Правовая основа рассматриваемого нами административно-правового режима в настоящее время находится в процессе своего совершенствования. Законодательство Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях основывается на положениях Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации.

Алафаев А.А.

кандидат исторических наук, доцент

ПРОБЛЕМА ТЕРРОРА В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НА РУБЕЖЕ 70-80-Х Г.Г. XIX В.

Alaphaev A.A.

candidate of jurisprudence sciences,
assiatant of professor

THE PROBLEM OF A TERROR IN RUSSIAN POLITICAL IDEA ON A BOUNDARY 70-80 YEARS XIX CENTURIES

In clause to open the maintenance революционно the adjusted citizens directed on an establishment of political validity in Russia. Influence of mass media on moods of people is described.

The author's sight at a problem of terror in Russian political idea of 19-th century is offered.

В середине 1878 г. началось оживление деятельности революционеров-разночинцев, отражавших глубокое недовольство народа своим положением. Катализатором послужил Международный конгресс, проходивший в Берлине по инициативе Англии и Австрии с 1 июня по 1 июля 1878 г., который пересмотрел итоги русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в ущерб интересам победившей России и Болгарии. «Позорный» Берлинский договор, подписанный Россией, вызвал в русском обществе всеобщее разочарование. Среди оппозиционно настроенной молодежи усилилось революционное брожение и антиправительственные выступления. Либеральная печать, выражая заветные думы прогрессивной буржуазии, встревоженной и возбужденной террористическими актами революционеров, усиливала свои требования экономических и политических реформ. Реакционные публицисты, ревностно защищая прерогативы самодержавия и крепостников, предлагали правительству Александра II искоренить «крамолу» и общественное недовольство исключительно «железом и кровью»¹. Все это свидетельствовало о созревании в стране признаков революционного кризиса, который, достигнув своего апогея в «кровавое воскресенье» 1 марта 1881 г., был преодолен молодым императором Александром III, назначившим в мае 1882 г. министром внутренних дел реакционного деятеля Д.А.Толстого. Либеральный журналист Г.К. Градовский назвал эти годы- 1878-1882- «роковым пятилетием»².

24 января 1878 г. Вера Засулич ранила из револьвера петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, приказавшего высечь розгами политического подсудимого А. Боголюбова. Револьверный выстрел был ответом молодой России на произвол России крепостнической. Террористический акт, как крик бунтовщика, предвещал о наступлении новой бури в освободительном движении, наложив на него свой кро-

¹ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 189.

² См. подробнее: Алафаев А.А. Либерализм в России на рубеже 70-80-х гг. XIX в. М., 2004; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2000.

вавый отпечаток.

31 марта 1878 г. суд присяжных признал подсудимую В. Засулич невиновной, что было встречено громом аплодисментов прогрессивной русской общественности¹. «Выстрел В. Засулич, ее сенсационное оправдание, - пишет крупный историк, - произвели глубокое впечатление в Европе»². Дело первой в истории России защитницы «прав человека» приковало внимание мировой общественности к самоотверженной деятельности русских «нигилистов». «Оправдывая Засулич, - отмечали советские исследователи, - присяжные обвинили не только Трепова, но и весь полицейско-бюрократический строй царской монархии»³. Выпущенную на свободу героиню дня царские власти пытались арестовать. Но ей удалось, благодаря стараниям революционных народников, в частности Д.А. Клеменца, скрыться от дальнейших преследований в Швейцарии.

Воодушевленная стихийным поступком благородной женщины-социалистки, молодая революционная Россия все больше склонялась в пользу отчаянных и опасных методов борьбы - заговора и террора. Терроризм, как выпущенный из сказочной бутылки злой дух, витал над страной, наводя на правительство, русское общество и обывателя растерянность, страх и ужас.

4 августа 1878 г. последовало покушение С.М. Кравчинского на шефа жандармов генерала Н.В. Мезенцева. «Вестник Европы», боясь отрицательных последствий террора, с «безотрадным чувством» заносил в свою хронику «возмутительный факт убийства»⁴. 7 августа Л.А. Полонский сообщал отдохавшему за границей М.М. Стасюлевичу: «У нас, конечно, ни о чем не говорят, кроме об убийстве Мезенцева, которое всеми осуждается. Но почитайте, что по этому поводу говорят «Московские ведомости» о суде и до чего доходит суетливость «Голоса»⁵.

Либеральная печать единодушно констатировала, что с выстрелом В. Засулич в России началась «новая эра» - эра политических убийств. «Московские ведомости» поспешили обвинить в этом «петербургскую печать» и «чиновную интеллигенцию», которые своим сочувствием потворствуют «злу», пошедшему в гору⁶. Высмеивая огульные, но далеко метящие обвинения реакционной печати, «Вестник Европы» писал: «начиная с царствования Екатерины II и до «дела Засулич», никому в голову не приходило, что «новая эра», эра обновления посредством политического убийства, будет изобретена петербургской печатью, при помощи чиновничьей интеллигенции, в 1878 г.»⁷. Ничто так не чуждо либерализму, отвечал Л.А. Полонский, как насилие и террор, откуда бы они ни исходили, «сверху» или «снизу». Ведь либерализм стремится к улучшению законов, чтобы обеспечить и гарантировать свободу личности в государстве и гуманизировать общественные отношения. Печальным фактам политического фанатизма могут злорадствовать только враги свободы и прогресса, каковыми являются «Московские ведомости». Указывая на взаимосвязь и взаимозависимость террора и реакции, «Вестник Европы» вновь воспользовался

¹ См.: Градовский Г.К. Роковое пятилетие (1878-1882 гг.) // Итоги (1862-1907). Киев, 1908. С. 3-117.

² Итенберг Б.С. Международные отклики на события в России // Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х годов. Гл. 14. М., 1983. С. 499.

³ Волк С., Выдря М. Предисловие // Кони А.Ф. Собр.соч.: В 8-ми т. М., 1966. Т. 2. С. 18.

⁴ Вестник Европы. 1878. № 9. Внутреннее обозрение. С. 392.

⁵ Письмо Полонского Л.А. к Стасюлевичу М.М. от 7/19 авг. 1878 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 293. 0 п.1. Д.1144/2.

⁶ См.: Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. С. 174-181.

⁷ Вестник Европы. 1878. № 9. Внутреннее обозрение. С. 394.

случаем высказаться в пользу реформ, способных обеспечить развитие страны по пути социального мира и буржуазного прогресса. В то же время «Вестник Европы» резко осудил террористическую тактику революционного подполья.

Последнее вызвало бурную реакцию землевольческих публицистов. В первом же номере своего нелегально издаваемого журнала «Земля и Воля» (1878. 25 окт. № 1) они напечатали статью «По поводу подвигов прессы», специально посвященную критическому разбору откликов либеральной печати о событии 4 августа. В ней Д.А. Клеменцем давалась уничтожающая характеристика либеральному «Голосу», как гнусной, продажной, буржуазной газетенке. Отзывы «Вестника Европы» были названы кликушечьими выкриками солидного либерального журнала, потерявшего свое олимпийское спокойствие. Суждения Л.А. Полонского о политических убийствах, как о весьма сомнительных средствах борьбы, вызывающих, несомненно, только реакцию, назывались благоглупостями, а его критические замечания против деятельности революционеров вообще – дикими, неприличными и безнравственными. Д.А. Клеменц возмущался: в пылу полемики с «Московскими ведомостями» либерал развил мысль, что поступок Веры Засулич – результат нравственного уродства этой личности. Оправдывая террористические акты, революционный публицист утверждал, что политические убийства не только служили делу свободы, но «они даже в некоторых случаях неразрывно слились в памяти народа с самим именем свободы»¹. Землеволец, обвиняя Л.А. Полонского в незнании истории, давал ему, не без сарказма, совет – сходить хотя бы два раза в оперу и послушать «Вильгельма Телля» Россини и «Юдифь» Серова.

Публицист «Вестника Европы» (1878. № 12) отвечал, что либералы всегда отвергали любые попытки политических убийств, способных только погубить дело свободы. Но «новые мыслители» возражают, приводя примеры Вильгельма Телля и Юдифи, советуют посмотреть, чтобы просветиться, хотя бы одноименные оперы. Не все, что эффектно в опере, язвил Л.А. Полонский, нравственно и хотя бы целесообразно в жизни. «Новые мыслители» никак не могут понять, что, во-первых, освобождение Швейцарии (освобождение от иностранного ига, а не социальный переворот) совершилось на полях сражений, притом благодаря народу, а не выстрелу Телля из лука; во-вторых, Юдифь спасла город от осады, а не расчистила путь для политических и социальных преобразований. Можно привести многочисленные примеры, не из легенд, а из всемирной истории, когда политическое убийство употреблялось как средство против свободы, когда последствием убийства была сильнейшая реакция. Заканчивая полемику с революционными народниками по вопросу о терроре, Л.А. Полонский выразил уверенность в том, что во всей Европе не найдется ни одного уважающего себя публициста, включая Либкнехта и Бебеля, который не осудил бы, вместе с «Вестником Европы», порочную практику политических убийств².

Отвечая на нападки либералов, землевольцы объясняли, что «политические убийства» совершаются социалистами, в первую очередь, в целях самообороны. Но наш «новый оппонент», писал Д.А. Клеменц, продолжает твердить: политические убийства вызывают реакцию! «Чем виноваты мы, – негодовал революционер, – что правительство вместо хлеба дает обществу камень, вместо рыбы – змею! Разве реакция – средство против недовольства общества?»³. Хроникер «Вестника Европы»

¹ Земля и Воля. 1878. 25 окт. № 1 // Революционная журналистика семидесятых годов / Под ред. Б. Базилевского. Париж, 1905. С. 161.

² См.: Вестник Европы. 1878. № 12. Внутреннее обозрение. С. 842.

³ Земля и Воля. 1879. 15 янв. № 3 // Указ.соч. С.274.

говорит, что Телль - личность полумифическая. «Тем лучше! - восклицал земледелец и легко парировал выпад либерального публициста: - Значит, народ в своих политических сказаниях о свободе не только одобряет, но и ставит убийц в числе героев». Если Либкнехт и Бебель действительно против принципа политических убийств, то в Европе известны другие публицисты и деятели, которые оправдывают в принципе политические убийства, возьмите хотя бы английского поэта-философа С. Лайдори. Защищая свою тактику, землевольцы приводили убедительный пример - убийство Павла I, которое было встречено в свое время всеобщим ликованием.

В разгоревшемся споре между Л.А. Полонским и Д.А. Клеменцем, которые выражали отношение соответственно «Вестника Европы» и «Земли и Воли» к проблеме террора, трудно ответить однозначно, кто из них был прав в той конкретно-исторической обстановке. Либерал принципиально отрицал насилие и террор, откуда бы они ни исходили, «сверху» или «снизу». Этим самым он обнаруживал свою неспособность диалектического решения вопроса о роли насилия в истории. В то же время постановка вопроса о нецелесообразности террористических актов в русском освободительном движении имела определенный смысл. Либерал осуждал не только реакционеров, но и деятельность революционеров, предпочитая путь компромиссов и соглашательства. Радикалы считали, что предлагаемая либералами тактика компромиссов с властью ограничит с изменой освободительному движению. Д.А. Клеменц резко осудил двойственную, центристскую, соглашательскую позицию либералов. Но стремление публицистов «Земли и Воли» во что бы то ни стало защитить и теоретически обосновать необходимость борьбы «методом Телля» таило в себе опасность: революционеры могли увлечься им, как главным методом политической борьбы. Следует отметить, что среди идеологов революционного народничества и самих революционеров-разночинцев существовали различные мнения о терроре и его целесообразности. К тому же отношение революционеров к террору со временем менялось. Например, Д.Л. Клеменц впоследствии высказывался против террористической тактики народовольцев¹. Чернопеределцы, не колеблясь, осудили метод политического террора².

Итак, в 1878 г., когда зарождался в стране второй демократический подъем, правильное решение вопроса о терроре зависело от учета объективных обстоятельств, от хода развития признаков революционной ситуации, от умения революционеров проводить террористические акты в прямой, непосредственной связи с движением масс.

Революционные народники, несмотря на увещевания либералов, продолжали террористическую тактику, пытаясь логически обосновать ее. Одним из теоретиков

¹ Знаменательно, что после раскола «Земли и Воли» на «Народную волю» и «Черный передел» Клеменц, сидевший тогда в крепости, высказался против тактики народовольцев, по свидетельству Дейча, вместе с чернопеределцами, что «сосредоточение деятельности главным образом на цареубийстве может привести лишь к гибели всего революционного движения». - См.: Левин Ш.М. Д.А. Клеменц. М., 1929. С. 78-79. «Клеменц, - пишет В.И. Федорова, - не принял политическое направление «Народной воли», осудив тактику политического террора». - См.: Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц: Автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 1983. С. 13. Однако первоначально террор «был вынужденным, а не выбранным способом действия». - См.: Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С.81.

² См.: Твардовская В.А. Революционное подполье // Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х годов. П. 8. С. 302-303. Легальная демократическая печать («Отечественные записки», «Дело») также осуждала индивидуальный террор как метод политической борьбы. - См.: Серебренникова В.Г. Демократическая журналистика периода второй революционной ситуации // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965. С. 349-350.

и ревностных защитников «метода Телля» был Н.А. Морозов. Землевольцы писали, что страшная сила государства давит народ. Необходимо разбить эту ужасную государственную машину, вставшую на пути к свободе. Учитывая опыт освободительной борьбы в Италии, где Мадзини создавал свои отряды и вооружил до 7 тыс. человек, русские народники утверждали: «Организуя вооруженные банды, мы фактически осуществляем революцию, приготавливаем силе силу и даем народу лучший образчик способа действия»¹. Самодержавие принимало ответные меры - усиливало репрессии. Непрерывной нитью, писали землевольцы, тянутся перед нами суды, ссылки, обыски и аресты наших товарищей. Революционные публицисты, оправдывая вынужденную тактику террора, видели в политических убийствах, прежде всего, акт мести самодержавию, единственное средство самозащиты при существующих условиях, один из лучших агитационных приемов и методов дезорганизации царского правительства, кроме того - осуществление революции в настоящем и самое грозное оружие против своих врагов. «Вот почему мы, - разъяснял теоретик русского террора Н.А. Морозов, продолжая полемику с либералами, - признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом»².

Апогей второй революционной ситуации (1879-1881 гг.) характеризовался многосторонней деятельностью подпольной партии «Народная воля», образованной в августе 1879 г. в результате раскола тайной народнической организации «Земля и Воля»³. Кстати, яблоком раздора послужил вопрос о терроре, т.е. форме политической борьбы. В отличие от чернопеределцев, народовольцы решительно и твердо выбрали путь заговора и террора. Это была не вина, а беда последних. «Руководствовавшиеся ненаучной теорией, - указывает В.А. Твардовская, - революционеры, преодолев анархизм, попали в плен иных иллюзий - по своей сути бланкистских»⁴. Но беда заговорщиков-террористов заключается еще и в другом: револьверные выстрелы не могли пробудить революционного сознания масс, которые были далеки от народовольческой теории крестьянского социализма.

Исполнительный комитет «Народной воли», пропагандируя борьбу «методом Телля», в первом же номере своего издания заявил: «русское правительство - железный колосс на глиняных ногах...»⁵. Признавая процесс развития капитализма в стране, революционеры с юношеским нетерпением спешили совершить политический переворот, пока буржуазия слаба. Если не успеть, то, окрепнув, она будет способна не только «вырвать плоды победы из рук рабочей демократии», но и придти к власти, закабалив посредством конституции народ более основательно, чем дворянское самодержавие. «Теперь или никогда» - такова была дилемма народовольческой партии⁶.

Летом 1879 г. народовольцы на своем партийном съезде вынесли смертный приговор Александру II, поставив своей целью изменение политического строя пос-

¹ Земля и Воля. 1879. 8 февр. № 5 // Революционная журналистика семидесятых годов / Под ред. Б. Базилювского (В. Богучарского). Ростов н/Д, С. 239.

² Листок Земли и Воли. 1879. 22 марта. № 2-3 // Там же. С. 283.

³ См.: Волк С.С. «Народная воля». 1879-1882. М.; Л., 1966; Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966; Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1969; Малинин В.А. Философия революционного народничества. М., 1972.

⁴ Твардовская В.А. Заключение // Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х годов. С. 537.

⁵ Народная Воля. 1879. 1 окт. № 1 // Литература партии «Народной Воли». М., 1907. С. 7.

⁶ Бывший народоволец Л. Тихомиров отмечал, что «без революции человеку семидесятых годов грозило полное крушение всего мирозерцания». - См.: Тихомиров Лев. Начала и концы. «Либералы» и террористы. М., 1890. С. 90.

редством царевубийства. Мечтая о государственном перевороте, заговорщики, однако, пытались убить царя в моменты наибольшего недовольства всех слоев русского общества. Террористическая деятельность народовольцев было подготовлена проповедью идеолога русского бланкизма П.Н.Ткачева, издававшего в эмиграции газету «Набат». Развернувшийся с сатанинской энергией террор революционного подполья, рассчитанный на устрашение царского правительства, посеял смуту в умах и действительно устрашал русское общество, держа его в напряжении и истощая нравственные силы. Попытка революционеров путем устрашающего террора захватить власть многим представителям оппозиционно настроенной молодежи казалась величественной. Но это скорее – «безумство храбрых», где больше «безумства», чем «храбрости». На глазах российской общественности разворачивалась национальная трагедия, которую Н.А.Бердяев справедливо назвал «трагедией единоборства русской власти и русской интеллигенции».

5 февраля 1880 г. народовольцы совершили в Зимнем дворце взрыв, потрясший и несколько образумивший слишком самоуверенное самодержавие, проводившее политику гонений и репрессий против оппозиционных сил, выступавших за элементарные свободы и права человека. «Правительство, – отмечает Б.С. Итенберг, – оказалось в тревоге и растерянности; страх, смятение, паника царили в высших кругах общества»¹. Взрыв в резиденции русских царей эхом прокатился по всей Европе, вызвав многочисленные отклики. В своей речи в рейхстаге Август Бебель громко заявил о симпатиях немецких социал – демократов к «русским борцам за свободу». Осуждая вообще метод террора, он вынужден был «признать допустимым» всякие средства борьбы в условиях России, «где власть так деспотична...»².

В связи с этим покушением на царя «Вестник Европы», возвращаясь к полемике с революционным подпольем по проблеме террора, писал, что об уроках истории часто говорят, но редко пользуется ими. Повторяемость событий свидетельствует о закономерностях истории, сходные причины приводят к сходным последствиям. Чтобы убедить революционеров в ошибочности и порочности их террористической тактики, К.К. Арсеньев, продолжая полемику Л.А. Полонского на посту внутреннего обозревателя «Вестника Европы», глубоко и всесторонне рассмотрел многочисленные исторические факты покушений, их причины и последствия, начиная со времен Юлия Цезаря до Александра II. Публицист обращал внимание на то, что покушения вообще редко удавались. Если же они удавались и наступала перемена, то «в духе прямо противоположном тому, которым были проникнуты виновники покушения»³. Социалисты-революционеры, продолжал К.К. Арсеньев, обратились к террору тогда, когда не удались их попытки распространения своих взглядов в среде народа. Русский народ невозможно сдвинуть с места порохом и динамитом. Он и теперь, после многократных покушений на царя, безучастно стоит перед революционерами лицом к лицу, обманув их ожидания. Неужели, вопрошал К.К. Арсеньев, революционеры могут думать, что условия, которых им не удалось создать целыми годами пропаганды, возникнут сами собой от выстрела или взрыва? Говоря об относительности роли личности в истории и осуждая покушения на царя, либерал назидал народовольцам: «Крупный исторический результат не может быть достигнут усилиями одного лица – не может, следовательно, быть достигнут и

¹ Итенберг Б.С. Кризис самодержавной власти // Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х годов. Гл. 4. С. 99.

² Цит. по: Итенберг Б.С. Международные отклики на события в России // Там же. Гл. 14. С. 503-504.

³ Вестник Европы. 1880. № 3. Внутреннее обозрение. С. 398.

устранением одного лица с исторической сцены. Порядок вещей, созданный веками, имеет слишком много точек опоры, чтобы разом пасть вместе с одной из них, хотя бы и самую главную»¹.

После покушения 5 февраля 1880 г. в стране воцарилась напряженная обстановка. Перепуганное самодержавие приняло решение - любой ценой искоренить «крамолу». Для этого оно было готово пойти на некоторые уступки либеральным домоганиям. Проводником такой двойственной политики стал глава чрезвычайного органа - Верховной распорядительной комиссии по восстановлению государственного и общественного порядка - гр. М.Т. Лорис-Меликов. Облеченный диктаторскими полномочиями, он, однако, обратился к русскому обществу за поддержкой и обещал реформы. Либералы ликовали, поверив «бархатному диктатору». Даже часть сотрудников демократических «Отечественных записок» поддавалась либеральным иллюзиям. Например, Г.З. Елисеев писал, что в правительственной программе «виднo искреннее желание сделать что-нибудь полезное для России в духе именно начал, положенных в основании новых реформ»². Публицисты революционного лагеря пытались в нелегальных изданиях раскрыть легковерным либералам глаза, вскрывая демагогический характер политики М.Т. Лорис-Меликова³. Но либерально настроенная общественность была довольна: цензурный гнет и административный произвол смягчились, работали сенаторские ревизии, правительство готовилось провести ряд буржуазных преобразований. В октябре 1880 г. К.Д. Кавелин, делясь с сестрой своими наблюдениями о новых явлениях в экономической и общественной жизни страны, писал: «Россия, кажется, собирается переродиться. Новое время стучится во все двери»⁴. В политической жизни как будто наступила оттепель, хотя репрессии, направленные против революционеров, усилились.

Но время шло, а ожидаемых реформ не было. Прекраснодушные либералы стали сомневаться и разочаровываться в своем много обещавшем, но мало торопившемся кумире-реформаторе. Революционная печать пыталась отрезвить либеральное общество: «Пора русским гражданам понять, что всякая власть делает уступки ровно настолько, насколько народ способен их вынудить»⁵. Полугодовое царствование М.Т. Лорис-Меликова, писали народовольцы, неопровержимо доказало, что революционный путь есть единственно верный путь для достижения политических свобод.

Жандармы и полиция не дремали - быстро редели ряды народовольцев. В феврале 1881 г. А. Дорошенко (Н.И. Кибальчич), выражая волю и веру остающихся на свободе революционеров, пророчил: «Политический строй, не удовлетворяющий теперь ни одного общественного класса, ненавидимый всей интеллигенцией, должен пасть в близком будущем»⁶. День очередного, седьмого покушения на царя был назначен - 1 марта 1881 года. Группа террористов (среди них бомбометальщики Н. Рысаков и Г. Гриневецкий) во главе с С.Л. Перовской спешно готовились к первому дню весны, падавшему на воскресенье. И вот, наконец, в этот день народовольцы добились своей непосредственной цели - казнили Александра II. Но успех кровавого воскресенья не оправдал надежд революционного подполья: народ, погруженный в траур, безмолвствовал. По Руси прокатился колокольный звон. Но это был

¹ Там же. С.399.

² Отечественные записки. 1880. № 9. Современное обозрение. С. 141.

³ Листок Народной Воли. 1880. 20 авг. № 2 // Литература партии «Народной Воли». С. 126.

⁴ Корсаков Д.А. Последние годы К.Д. Кавелина. 1875-1885 // Вестник Европы. 1888. № 2. С. 25.

⁵ Листок Народной Воли. 1880. 20 авг. № 2 // Литература партии «Народной Воли». С. 123.

⁶ Листок Народной Воли. 1881. 5 февр. № 5 // Там же. С. 169.

не тот звон колокола, о котором мечтали со времен А.И. Герцена революционные демократы. С первого дня весны 1881 г. в стране началась суровая, затяжная зима политической реакции.

«Вестник Европы» (1881. № 4), как и другие либеральные органы, скорбно воспринял «роковую» весть о казни народовольцами Александра II, назвав это событие «катастрофой 1-го марта». Журнал, напоминая своим читателям мысли, высказанные им по поводу взрыва в Зимнем дворце, писал, что эпоха политических убийств началась в России именно тогда, когда потерпело неудачу «хождение в народ» социалистов-революционеров. Как после «5 февраля», так и после «1 марта», лицом к лицу с ними стоит все тот же вновь обманувший их ожидания народ, которого не сдвинуть с места выстрелами, динамитом и бомбой. Преступление 1 марта, несмотря на страшное потрясение умов и сердец, ничем не нарушило общественного спокойствия. «Нет, – заключал К.К. Арсеньев, – политическим убийством не суждено влиять на ход событий, взрывчатым снарядам не суждено сделаться руководителями истории»¹. Террористический акт может, к сожалению, устранить ту или иную личность, но не в силах изменить общего положения, которое никогда не бывает обусловлено только одной личностью. Непреклонный сторонник либеральных реформ утверждал: «Порядок вещей, имеющий тысячи корней и точек опоры, не может быть ни подкопан, ни взорван – его может преобразовать только упорная, энергичная работа многих соединенных сил, принимающая в расчет все существующие условия и поддерживаемая, по крайней мере пассивно, большинством народа»².

В то же время журнал положительно оценил реформаторскую деятельность покойного государя, хотя и отмечал, что реакция, то ослабевая, то усиливаясь, никогда не прекращалась с 1862 г. до 1880 г. В связи с цареубийством либеральный орган предупреждал правительство, что оно не должно изменять своим преобразовательским задачам, правильно понятым после взрыва в Зимнем дворце. Опыт искоренения зла одними репрессивными мерами, доведенными до предела в 1879 г., не предотвратил «5 февраля» и «катастрофу 1-го марта», что устраняет всякую мысль повторения террора «сверху», способного вызвать только террор «снизу». Россия сделала в 1861 г. первый шаг по пути реформ. Вся сложившаяся обстановка настоятельно требует, чтобы теперь, в эпоху нового царствования, Россия, собрав все свои силы, сделала второй шаг по тому же пути. Социально-революционная агитация, достигнув своих крайних пределов, несомненно, затрудняла и будет затруднять ход преобразовательного процесса. Но это не должно смущать и отвлекать правительство, ибо «прочный результат может быть достигнут только изменением тех условий, при которых появилась и развилась болезнь, не уступающая лечению огнем и железом»³. В заключение либеральный орган, выпрашивая у правительства конституционные свободы, выразил готовность бороться против социалистических теорий и революционно-демократического движения.

В связи с событиями «1-го марта» либеральная печать и земства выступили общим хором, осуждая террористическую деятельность революционного подполья и ходатайствуя в верноподданнических выражениях о конституции. «Народная Воля» позднее бросила резкий, но во многом верный упрек либеральным публицистам и земским деятелям: «Застигнутые врасплох неожиданным конфузом, они вперебой с консерваторами подняли вой, сами не зная на чью голову»⁴.

¹ Вестник Европы. 1881. № 4. Внутреннее обозрение. С.772.

² Там же.

³ Там же. С.775.

⁴ Народная Воля. 1882. 5 февр. № 8/9 // Указ.соч. С.245.

Первомартовское событие обернулось «катастрофой» не только для либералов, но и для народовольцев, ибо они потерпели политическое фиаско. История революционных движений показывает, что партия прибегает к индивидуальному террору, если не пользуется поддержкой народа. Русские бланкисты, оторванные террором от народа, как Антей от земли, были обречены на поражение.

10 марта 1881 г. Исполнительный комитет «Народной Воли» обратился к новому монарху с письмом (авторы Л.А.Тихомиров и Н.К.Михайловский), в котором требовал амнистии по всем политическим преступлениям и созыва представительства от всего русского народа при всеобщем избирательном праве и свободе печати слова и сходов¹. В отличие от либеральных ходатайств, это письмо было исполнено достоинства, благородства и государственного ума. Однако царское правительство во главе с Александром III, даже не думавшем отречься от принципа самодержавной власти, ответило казнями и жестокими преследованиями революционеров.

Молодой монарх издал Манифест 29 апреля 1881 г., составленный К.П. Победоносцевым. Это означало, что самодержавие собирается преодолеть создавшийся революционный кризис путем реакции и контрреформ. Либеральные бюрократы (М.Т. Лорис-Меликов, А.А. Абаза, Д.А. Милютин) были вынуждены подать в отставку. Победу одержала партия «непреклонных сторонников самодержавия» - М.Н. Катков и К°. М.М. Стасюлевич в своем анонимном памфлете, направленном против поочередно сменивших гр. М.Т. Лорис-Меликова министров внутренних дел — гр. Н.П. Игнатьева и гр. Д.А. Толстого, называл ее «черной» партией, партией «черного передела реформ»².

И чем дальше отодвигалась при гр. Н.П. Игнатьеве возможность реформ, и чем явственней усиливалась реакционная политика при «министре борьбы» гр. Д.А. Толстом, тем с большей горечью либералы осуждали народовольцев: «катастрофа 1-го марта положила конец короткому, но светлому периоду нашей новейшей истории, последствия катастрофы слишком заметны до сих пор»³. В марте 1882 г. «Вестник Европы» писал, что теперь, спустя тяжелый и роковой год, можно более или менее измерить глубину пропасти, которая разверзлась в общественной жизни после

¹ См.: Филиппов Р.В. В.И. Ленин о письме Исполнительного комитета «Народной Воли» от 10 марта 1881 г. // Вопросы истории: Сб. статей. Петрозаводск, 1961. Вып. 1. С. 3-12; Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 289-295.

² См.: (Стасюлевич М.М.) Черный передел реформ Александра П. Берлин, 1882. С. 67, 74, 81.

³ Вестник Европы. 1882. № 1. Внутреннее обозрение. С. 336. «Мы не могли тогда представить, - вспоминал через 13 лет К.К. Арсеньев, - что это событие уничтожит все плоды ревизий». - См.: Арсеньев К.К. Автобиография (1861-1894) // РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 14. Л.54 об. Позднее часть либералов стала понимать, что настоящим виновником событий 1-го марта были не революционеры, а царское правительство, которое «сделало невозможным мирное развитие страны». - См.: Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855-1881). М., 1909. С. 259. Но все же либералы никак не могли, даже после Манифеста 17 октября 1905 г., простить первомаковцам то, что они почти на четверть века «похоронили» лорис-меликовскую «конституцию», подписанную Александром II утром последнего дня жизни — 1 марта 1881 г. Известно, что окончательное утверждение лорис-меликовского проекта, предполагавшего призыв общества к участию в законодательной деятельности, было назначено на 4 марта 1881 г. Вспоминая об этом, А.Ф. Кони, один из старейших сотрудников «Вестника Европы», на склоне лет писал: «Роковой день - 1-го марта 1881 года - отодвинул мирное осуществление этого призыва на целую четверть века». (См.: Кони А.Ф. Граф Лорис-Меликов // На жизненном пути. Ревель; Берлин, Б.г. Т. 3. Ч. 1. С. 6). «Это преступление, - вторил генерал А.И. Деникин, - на четверть века задержало эволюцию режима» (См.: Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 180). Трудно не согласиться с талантливым историком В.И. Харламовым, который в 114 годовщину царевубийства также считал, что «1 марта 1881 г. отодвинуло Россию от конституции - это бесспорный факт» (См.: Харламов В.И., Кислицина И.Л. Бакунизм на Юге России (70-е годы XIX века). Владивосток: ДВО РАН, 1992. 203 с. // Отечественная история. 1995. № 2. С. 209).

«жестокого и мрачного преступления первого марта»¹.

В то же время либералы не могли не признать героической и самоотверженной борьбы народовольцев. 15 января 1882 г. К.Д. Кавелин писал гр. Д.А. Милютину: «Как ни бессмысленна, безрезультатна и преступна деятельность наших революционеров, но им нельзя отказать в характере, энергии и изобретательности в преследовании своей цели. Что ни говорите, в них живет глубокое недовольство, которым более или менее проникнуто все русское общество»².

Отметим, что теоретическая и практическая деятельность революционеров нанесла смертельную рану идее самодержавия. Об этом свидетельствуют как наблюдения, так и признания многих современников, в частности К.Д. Кавелина: «Почти все убеждены, что самодержавие кончило свои дни. Я принадлежу к немногим единицам, которые думают, что не самодержавие, а органы и способы его действия окончательно отжили свой век и должны быть радикально реформированы»³. Однако сам идеолог либерализма не замечал в окружении Александра III ни одного с простым здравым смыслом человека, способного понять потребности новой, повзрослевшей России. В его глазах Катков, Победоносцев, Аксаков, Игнатьев и другие им подобные деятели охранительного лагеря были слабоумными фанатиками и интриганам, халифами на час. Надеюсь, что на их смену скоро придут молодые, интеллектуальные и прогрессивные деятели, старейший сотрудник «Вестника Европы» продолжал свято верить в либеральное будущее России. Но пока он убеждался в другом: «Поистине поразительное оскудение ума, талантов, знаний, энергии в высших слоях, предрежащих власть, и так называемой интеллигенции»⁴. «Вестник Европы» имел аналогичное отношение к реакционному окружению Александра III, но на своих страницах сказать об этом так прямо, разумеется, не мог⁵.

Итак, на протяжении второго демократического подъема либералы вели довольно острую и принципиальную полемику с реакционной прессой, пытаясь подтолкнуть правительство на второй, после 1861 г., шаг по пути реформ. Менее жесткий, но более принципиальный характер носила полемика либералов с революционерами. Не террор, а ходатайства; не подпольная, а легальная деятельность; не борьба, а компромиссы; не народ, а правительство; не социализм, а капитализм; не демократическая республика, а конституционная монархия; не революционный, а социал-реформистский путь в рамках буржуазного прогресса - так отвечали отличавшиеся политической зрелостью и умеренностью либералы на поставленные революционными народниками вопросы русского освободительного движения в трагическую эпоху «1-го марта 1881 г.»

¹ Вестник Европы. 1882. № 3. Внутреннее обозрение. С. 337.

² Из писем К.Д. Кавелина к гр. Д.А. Милютину. 1882-1884 гг. // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 15.

³ Там же. С. 9.

⁴ Из писем К.Д. Кавелина к гр. Д.А. Милютину. 1882-1884 гг. // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 11. По свидетельству С.А. Муромцева, к 1883 году он (К.Д. Кавелин) готов был уже отчаяться в возможности продолжать борьбу, оставаясь внутри страны. «Если бы я не чувствовал себя слишком старым, - сказал он тогда в бытность свою в Москве, - то теперешнее положение как раз таково, чтобы отправиться за границу, воскресить там дело Герцена». - См.: Муромцев С. Памяти К.Д. Кавелина // Русские ведомости. 1910. 4 мая. № 100.

⁵ В частности, М.М. Стасюлевич в своем письме к В.А. Арцимовичу от 1/13 авг. 1887 г. называл М.Н. Каткова «канонизированным мерзавцем» // ОР ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 66.

Филиппов А.Б.

ЮРИСДИКЦИЯ ЦЕРКОВНОГО СУДА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

Philippov A.B.

THE JURISDICTION OF CHURCHES COURT ON CRIMINAL CASES UP TO RUSSIA OF PETR I

In clause influence of church on political and judicial authority of Russia is stated. The special attention is given a role of a cathedral in the decision zemskih affairs and the organizations of court.

The author offers classification of the crimes existed in Russia down to the beginning of board of Peter I and entered into church jurisdiction

Своеобразие становления и развития церковно-уголовной юрисдикции на Руси заключалось в том, что главную роль в этом процессе сыграла законодательная деятельность светской, княжеской власти, при активном участии духовенства. С.В. Юшков отмечал, что в юридических сборниках того периода, как правило, отсутствуют нормы, регулирующие структуру и деятельность органов власти и управления, следовательно, многие стороны права продолжают регулироваться нормами обычного права, но наряду со сборниками права должны были появиться и акты, регулирующие отношение между Церковью и государством. Эти акты и получили название церковных уставов. Он же называет Княжеские Уставы основным источником древнерусского церковно-судебного права, а сборник княжеских уставов — единственным кодексом древнерусского церковного права¹. Уставы князя Владимира и князя Ярослава Мудрого содержат перечень преступных деяний подпадавших под церковную юрисдикцию, причем большинство из них до принятия христианства не считались преступными.

В Уставе Ярослава помимо дел, подпадающих под юрисдикцию Церкви, определяются санкции в отношении нарушителей норм церковного права. Большинство статей Устава Ярослава посвящено регулированию брачно-семейных отношений, однако, данные отношения рассматриваются в основном с позиций уголовно-правовых, то есть княжеские уставы, главным образом, касались основных моментов уголовного права и процесса, а нормы т.н. гражданского права (вещного и обязательного права) излагаются как исключение. Например, похищение девушки, согласно Уставу кн. Владимира влечет уголовную ответственность и перед церковной и перед светской властью, в то же время, в соответствующей статье Устава Ярослава предусматривается и гражданско-правовая ответственность перед пострадавшей. Вообще, для древнерусских юридических источников не является исключением указание в санкции нормы на два, а то и три вида ответственности — уголовную, гражданскую и церковно-правовую. В Уставе Владимира содержатся нормы, регулирующие семейно-брачные отношения, например, запрет родителям принуждать своих детей к вступлению в брак, а в Пространной редакции Устава Ярослава — целый ряд норм, регулирующих отношения между мирянами. Например, статьи запрещающие ли-

¹ См.: Труды выдающихся юристов. Юшков С.В.С. 79. М., 1989.

цам разных вероисповеданий совместно питаться, вступать в половые отношения и др., там же имеются нормы, регулирующие отношения духовных лиц.

Важнейшим источником церковно-судебного права является сборник постановлений Собора 1551 года, т.н. Стоглавого собора. Академик И.Н. Жданов писал, что вопросы, рассмотренные на Стоглавом соборе, касались «не только чисто церковных, но и государственных отношений. Рядом с вопросами о поведении духовных и монахов, о церковных обрядах, о нехристианских и нравственных явлениях в быту народном, предлагались Собору вопросы, касающиеся церковно-государственных отношений... этого мало; Собору предстояло обсудить много такого, что имело уже чисто государственное значение». Исходя из этого, И.Н. Жданов применил по отношению к Собору 1551 года наименование церковно-земского собора¹. А.С. Павлов рассматривает Стоглавый собор как источник церковного права, действовавший вплоть до 1700 года и лишь частично отмененный собором 1667 года².

В дореволюционной России данный источник исследовался главным образом с точки зрения богословия, хотя давался и юридический анализ содержащихся в нем норм церковного права. Советские исследователи использовали постановления Стоглавого собора как источник сведений по социально-экономическим, политическим, нравственно-религиозным вопросам истории России, юристы практически не интересовались. Н.Е. Носов в монографии «Становление сословно-представительных учреждений в России» изучает решения собора в тесной связи с реформой земского управления. Особое внимание уделяется им роли собора в решении земских дел и реорганизации суда. Наиболее подробно вопрос об источниках Стоглава был рассмотрен Д. Стефановичем³. Основным источником постановлений Стоглава, по его мнению, являлась церковная практика. Именно социально-экономические и политические условия, сложившиеся в России середины XVI века потребовали реформу церковного суда, т.е. Стоглав, приспособлял церковное устройство к сложившейся к тому времени сословно-представительной монархии, а одно из основных мест в его содержании занимают вопросы организации церковного суда.

Митрополит Макарий отмечал, что Стоглав впервые дает возможность составить представление об устройстве епархиальных судов в средневековой России и судопроизводстве в них⁴. Именно с его появлением связана четкая регламентация устройства церковного суда, его юрисдикции, судопроизводства. Стоглав регулировал жизнь не только церковных людей, но и мирян, а брачно-семейные отношения целиком регулировались церковным правом и находились под церковной юрисдикцией.

Перечень деяний, подпадающих под церковную юрисдикцию, содержится в судебниках Ивана III и Ивана IV, в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г.

На основе анализа вышеуказанных источников преступления, подпадавшие под юрисдикцию церкви можно квалифицировать по следующим видам:

1. Преступления против веры и церкви;
2. Половые преступления;
3. Преступления против семьи и брака;
4. Отдельные случаи убийства;

¹ См.: Российское законодательство 10 — 20 веков. М., 1985. Т. 2. С. 245.

² См.: Павлов А.С. Курс церковного права. С-Пб. 2002. С. 292.

³ См.: Стефанович Д. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. С-Пб., 1909.

⁴ См.: Макарий. История русской церкви. Т. 6. С. 201-202.

5. Оскорбление личности.

1. Перечень преступлений против христианской веры содержится уже в Уставе кн. Владимира: богохульничество (богохульство), идолослужение (поклонение предметам языческого культа), отступничество в магометанство или иудаизм, ересь, раскол, волшебство, зелейничество (отравление), святотатство. Ограбление мертвых тел, нарушение церковной святыни¹.

Согласно главе 1, статьи 1 Уложения 1649 г. богохульство карается смертной казнью. Идолослужение в качестве предмета церковного суда подтверждается Стоглавым Собором 1551 года. Отступничество по Уложению Алексея Михайловича наказывалось сожжением, но сначала являлось предметом церковного суда (Улож. гл. 22 ст. 24). Уложение Алексея Михайловича в качестве санкции за отравление предусматривает смертную казнь. В судебниках Ивана III и Ивана IV святотатство каралось смертной казнью. (Судебник Ивана III – ст. 149; Судебник Ивана IV – ст. 61.) Ограбление мертвых тел упоминается только в Уставе Владимира, в позднейших юридических памятниках не встречается, но это преступление можно отнести в один ряд со святотатством. Нарушение церковной святыни уголовно наказуемо и по Уставу Владимира, и по Уложению Алексея Михайловича (гл. 1 ст. 2.). Следует отметить, что в перечисленных выше источниках (за исключением княжеских уставов) содержатся только сами нормы, без определения подсудности. Однако, поскольку все перечисленные деяния относятся к преступлениям против веры, можно предположить, что они подпадали и под церковную юрисдикцию, а подсудность не указывалась вследствие того, что нормы, содержащиеся в уставах кн. Владимира и кн. Ярослава признавались действующими.

2. Половые преступления, такие как: блуд, изнасилование, содомия (мужеложство), скотоложство и другие, перечень которых содержится еще в уставах, находятся под церковной юрисдикцией до конца семнадцатого века.

3. Светская власть не вмешивалась во внутрисемейные дела, вплоть до принятия Уложения (гл. 22 ст. 1, 7, 14, 26.), где в основном подтверждались церковные полномочия в отношении семьи и брака. Как предмет церковного суда упоминаются следующие виды преступлений против семьи и брака: многоженство, браки в запрещенных степенях родства и свойства (т.е. не только кровосмесительные), самовольное расторжение брака, злоупотребление правами и нарушение супружеских обязанностей, злоупотребление родительской властью, нарушение детьми обязанностей в отношении родителей и т.п.

4. Согласно княжеским Устам, а также Уставной грамоте 1150 года под церковную юрисдикцию подпадали отдельные виды преступлений против личности, в том числе убийство и личные обиды. Церковному суду подлежало убийство только в тех случаях, когда дело о нем соприкасалось с другими уголовными и гражданскими делами, подпадающими под юрисдикцию Церкви. Например, дела связанные со сговором или свадьбой, убийство при похищении невесты. По Уставной грамоте 1150 г. - если орудием преступления являлось волшебство или зелье, а по Уставу Владимира – убийство матерью незаконнорожденного, изгнание плода (аборт). Убийство, или попытка убийства одного из супругов. Под церковную юрисдикцию подпадают дела, которые могут быть отнесены к случаям личной обиды. Такие как:

- похищение чужой жены;
- самовольное оставление супруга;
- драка между мужем и женой;

¹ См.: Российское законодательство 10 – 20 веков. Т. 1. С. 149. М., 1984.

- нарушение супружеской верности;
- неблагопристойная защита мужа женою;
- нанесение побоев родителям детьми, снохой свекрови;
- похищение девиц, причинение им насилия, оскорбление стыдливости;
- драка на сговоре или свадьбе;
- жестокое обращение мужа с женой;
- нанесение телесных повреждений замужней женщине или девице;
- обручение замужней;
- пострижение головы или бороды.

Предметом церковного суда личные обиды становились только в случае сговора или свадьбы, совершались внутри семьи, или против женщин, либо способом, считавшимся в то время, оскорбляющим достоинство личности. А большинство статей Устава кн. Ярослава вообще посвящено регулированию брачно-семейных отношений. Но отсюда вовсе не следует, что Устав кн. Ярослава — кодекс семейного права, поскольку отношения между полами рассматриваются преимущественно с уголовно-правовых позиций. Например, статья 2 Устава Ярослава гласит: «Аже кто умчить девку или насилит, аже боярская дщи, за сором ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота; а меньших бояр гривна золота, а епископу гривна золота; добрых людей за сором 5 гривен серебра, а епископу 5 гривен серебра; а на умычницех по гривне серебра епископу, а князь казнить их»¹. Таким образом, похищение девушки объявлялось преступлением, независимо от того, было это сделано по взаимному соглашению, или с применением насилия, поскольку в любом случае деяние считалось преступлением против христианской веры. За данное деяние, наряду с уголовной ответственностью, в статье предусматривается и гражданско-правовая ответственность перед потерпевшей. Таким образом, санкция нормы содержит указания сразу на два вида ответственности — на уголовную и гражданскую.

Я.Н. Щапов отмечал, что Церкви в древней Руси принадлежало три больших круга судебных прав, определяемых структурой феодального общества. Во-первых, судебная власть над всем христианским населением Руси, но лишь по определенным делам, не подлежащим княжескому, светскому; во-вторых, право суда над некоторыми группами этого населения (т.н. церковные люди) независимо от территории, где они жили; в третьих, судебная власть над населением тех земель, которые были феодальной собственностью церковных организаций².

Особый интерес представляет то обстоятельство, что регулирование правоотношений осуществлялось как по объектному, так и по субъектному составу. Например: преступления против христианской веры — видовой объект; преступления, совершаемые церковнослужителями — субъектный состав; преступления, совершаемые проживающими на церковных землях феодально-зависимыми лицами — субъектный состав³.

В круг лиц подпадавших под церковную юрисдикцию входили:

1. лица духовного звания;
2. миряне, причислявшиеся к церковным людям;
3. лица, проживавшие на церковных землях;
4. дворовые люди духовного ведомства.

Лицами духовного звания при определении их подсудности признавались

¹ См.: Российское законодательство 10-20 веков. Т.1. С. 168. М., 1984.

² См.: Щапов Я.Н. Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси XIII — XIV вв. М., 1972. С. 99.

³ См.: Филиппов А.Б. Шатилов С.В. Русская церковь как судебный орган на Руси (X — XVII вв.). Сборник научных трудов НИИ УИС РФ. С. 92. М., 2001.

монашествующие, белое духовенство, их жены и дети, причем последние только проживающие совместно. До середины шестнадцатого века духовные лица по всем делам между собой подлежали юрисдикции церкви, а между духовными лицами и мирянами, не подпадающими под церковную юрисдикцию, составлялся совместный суд. Помимо перечисленных выше преступлений духовенство подлежало ведению церковного суда во всех преступлениях, кроме убийства, разбоя и татъбы (кража) с поличным, однако, церковным властям иногда предоставлялся суд над духовными и по этим преступлениям, в преступлениях и проступках против обязанностей своего звания. Вообще в древнем русском праве заметно преобладание принципа, по которому юрисдикция церкви определялась не столько существом самих дел, сколько сословным характером лиц: лица духовные, как по преимуществу церковные, и судились у церковной иерархии. Главным образом потому, что по понятиям того времени, считалось неприличным отдавать духовных пастырей на суд мирян в таких делах, где на первом плане стоит нравственность, где требуется вменение (суждение о нравственных мотивах деяния), это представлялось оскорблением пастырского звания и унижением достоинства Церкви. В связи с этим духовные власти особенно отстаивали неприкосновенность своей юрисдикции над лицами духовными именно в уголовных делах¹.

В московский период исключительная подсудность духовных лиц своей иерархии была возведена в общий закон для земель, подвластных московским великим князьям.

Стоглавый Собор установил, что лица духовного звания, обвиняемые в убийстве, воровстве, грабеже, подделке монеты и пр., изначально подпадают под юрисдикцию церкви. Церковный суд определяет их виновность, осуждает и устанавливает церковное наказание, в том числе с лишением духовного сана, затем передает их в руки светского суда.

В таком виде церковно-уголовная юрисдикция просуществовала до реформ Петра I, когда из юрисдикции церкви были выведены уголовные дела, оставлены лишь дела о богохульстве, ереси, расколе, волшебстве, о браках, заключенных детьми по принуждению родителей или крепостными по принуждению господ и о насильственном пострижении в монашество².

¹ См.: Павлов А.С. Курс церковного права. С-Пб., 2002. С. 291.

² См.: Там же. С. 292.

РАЗДЕЛ II. ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Куркина Н.В.

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «УСЛУГА» КАК ОБЪЕКТ ДОГОВОРА ОКАЗАНИЯ УСЛУГ

Kurkina N.V.

candidate of jurisprudence sciences

TO A QUESTION ON A PROBLEM OF INTERPRETATION OF CONCEPT «SERVICE» AS OBJECT OF THE AGREEMENT OF RENDERING OF SERVICES

The concept «property» of civil law does not cover itself such categories, as work and service. Service appears as object of the obligation, more likely.

Service as is treated both as activity, and as result of activity, designating the economic and legal phenomena

Статья 128 Гражданского кодекса РФ закрепляет услуги в качестве объекта гражданских прав. Исходя из лексического толкования статьи, можно прийти к заключению, что услуги составляют самостоятельную группу объектов гражданских прав наравне с имуществом, включающим в себя деньги, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, и другими группами объектов. Таким образом, понятие «имущество» не охватывает собой работы и услуги, хотя договоры на оказание услуг относят к имущественным договорам, так как их результатом является получение экономических ценностей, например, договоры на оказание транспортных услуг, услуг предприятий связи и др.

В большинстве статей Гражданского кодекса РФ услуга фигурирует в качестве объекта правоотношений, а точнее, объекта обязательства.

Что касается современного российского гражданского законодательства, то следует, прежде всего отметить, что «услуги» как возможный объект правового регулирования упоминаются в обеих принятых частях Гражданского кодекса в нескольких десятках статей. При этом в «начальных» и вместе с тем «командных» статьях Гражданского кодекса РФ (имеются в виду ст. ст. 1 и 2 ГК РФ) «услуги» противопоставляются «товарам и финансовым средствам» (п. 3 ст. 1 ГК РФ), а также «имуществу», «товарам» и «работам» (п. 1 ст. 2 ГК РФ). В ст. 128 ГК РФ коррелятами «услуг» служат «вещи», «работы», «информация», «результаты

интеллектуальной деятельности» и «нематериальные блага».

В остальных статьях Гражданского кодекса РФ использованы и иные варианты соотношения «услуг» с другими правовыми категориями¹. Это стало возможным только потому, что в самом Гражданском кодексе определение «услуги» как таковой отсутствует. К этому следует добавить, что содержащиеся в ряде законодательных актов, принятых после Гражданского кодекса, легальные разъяснения соответствующей правовой категории существенно различаются между собой.

Так, услугами именовалась «предпринимательская деятельность, направленная на удовлетворение потребностей других лиц, за исключением деятельности, осуществляемой на основе трудовых правоотношений»², «деятельность профессионально подготовленного физического лица, по ознакомлению туриста с туристическими ресурсами в стране временного пребывания»³, «продукт деятельности по приему, обработке, перевозке и доставке почтовых отправлений, почтовых и телеграфных переводов денежных средств»⁴. Таким образом, в то время как в одних случаях услуга – это «деятельность», в других — «результат деятельности».

Нередко определению понятий оказывает помощь уяснение сущности соответствующего термина как такового, следует отметить, что, например, в толковых словарях русского языка «услуга» имеет довольно много значений. При этом основным либо единственным является следующее объяснение: «Услуга – это действие, приносящее пользу, помощь другому»⁵. Тем самым все сводится к двум связанным между собой элементам: цели, которой услуга служит («помощь», «польза»), и средствам достижения этой цели (совершение тем, кто предоставляет услугу, действия). Объединение этих элементов является, таким образом, необходимым для выделения соответствующего понятия.

В Гражданском кодексе РФ речь идет об услуге именно как об определенном действии. При этом с точки зрения того, кто оказывает услугу, соответствующее действие представляет собой «работу», а для того, кому (в чьих интересах) она совершается – «услугу». Следовательно, понятие «услуга» может употребляться для обозначения самых различных явлений, которые можно объединить в две группы. Во-первых, это экономические явления, во-вторых – правовые. Законодатель использует в нормативно-правовых актах услугу в правовом аспекте. Немаловажным будет уяснение экономического содержания услуги.

Следует отметить, что потребительная стоимость может содержаться не только в товаре или в вещи, но и в определенной деятельности, другими словами, в труде. Исходя из этого, услуга как потребительная стоимость может быть либо материальной (оказание услуги с помощью товара, вещи), либо нематериальной (оказание услуги трудом)⁶.

Мы считаем, что услуга в экономическом смысле шире услуги в ее правовом понимании. Услуга в экономическом смысле объединяет такие потребительные стоимости (предметы потребления), как товар (вещь), вещественный результат труда,

¹ См.: Баринов Н.А. Услуги (социально-правовой аспект). – Саратов, 2004. С. 11.

² См.: О государственном регулировании внешнеторговой деятельности: Федеральный закон от 13 октября 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 42. Ст. 3923. См.: Об основах туристической деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 29. Ст. 5491.

³ См.: Об основах туристической деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 29. Ст. 5491.

⁴ О почтовой связи: Федеральный закон от 17 июля 1995 г. // СЗ РФ. 1995. № 33.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. С. 828

⁶ См.: Баринов Н.А. Права граждан по договору бытового заказа и их защита. – Саратов, 1973. С. 23.

а также труд, не связанный с вещественным результатом.

Таким образом, юридическое понятие услуги охватывает только ту сферу экономических отношений по оказанию услуг, потребительная стоимость которой заключается в самой целесообразной деятельности, то есть в труде.

Считаем, что услуга в юридическом смысле подразделяется на различные виды. Во-первых, выделяются услуги фактического характера (перевозка, хранение, возмездное оказание иных услуг). Во-вторых, услуги юридического характера (поручение, комиссия). В-третьих, услуги как фактического, так и юридического характера (транспортная экспедиция, агентирование, доверительное управление имуществом). В-четвертых, услуги денежно-кредитного характера (заем, кредит, факторинг, банковский счет, банковский вклад, безналичные расчеты, страхование)¹.

Гражданско-правовое регулирование экономических отношений по оказанию услуг достигается с помощью различного рода обязательственных⁰ отношений. Выбор конкретной разновидности обязательства зависит от вида услуги. Так, экономические отношения по оказанию услуг от передачи товара регулируются обязательствами по передаче имущества в собственность.

Экономические отношения по оказанию материальных услуг, связанных с результатом труда, регулируются обязательствами подрядного типа, в результате исполнения которых достигается создание овеществлённого результата. Поскольку интерес потребителя удовлетворяет не процесс оказания услуги (обслуживание), а результат этой деятельности, то и объектом гражданских правоотношений выступает овеществлённый результат. Он может выражаться в создании новой вещи, а также в совершении каких-либо операций с существующими вещами.

При оказании некоторых материальных услуг создания новой вещи не происходит, в этом случае результат выражается в каких-либо изменениях существующих благ: сохранение или восстановление потребительских свойств вещей (например, ремонт вещи) и т. п. Особенностью указанных отношений является то, что выделить результат деятельности в виде отдельно существующего предмета невозможно, он материализуется в вещах и неотделим от них. К материальным услугам данного вида относятся не только услуги, направленные на изменение и создание вещей, но и услуги, объектом воздействия которых выступает человек, то есть личные материальные услуги. Они также облекаются в гражданско-правовую форму обязательства по выполнению работ. В связи с тем, что объектом воздействия услуги выступает человек, определённые требования предъявляются к процессу оказания услуги (соблюдение санитарных норм, комфортность, безопасность и т. п.), что воплощается в возложении на исполнителя услуги дополнительных обязанностей и предоставлении услугополучателю права требовать их выполнения.

Каждому виду услуги соответствует определенный вид обязательств по оказанию услуг. Так, фактические услуги опосредуются обязательствами, направленными на оказание фактических услуг, юридические — обязательствами, направленными на оказание услуг юридического характера, услуги, сочетающие в себе элементы юридических и фактических услуг, — обязательствами, сочетающими услуги юридические и фактические².

Некоторые авторы связывают правовое регулирование с проблемой классификации обязательств вообще и обязательств по оказанию услуг в частности. Например, Н.Д. Егоров предлагает классифицировать обязательства на общегражданские, возникающие между любыми субъектами гражданского права,

¹ См.: Шешенин Е.Д. Предмет обязательства по оказанию услуг // Сб. уч. тр. Свердловского юрид. ин-та. Вып. 3. Свердловск, 1964. С. 151.

² См.: Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 490.

хозяйственные, которые возникают только между организациями обязательства по обслуживанию граждан, возникающие между организациями и гражданами¹.

Услуга как объект гражданско-правовых договорных обязательств специально исследована Е.Д. Шешениным. Автор выделяет ряд признаков услуги как предмета договорного обязательства: а) услуга - это деятельность лица (юридического или физического), оказывающего услугу; б) оказание услуги не создаёт вещественного результата; в) полезный эффект услуги (деятельность) потребляется в процессе предоставления услуги, а потребительная стоимость исчезает².

Таким образом, Е.Д. Шешенин считал, что предметом договора услуг служат отношения, которые не носят вещественного характера. Соответственно он приходил к выводу, что сферы обслуживания и услуг не совпадают.

Мы не согласны с точкой зрения ряда авторов, которые считают, что характерной чертой услуги как объекта гражданско-правового обязательства является её направленность на предоставление удобств услугополучателю, которые выражаются в экономии времени, материальных, трудовых затрат и т. п.³. Предметом договора они считают «полезный эффект в виде удобств для контрагента»⁴. Прежде всего неверно отождествление полезного эффекта услуги и удобств (экономии времени, материальных затрат и т. п.).

Полезный эффект услуги представляет собой не что иное, как особую потребительную стоимость, то есть способность удовлетворять потребности людей. Граждане, вступая в отношения по оказанию услуг, преследуют прежде всего цель удовлетворения своих материальных и духовных потребностей, а будут ли их потребности удовлетворены с «экономией времени, материальных и трудовых затрат» или без таковой, не оказывает никакого влияния на характер отношений между услугополучателем и услугодателем. Эта «экономия» существенна для отношений между предприятием сферы обслуживания и работником, непосредственно оказывающим услуги населению, ибо прибыль предприятия зависит от того, как экономно работник будет расходовать своё рабочее время.

Некоторые учёные, используя экономическое понятие услуги, считают договор услуг более общим по отношению к договору подряда. Так, М.И. Брагинский считает, что объём понятия «услуга» искусственно сужается, если из договоров услуг выделяются в самостоятельный вид договоры по производству работ.

И договор подряда, и договор об оказании услуг, на наш взгляд, опосредуют экономические отношения по оказанию услуг. Однако особенности объекта правоотношения обуславливают особенности правового регулирования, что и приводит к существованию двух типов обязательств. Экономическое понятие услуги не может рассматриваться в качестве объекта гражданско-правового обязательства вследствие неоднородности продуктов услуг. Учёт особенностей продуктов услуг приводит к формулированию правового понятия услуги, объём которого уже экономического понятия услуги.

В результате есть основания признать, что разграничение договоров путем противопоставления работы услуге оказывается в значительной мере безуспешным. Не случайно поэтому в юридической литературе с равным основанием наряду с

¹ См.: Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. С. 97.

² См.: Шешенин Е.Д. Предмет обязательства по оказанию услуг. С. 151.

³ См.: Грушевая Е.П. Обязательства по предоставлению услуг в хозяйственных отношениях // Государство и право, № 5, 2002.

⁴ Калмыков Ю.Х. К понятию обязательства по оказанию услуг в гражданском праве // Советское государство и право. 1966. №5. С. 117; Романова Е.Н. Гражданско-правовое содержание услуг // Учен. зап. Кавказо-Балкарского НИИ. Нальчик, 1974. Т. 26. С. 213.

распространенным мнением: услуга - разновидность работы, высказывался и прямо противоположный взгляд: работа - это вид услуг.

Заслуживает внимания взгляд В.А. Тархова на разграничение работ и услуг, который полагает, что если действия должника не связаны с передачей вещи, то они носят название работы или услуги¹.

Многие авторы считают единственным индивидуализирующим признаком договора услуг его особый, отличный от подряда предмет, усматривали в этом качестве главным образом «непередаваемое, неразрывно связанное с деятельностью благо, нематериальный (неовещественный) и уже по этой причине неотделимый от исполнения услуги результат - действия и их полезный эффект.

Работы принято отделять от услуг по критерию предоставления овещественного результата: подрядчик, лицо, выполняющее работу, обязан не только осуществить предусмотренную соглашением сторон деятельность, но и сдать заказчику материальный результат. В то же время исполнитель услуг выполняет только определенную деятельность и не обязан предоставлять какой-либо вещественный результат.

Услуга сводится к совершению ряда действий или осуществлению определенной деятельности (п. 1 ст. 779 ГК РФ). Безусловно, будет достигнут определенный результат, но не в форме вновь созданной или обработанной вещи. В данном случае, представляется, правильнее говорить об эффекте услуги, который можно воспринимать, в отдельных случаях - наблюдать, но не получать как вещь.

Поскольку для заказчика услуги важна операция, он может вмешиваться в осуществление деятельности исполнителя, чего нет в работах. Потребителю необходим эффект от услуги. Но существует немало договоров по оказанию услуг, в которых недостижение эффекта не влияет на исполнение обязательства. Таковы комиссия, поручение, оказание юридических, образовательных, медицинских услуг. Их стороны могут только желать достижения эффекта, а будет он достигнут или нет - от их воли нередко не зависит. Исключение составляют услуги по перевозке, исполнение которых связывается с достижением нематериализованного эффекта - перемещением из одной точки пространства в другую - предметов или людей.

Обособление услуг по указанному критерию им не исчерпывается. Напротив, требуется дальнейшая разработка, чтобы определить критерии разграничения договоров подряда и договоров по оказанию услуг. Услуги, сгруппированные по признаку отсутствия вещественного результата, можно условно обозначить как «чистые услуги». К ним относятся: перевозки, транспортная экспедиция, договор банковского счета, хранение, поручение, комиссия, агентирование, лечебно-профилактические и многие медицинские услуги, услуги в области культуры и образования, туристские, аудиторские, консультационные, информационные, ветеринарные услуги, услуги связи, доверительное управление имуществом.

С одной стороны, недопустимо причислять какие-либо разновидности работ к услугам, с другой - в практике существует ряд договоров на выполнение таких операций, которые с некоторой оговоркой могут быть отнесены к услугам.

Работа - это, как правило, необратимая либо труднообратимая спецификация. Другое дело, спецификация обратимая. Работа характеризуется достижением вещественного результата, в обратимой спецификации он фактически есть, то есть формально это работа. Однако если ее результат может легко (быстро) исчезнуть или тем более объект может вернуться к первоначальному состоянию, существовавшему до переработки или изготовления, то будет ли операция, совершенная для достижения такого результата, полноценной работой? Речь не идет о каких-то случайных исключениях, казуистике - таковы услуги салонов красоты, парикмахерских и т. п.

¹ См.: Тархов В.А. Гражданское право. Курс. Общая часть. Уфа, 1999. С. 191.

Результат этих работ начинает уничтожаться сразу после их производства. Поэтому из-за специфической «дефектности» результата данные операции можно отнести к услугам. Основопологающим критерием, позволяющим произвести некоторое обособление названных услуг, является достижение неустойчивого вещественного результата. В силу его слабой сохранности подобная деятельность может быть отнесена к услугам.

Сюда же примыкают договоры по выполнению ремонтных работ. Из двух легальных признаков работы (п. 1 ст. 703 ГК РФ): изготовление и переработка (обработка), к ремонту относится последняя. На ремонт зданий и помещений распространяются положения о строительном подряде (ст. 740-757 ГК РФ).

Однако деятельность по ремонту оборудования, бытовой техники, инструментов, ювелирных изделий можно отнести к оказанию услуг. Аргументация - примерно та же, что в случае с обратимой спецификацией. Фактически производство такого ремонта имеет материальный результат, формально это работа, но результат этот не совместим и не соизмерим с результатом спецификации, он обычно столь незначителен, что с большим трудом можно говорить о переработке или обработке. В таком случае эти операции могут иметь два режима правового регулирования: один как работы, второй как услуги. Применение того или иного режима зависит от превалирования модели работы или «чистой услуги» в конкретной операции.

Таким образом, наряду с «чистыми услугами» можно выделить «так называемые услуги», поскольку четкого термина для подобных услуг - полуработ цивилистика не выработала.

Договоры по оказанию «так называемых услуг» опосредуют поддержание известного качественного состояния вещей, а также внешнего вида людей или животных. Качественный уровень может изменяться, но данные услуги способствуют сохранению или восстановлению некоего усредненного качества. Оценка его в большинстве случаев субъективна, поэтому о сдаче законченного вещественного результата в соответствии с четкими требованиями нормативных актов говорить не приходится. Договоры на оказание таких услуг распространены в потребительской сфере. Все они возмездные, отличаются указанной выше спецификой, не позволяющей отнести их исключительно к работам, и характеризуются повышенной ответственностью исполнителя.

Вместе с указанными группами операций - услуг можно выделить еще одну. Это услуги из смешанных договоров. Их специфический признак: услуги оказываются на основе договора, включающего элементы различных договоров — смешанный договор.

Так как объект обязательства из смешанного договора един, то в нем, наряду с операцией-услугой, могут содержаться действия, связанные с передачей имущества в собственность (медицинские услуги по протезированию) или в пользование. Объект подобных обязательств можно назвать комплекс-объектом, а обязательства относительно него могут одновременно относиться как к обязательствам по оказанию услуг, так и к другим группам обязательств.

Чем больший объем в объекте обязательства из смешанного договора занимает услуга, тем легче назвать соответствующее действие - объект обязательства услугой.

Специфической особенностью услуг, оказываемых из смешанных договоров, является возможность возникновения устойчивого овеществленного результата, что следует из самой природы смешанного договора, поскольку объект обязательств из подобных договоров может включать в себя действия, направленные на изготовление или переработку вещи. Появление овеществленного результата из смешанного договора, по которому среди прочего оказываются услуги, не приводит к смешению работ и услуг: законченный результат здесь есть следствие работы. Если

выполняемые услуги и способствовали его появлению, то он тем не менее возникает не напрямую из услуг.

Услуга характеризуется также рядом других свойств, которые позволяют отграничивать обязательства по возмездному оказанию услуг от иных обязательств.

1. Услуга, будучи объектом гражданских прав, гражданско-правовых сделок, должна отвечать требованиям фактической и юридической осуществимости.

Как уже указывалось, по общему правилу, услуга не имеет вещественного результата. Как операция она обладает свойством неосвязаемости и этим кардинально отличается от наиболее распространенных объектов гражданских прав - вещей. Услуга проявляется в ее эффекте, который воспринимается нередко на уровне чувств. Тут же проявляется другое ее свойство - трудность обособления и неотделимость от источника. Товар же, вещь могут существовать отдельно от своего источника, то есть производителя.

2. Любая услуга оказывается человеком. Когда определенная часть деятельности выполняется машиной, можно, казалось бы, говорить, что эффект услуги исходит от машины. Однако и в этом случае услуга неотделима от источника, она - определенный этап функционирования механизма, а как можно обособить деятельность от исполнителя? Раз услуга всегда выступает в «привязке» к конкретному человеку, а совершенно похожих людей не бывает, то свойство неотделимости порождает специфическую черту услуг - их эксклюзивность. Нормы права, регулирующие договоры на оказание тех или иных услуг, содержат обобщенные модели отдельных типов (видов) договоров.

Услуга, оказываемая конкретным человеком или сообществом, индивидуализируется, становится в известной мере уникальной, эксклюзивной, хотя и продолжает относиться к конкретному виду деятельности.

3. Еще одно свойство услуги - синхронность оказания и получения.

Получение (принятие) ее заказчиком и процесс оказания услуги исполнителем идут одновременно. При этом только эффект услуги может сохраняться какое-то, возможно, непродолжительное, время. Трудно представить ситуацию, при которой услуга будет оказываться в одно время, а приниматься - в другое. Принять услугу до того момента, пока не начат процесс ее оказания, невозможно, а после того, как она оказана, также не представляется возможным. Допустимо получение в отдельных случаях эффекта от услуги по истечении некоторого периода с момента завершения процесса ее оказания.

Из указанного вытекает свойство несохраняемости услуг.

Свойство синхронности оказания и получения услуги в соединении с ее несохраняемостью можно объединить термином моментальная потребляемость услуг. Такое свойство известно законодателю, иначе как можно объяснить включение в п. 2 ст. 167 Гражданского кодекса РФ, посвященной последствиям недействительности сделок, правила, по которому при двусторонней реституции сторона, которой была оказана услуга по недействительной сделке, обязана возместить другой стороне ее стоимость в деньгах. Отмеченное приводит к выявлению одного из главных свойств услуги - неустойчивости ее качества.

4. Качество - это то, что нельзя исчислить. Оно проявляется в особенностях, специфических чертах явления, и уровень качества есть ряд свойств, делающих явление ценным, значимым. Следовательно, уровень качества должен определяться набором признаков выполняемой операции.

Качество отдельных видов услуг можно, на наш взгляд, определять методами экспертной и социологической оценки. Приемлема также оценка мастерства исполнителя, технологической дисциплины.

Прокопенко О.П.
кандидат юридических наук

ОХРАНЯЕМЫЕ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСЫ В СТРУКТУРЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Prokopenko O.P.
candidate of jurisprudence sciences

INTERESTS PROTECTED BY THE LAW IN STRUCTURE OF HEREDITARY PROPERTY

In clause the problem of definition of a category «hereditary property» is investigated. The conclusion about presence of four basic approaches to scientific definition of the given term is formulated.

Is based author's position about the possibility of inheritance «guarded by the law of the interest», which is been the component part of the copyright

Переход России к рыночной экономике потребовал реформирования правовой базы общественных отношений, связанных с охраной и использованием результатов интеллектуальной деятельности во исполнение конституционных гарантий в части обеспечения каждому человеку свободы литературного, научного и др. видов творчества.

Приходится констатировать, однако, что ряд положений части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (раздел V, раздел VI) и Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах»² содержат ряд противоречий и разночтений.

В практической деятельности отсутствует единый правовой механизм наследования произведений литературы - объекта авторского права, положения которого реализуются путем толкования в многочисленных нормативных правовых актах. Подтверждением этому служит тот факт, что в теоретических исследованиях до настоящего времени отсутствует как само понятие «наследственное имущество», так и не выработан механизм защиты субъективных прав наследников.

Отмена законодательных запретов России в отношении видов, объема и стоимости имущества, принадлежащего гражданам, за редким исключением (п.п. 1, 2 ст. 213 ГК РФ), привела к тому, что в составе имущества, а, значит, и в составе наследства, оказались квартиры, дома, предприятия, другая недвижимость, земельные участки, а также многочисленные и разнообразные имущественные права.

Не вызывает сомнений, что наследственное правоотношение возникает по поводу наследства. Понятие «наследство» является одним из краеугольных камней всего правового регулирования отношений, складывающихся в сфере наследования. В разделе V ГК РФ «Наследственное право» для обозначения этого понятия используются также и другие термины. При определении категории «наследство» оперируют понятием «наследственное имущество» (п. 2 ст. 1149, п.п. 5, 6 ст. 1171, п. 2 ст. 1174 ГК РФ), «имущество» (п. 3 ст. 1117, п. 1 ст. 1122, п. 2 ст. 1175 ГК РФ), «имущество, входившее в состав наследства» (п. 2 ст. 1137, п. 4 ст. 1172 ГК РФ).

¹ Далее - ГК РФ.

² Далее - Закон об авторском праве.

Думается, что ст. 1112 ГК РФ не внесла ясность в содержание термина «наследство»¹. Не секрет, что практические работники возлагали большие надежды на определение и конкретизацию данного термина.

Отсутствие в ранее действовавшем законодательстве положения о составе наследственного имущества компенсировалось судебной практикой, допускавшей расширительное толкование термина «имущество»². Мы вынуждены констатировать, что при применении соответствующих норм требуется всякий раз уяснять значение термина «наследство».

Вследствие этого закономерным представляются следующие вопросы: что представляет собой «имущество» и каким образом в состав наследства включается интеллектуальная собственность. Данные вопросы логичны, так как приходится констатировать многочисленные недоработки части третьей ГК РФ и Закона об авторском праве, регулирующие вопросы наследования интеллектуальной собственности.

Известно, что с исторических времен различным общественным отношениям был свойственен процесс наследования. Наследование имело как политическое, так и правовое значение при переходе высших постов в государстве (престолонаследие) или мест в законодательных органах. Наследование накладывало отпечаток и на формальную структуру общества (при переходе сословных титулов), а также на отправление тех религиозных культов, которые строились на поклонении предкам или семейным богам. Наследственное право России, как и право других стран Европы: Франции, Германии, Италии, Испании, а также Японии, Бразилии и ряда иных государств, своими корнями уходит в римское право³. В США, Индии, Канаде, Австралии и других странах при наследовании имело место не преемство в правах и обязанностях, а ликвидация имущества наследодателя: осуществлялся и осуществляется расчет долговых обязательств и иных обязанностей. Наследники получают право на чистый остаток. Все это происходит в рамках особой процедуры, именуемой «администрированием» и протекающей под контролем суда. Таким образом, здесь наследники, в принципе, не являются преемниками прав и обязанностей наследодателя⁴. Имущество последнего превращается в особую

¹ См.: Амфитеатров Г.Н. Право наследования личной собственности. М., 1946. С. 8; Власов Ю.Н., Калинин В.В. Наследование по закону и завещанию. - М.: Юрайт, 2000. - С. 5-7; Перетерский И.С. Гражданский кодекс РСФСР: Комментарий: Вып. VI: Наследственное право. М. - СПб., 1924. С. 7 – 9; Толстой Ю.К. Наследственное право. - М.: Проспект, 1999. - С. 10-24; Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву: Серия «Классики российской цивилистики». - М.: Статут, 1997. - С. 54-64.

² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 01.07.1966 № 6 «О судебной практике по делам о наследовании», Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.04.1991 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих у судов по делам о наследовании» // Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по гражданским делам / Сост. А.П. Сергеев. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. - С. 869-877.

³ В Древнем Риме основной функцией наследования считалось продолжение личности умершего. В современном ГК РФ получила развитие именно римская концепция наследования как преемства, при котором наследники становятся, в принципе, на место наследодателя в отношении его имущества, т.е. как прав, так и обязанностей.

⁴ Такой «вариант» правопреемства считают приемлемым В.А. Белов, М.А. Мирошникова, полагая, что об «оборотоспособности» гражданских прав, как об одном из их свойств, можно говорить только условно, понимая, что права ходить и переходить от одного лица к другому не могут, а только возникают и прекращаются. Поэтому под «оборотоспособностью» права может пониматься лишь возможность его прекращения с последствиями, свойственными транслятивному правопреемству, то есть способность «умирать» и «возрождаться» в новом правоотношении. См.: Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2000. - С.21.; Мирошникова М.А. Сингулярное правопреем-

разновидность доверительной собственности (trust) и в этом качестве поступает сначала к судье, от него к назначаемому им специальному лицу (так называемому «администратору») либо к лицу, назначенному наследодателем в завещании («исполнителю»). А уже от них, после завершения процедуры и соответствующего решения суда, оставшееся имущество передается наследникам¹.

В современных условиях, чаще всего, под наследством понимают совокупность прав и обязанностей наследодателя. В данном случае наследство рассматривается как единство прав и обязанностей, принадлежащих наследодателю на момент его открытия. Причем при таком подходе права именуются «активом», а обязанности «пассивом». Указанная точка зрения, разработанная еще римскими юристами², имела своих сторонников как в русской дореволюционной³, так и в современной литературе⁴.

Совокупность прав и обязанностей, переходящую к наследникам, сторонники рассматриваемой позиции называют «наследством», «наследственным имуществом», «наследственной массой». Эти понятия используются как равнозначные. Так, например, В.Л. Инцас уточняет: «Объект наследственных правоотношений - имущество, представляющее собой совокупность имущественных и личных неимущественных, связанных с имущественными, субъективных прав и обязанностей наследодателя»⁵. М.Ю. Барщевский, определяя понятие «наследство», подчеркивает, что «речь идет о совокупности не вещей, а имущественных прав и обязанностей»⁶. По мнению Б.С. Антимона и К.А. Граве, наследство - это «все то, что по нормам наследственного права переходит к наследнику, принявшему наследство из состава прав и обязанностей»⁷. Понимая наследственную массу как совокупность принадлежащих наследодателю гражданских прав и обязанностей, ученые сужают понятие наследства, исключая из него не принятое наследником имущество наследодателя. Позицию Б.С. Антимона и К.А. Граве справедливо критиковал В.А. Рясенцев⁸, утверждая, что подобное понимание наследства не соответствует положениям закона. Он указывал, что отказ наследника от принятия наследства не лишает имущество статуса наследственной массы, - оно переходит к другим наследникам либо к государству.

Придерживаясь традиционного определения наследства, В.А. Рясенцев отмечал, что «формулировка «совокупность прав и обязанностей» не должна применяться без

тво в авторских правах. - Санкт-Петербург: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. - С. 27.

¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей. / Под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Г. Светлана. - М.: Юрайт, 2004. - С. 8-13.

² Новицкий И.Б. Римское право / МГУ им. М.В. Ломоносова, Центр обществ. наук. - (5-е изд.). - М.: Ассоц. «Гуманитарное знание»: ТОО «ТЕИС», 1994. - С. 209.

³ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 4-е, испр. - М.: «Статут», 2003. - С. 298; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907г.). - М.: «СПАРК», 1995. - С. 37-45.

⁴ Амфитеатров Г.Н. Право наследования личной собственности. - М. 1946. С. 8.; Бондарев Н.И. Право на наследство и его оформление. - М.: 1971. С. 8; Перетерский И.С. Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий/ с учетом гражд. код. союзных республик/ под ред. С.М. Прушицкого и С.И. Раевича. - М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. - С. 7.

⁵ Инцас В.Л. Наследование как особый вид правопреемства в советском гражданском праве. Автореф. дисс. ... к.ю.н. - Москва, 1973. - С. 5.

⁶ Барщевский М.Ю. Если открылось наследство... - М.: Юридическая литература, 1989. - С. 19.

⁷ Антимонов Б.С. и Граве К.А. «Советское наследственное право». - М.: Госюриздат, 1955. - С. 28.

⁸ Рясенцев В.А. Рецензия на книгу Антимона Б.С. и Граве К.А. «Советское наследственное право» // Советское государство и право - 1956. - № 4. С. 141-144.

изъятий и оговорок, так как она не является единственной и исчерпывающей всех случаев наследования». Действительно, зачастую у наследодателя не оказывается долгов, в этом случае они не могут входить в наследственную массу.

Определяя состав наследственной массы, подавляющее большинство сторонников рассматриваемой концепции указывает, что не переходят по наследству имущественные права и обязанности, носящие строго личный характер (право на возмещение вреда, причиненного здоровью наследодателя, право на получение пенсии, алиментов и т.п.).

Позиция, согласно которой категория «объект наследования» рассматривается как совокупность имущественных и некоторых неимущественных прав и обязанностей, является наиболее распространенной.

В то же время не все цивилисты разделяют вышеизложенную трактовку понятия «наследство». Так, В.И. Серебровский полагал, что в наследственную массу входит только совокупность имущественных прав, принадлежавших наследодателю, но никак не обязанностей. По мнению В.И. Серебровского, долги являются только «обременением» наследства, но не его составной частью: «долги могут уменьшать наследственное имущество, даже полностью его исчерпать, но сами в состав наследственного имущества не входят»¹.

Сторонники третьей точки зрения категорически отрицают признание объектом наследственного правопреемства не только обязанностей, но и прав умершего лица. По их мнению, переходить по наследству может лишь имущество как совокупность определенных материальных (и некоторых нематериальных) объектов. По сути, такой концепции придерживался Г.Ф. Шершеневич, который считал, что: «...переход совокупности имущественных отношений лица за смертью его к другим лицам называется наследованием. Иначе, за этим именем понимается замена одного субъекта имущества, за смертью его, другим. Имущество, оставленное умершим и переходящее к новому субъекту, носит названия наследства». Н.Д. Егоров напротив, считает, что традиционное определение наследства противоречит общетеоретическим представлениям о правоотношении, в соответствии с которым содержание правоотношения образуют субъективные права и обязанности их участников. «Получается, что субъективные права и обязанности составляют одновременно и объект и содержание наследственного правоотношения»². Объектом наследственного правоотношения Н.Д. Егоров называет «реальные материальные и духовные ценности». «Подтверждением указанной позиции служит и то обстоятельство, что наследодатель завещает не субъективные права и обязанности, а конкретное имущество, в отношении которого он этими правами обладает». Он считает также, что утверждение о переходе к наследникам субъективных прав и обязанностей (либо только прав) наследодателя, неизбежно приведет к выводу о том, что с момента открытия наследства до его принятия субъективные права и обязанности будут существовать «бессубъектно», без каких-либо носителей. Обязанности он исключает из состава наследственной массы, обосновывая это следующим рассуждением: законодатель ограничивает ответственность наследников перед кредиторами наследодателя пределами действительной стоимости перешедшего наследственного имущества, следовательно, наследственное имущество обладает стоимостью. Права же и обязанности обладать стоимостью не могут³.

¹ Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. - М.: «Статут», 1997. - С. 36-69.

² Егоров Н.Д. Наследственное правоотношение // Вестник ЛГУ - Вып. 3. - 1998. - № 20. С. 68-69.

³ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). - М.: «СПАРК»,

В свете изложенного следует отметить, что приведенная точка зрения, на наш взгляд, не совсем верна применительно к реалиям современности. Во-первых, можно утверждать, что стоимостью обладают не только материальные объекты¹; во-вторых, указание в завещаниях конкретных вещей, переходящих в порядке наследования, не означает перехода к наследнику исключительно этих вещей, ведь наследник вместе с вещами получает и определенные обязанности.

Нередко в юридической литературе можно встретить и четвертую вариацию определения понятия «наследства», по смыслу совпадающую с определением, данным в ст. 1112 ГК РФ: «В состав наследства входят принадлежащие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности, право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается гражданским Кодексом или другими законами»². Положения ч. 1 ст. 1112 ГК РФ отражает характер наследства именно как имущественного конгломерата. В норме содержится перечень того, что входит в состав наследства. Сравнение этого перечня со списком объектов гражданских прав, предусмотренных ст. 128 ГК РФ, обнаруживает, что в состав наследства включено все, что отнесено к объектам гражданских прав. Поэтому нормы ч. 1 ст. 1112 ГК РФ содержат не только перечень объектов, способных входить в состав наследства, но и указывают некоторые требования, которым должны отвечать отдельные объекты, чтобы быть включенными в состав наследства.

Перечень устанавливает правило, согласно которому в состав наследства «входят принадлежавшие наследодателю... вещи». Следовательно, требуется, чтобы вещи принадлежали наследодателю. Это - вывод из, более общего правила, согласно которому «в случае смерти гражданина право собственности на принадлежавшее ему имущество переходит по наследству» (п. 2 ст. 218 ГК РФ).

Обобщая изложенное, мы приходим к возможности формулирования вывода о наличии в теории гражданского права четырех основных подходов к научному определению данного термина.

Согласно первому подходу, смысловым стержнем которого, при определении понятия «наследство», выступает единство прав и обязанностей, принадлежащих наследодателю на момент открытия наследства; согласно второму – совокупность только имущественных прав, принадлежавших наследодателю, исключаящих их обязанности; согласно третьему – имущество как совокупность определенных материальных (и некоторых нематериальных) объектов; согласно четвертому – совокупность вещей, иного имущества и имущественных прав.

Полагаем, что в действующем законодательстве (ст. 1112 ГК РФ) содержится более широкое определение понятия «наследство». Вместе с тем, вопрос о наследовании объектов авторского права (произведений литературы) остается, в большей части, за рамками ГК РФ (например, переход по наследству права на обнародование произведения, защиту репутации автора и т.д.).

1995. - С. 468.

¹ Все развитые страны в условиях глобализации и международного разделения труда усвоили одну важную истину. Когда создается произведение интеллектуальной собственности, оно может быть оценено у независимого оценщика-эксперта по рыночным ценам, а далее заложено как нематериальные активы. Овчинников В.В. Основные проблемы интеллектуальной собственности в России // Право интеллектуальной собственности: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч. - информ. исслед. Отдел правоведения; Отв. ред. Афанасьева Е.Г. - М., 2004. - С. 13.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. - СПб.: Питер, 2003. - С. 474.

Нет и четкой позиции в ГК РФ по вопросу наследования авторского права, а точнее, элементов, его составляющих.

Необходимо отметить, что важной проблемой, сопряженной с составом наследства и не упоминаемой ГК РФ, является определение судьбы имущества (результатов интеллектуальной деятельности автора), права на которое не возникали при жизни наследодателя, хотя наследодатель своими действиями создал условия для их возникновения. В качестве примера можно привести ситуации, когда наследодатель умер после подачи документов на опубликование, но документов о согласии редакции на издание материала не получил. В данной ситуации мы разделяем точку зрения Ю.К. Толстого, который утверждает, что: «...по наследству могут переходить не только субъективные права и обязанности в подлинном смысле слова (например, право собственности или право требования кредитора в обязательстве), но и правовые образования, которые находятся на пути от правоспособности к субъективным правам. Указанные правовые образования могут быть обозначены либо как *Gestaltungsrecht* (право на правообразование), либо как охраняемые законом интересы»¹.

Использование категории «охраняемые законом интересы» является более предпочтительным и вот почему.

Интерес реализуется автором посредством осуществления правомочий на опубликование произведения литературы (в данном примере); другими словами, интерес законен и его осуществление направлено на связь с обществом в лице будущих читателей и т.д. В целом, интерес, признанный законом в качестве обстоятельства, которое может или должно учитываться при разрешении соответствующего дела, называется юридически значимым интересом².

Для удовлетворения такого интереса в реализации субъективных прав автор может, во-первых, распорядиться своими действиями в отношении произведения (посредством заключения договора о его издании), во-вторых, требовать соответствующего поведения от обязанного лица, например, от издательства. Но это поведение опосредуется рамками договорных отношений, характерными для определенного временного этапа, обозначенного в договоре между сторонами. Думается, что поведение является средством удовлетворения законного интереса автора, и реализуется в рамках правоспособности³. Таким образом, посредством субъективного интереса создаются благоприятные условия для дальнейшей его реализации наследниками. Как таковых, правообразований в данных ситуациях нет, возникают лишь предпосылки в будущем для возможной реализации субъективных прав. Но, так как желание автора, на наш взгляд, объективно направлено на дальнейшую реализацию субъективных прав, то нет предпосылок к препятствиям в деятельности наследников, к которым авторское право переходит по наследству. Важным будет то, какое решение принято относительно дальнейшей судьбы произведения литературы издательством.

На основании изложенных аргументов, авторская позиция о возможности наследования «охраняемого законом интереса», реализуемого еще при жизни автора, свидетельствует о возможности отказа от традиционного понимания перехода по наследству авторского права, закрепленного нормами ст. 1112 ГК РФ и ст. 29 Закона

¹ Толстой Ю.К. Наследственное право. - М.: Проспект, 1999. - С. 12-14.

² Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. - 2000. - № 3. С. 134.

³ Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. - 2000. - № 3. С. 136-141.

об авторском праве. Предложенный подход более объективно оценивает так же желание и интересы, проявленные автором, но не реализованные в рамках авторских правоотношений. Следует добавить, что предметом защиты являются не только субъективные гражданские права, но и охраняемые законом интересы (ст. 2 ГПК РФ), что так же позволяет определять возможность наследников, в определенных случаях, реализацию субъективных прав на произведения литературы, возникшие, первоначально, из «охраняемого законом интереса» автора - наследодателя.

Королев Ю.Н.

**РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БОРЬБЫ С НАСИЛИЕМ В СЕМЬЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА
СОХРАНЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА
(история разработки проекта Федерального Закона
«О предотвращении насилия в семье»¹)**

Korolev U.N.

**THE DECISION OF A PROBLEM OF LEGAL MAINTENANCE OF
STRUGGLE WITH VIOLENCE IN FAMILY AS THE PRECONDITION
OF PRESERVATION OF SAFETY OF A SOCIETY**

The author has designated a serious legal problem of a modern society: violence over family. The main social reason of growth of violence over family is the social situation.

The author suggests to accept the new normative legal certificate, allowing to lower, finally, violent actions in families of the Russian citizens

I. Человек может столкнуться с насильственными действиями в любое время и в любой ситуации: на работе, на отдыхе, в общественном месте. Исключением не является и семья. Неотъемлемая часть безопасности — это безопасность в семье. «Мой дом — моя крепость», — гласит известная поговорка, т.е. в ней подчёркивается, что дом — символ безопасности. Однако многие члены семьи оказались на сегодня узниками в этой крепости.

Насилие в семье в различных его формах приобрело в России такие масштабы и глубину, которые реально стали угрожать самим основам безопасности и даже существования российского общества, а борьба с ним ведется неудовлетворительно. По результатам научных исследований «30-40 % всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье. Лица, погибшие и получившие телесные повреждения на почве семейно-бытовых конфликтов, прочно занимают первое место среди различных категорий потерпевших от насильственных преступлений и значительно опережают по количеству жертв от новых видов насильственных преступлений. Женщины и дети составляют 70 % жертв тяжких насильственных посягательств, совершенных в семье. Дети, престарелые, инвалиды, женщины, не способные защитить себя вследствие зависимого положения в семье, составляют ежегодно более трети (38 %) всех убитых на почве нездоровых семейно-бытовых отношений. Выросли до масштабов социально значимого явления убийства с целью избавления от больных и немощных членов семей, а также с целью овладения их правами на имущество»².

По данным МВД России каждый год совершается порядка 600-800 тысяч преступлений, потерпевшими по которым являются малолетние дети (около 15-20

¹ Далее - ПФЗ

² Насилие в семье: Информационный выпуск, Аналитическое управление Аппарата Государственной Думы, 1997 г.

тысяч), женщины (600-650 тысяч)¹ и пожилые люди (100-150 тысяч)².

По всем этим трем группам преступлений отмечается динамика их роста. Причем каждое десятое такое преступление было совершено по мотивам ревности, ссоры и других бытовых причин. Только согласно имеющимся официальным данным, каждый четвертый мужчина в семье избивает жену. В тоже время возросло число самосудов — расправ женщин и стариков с семейными тиранами. На три убийства, совершенные семейными дебоширами, сейчас по статистике приходится одно убийство такого дебошира, совершенное женой, сожительницей или другими родственниками с целью избавиться от того, кто делает семейную жизнь невыносимой. Порядка 20-30 % общего числа убийств совершается в семьях, за закрытыми дверями «неприкосновенной» частной жизни. Результаты же научных исследований показывают, что женщины составляют почти сорок процентов (38,5%) жертв умышленных убийств. Половину из них (51,4 %) составляют жертвы насилия в семье.

Одной из самых жестоких и распространенных форм насилия стало «оставление детей родителями в опасности». Дети умирают от голода и холода, становятся беспризорными — ежегодно более 50 тысяч детей уходят из семей в поисках спасения от собственных же родителей, 25 тысяч из них находятся в розыске. Около 2-х миллионов детей в возрасте до 14 лет ежегодно попадают под «тяжелую» родительскую руку, до 10 % из них гибнут, не менее 2 тысяч кончают жизнь самоубийством³.

По материалам опроса, проведенного в одной из московских школ, 60 % родителей используют физические наказания, 87 % их них используют порку как главное средство воспитания, а 4 % - бьют детей по лицу и голове⁴. По некоторым данным, не менее 40 % детей подвергаются насилию, психологическому и попросту физическому, в домашней обстановке (что поразительно, а полтора-два раза чаще своих детей избивают матери)⁵.

Имеют место и факты насилия в отношении детей в дошкольных и образовательных учреждениях со стороны педагогического и обслуживающего персонала. В домах ребенка, детских домах, интернатах и других аналогичных учреждениях дети полностью зависят от любого взрослого, а не только должностного лица. Распространенным явлением во многих детских учреждениях является систематическое унижение и оскорбление воспитанников. Методы воспитания, унижающие человеческое достоинство детей, нередко применяется и в семье. Немалая часть воспитателей и родителей относится к этому явлению как к вполне допустимому, оправдывая применение антипедагогических мер воздействия спецификой воспитанников или особенностями ребенка.

Таким образом, происходит процесс криминализации российской семьи, и тенденции к его сокращению не отмечается. Более того, социологи утверждают, что российская семья конца XX столетия — самая агрессивная в истории России. Она все больше превращается в своеобразный полигон для всех видов насилия — от физического до экономического, от сексуального до морально-психологического, когда убить можно и не «распуская рук».

¹ Ежегодно в России погибают от домашнего насилия порядка 14 тысяч женщин // Российская газета, 31 мая 1996 г.

² Форма стат. отчетности № 1-П.

³ Только в 1998 году более 2,5 тыс. подростков покончили жизнь самоубийством. Несколько десятков тысяч — пытались совершить суицид.

⁴ «Огонек», №16 апрель 1996 г., С. 53.

⁵ А. Губанов. Самоубийцы дошкольного возраста, «версты», 9-11 августа 1999г., С. 6.

Насилие в семье разрушает нравственность, приводит к ослаблению семейного воспитания, препятствует обучению подрастающего поколения, порождает безнадзорность и т.д. Складывается определенный образ жизни, для которого насилие, алкоголизм, наркомания, проституция и сексуальные извращения становятся нормой поведения, передающейся от одного поколения другому. Насилие в семье не только подрывает основы жизнедеятельности самой семье, но и разрушает фундамент безопасности общества.

В России семья как базовая социальная общность по-прежнему остается полностью закрытой для внешнего мира. О закрытом характере семьи, о явной недооценке государством общепризнанного в мировой практике явления, что безопасность личности в семье является основой безопасности общества свидетельствует тот факт, что согласно предварительным расчетам и оценкам независимых экспертов *насилие имеет место в каждой четвертой российской семье*¹.

Основной причиной распространения насилия в семье явилось сочетание двух негативных факторов. С одной стороны, материальное и духовное положение большинства семей резко ухудшилось. С другой стороны, отжили и распались сложившиеся в прошлой жизни России институты специального предупреждения насилия в семье, такие как товарищеские суды, общественные пункты охраны порядка, народные дружины и т.д. Их время ушло. *Семья оказалась незащищенной от внутрисемейного насилия в самый трудный момент ее жизни.* Но без прочной, духовно здоровой семьи невозможно обеспечить нормальное развитие ни экономической, ни социальной, ни культурной жизни российского общества.

Безусловно, улучшение материального и духовного положения семьи может быть достигнуто только лишь при успешном решении проблем экономического и социального преобразования нашего общества. Это трудная и длительная работа.

Насеегодняже *главная социальная причина роста насилия в семье, ее жесточенности — бедность и нищета.* По официальной статистике бедных в России свыше 30 млн. человек, а по результатам независимых исследований — от 60 до 80 % всего населения. Россия по уровню жизни в 1998 году сравнивалась с Анголой и Коста-Рикой. Особенно страдают от бедности многодетные семьи. По данным социологов, из общего числа семей с тремя и более детьми 70 % являются бедными, а с четырьмя и более — свыше 90 %. Для подавляющего большинства россиян рождение ребенка стало еще одним шагом к нищете. Положение еще более усугубил кризис августа — сентября 1998 года, крайне тяжелые социальные последствия, которого выразились, прежде всего, в увеличении числа россиян, живущих ниже черты бедности, практически до одной трети, а по некоторым оценкам — до 40 % населения.

II. Проблема насилия в семье отнюдь не является чисто локальной, т.е. характерной исключительно для российского общества. В лондонской полиции в начале века считались с таким правилом: «Муж сварливой жены имеет право побить ее дома при условии, что палка, которую он использует, не будет толще большого пальца его руки». В США в 1924 году в некоторых штатах закон официально освободил мужей от ответственности при умеренном физическом наказании жены в случаях «крайней необходимости». Государство на определенном этапе своего развития, отказываясь в любых ситуациях вмешиваться в семейные дела, снимало с себя груз ответственности за происходящее, при этом наделяя мужчину довольно широкими властными полномочиями по отношению к другим членам семьи.

¹ Существующая официальная статистика не располагает данными по насилию над женщинами и детьми, совершаемому в пределах семьи, имеются лишь данные общего характера о фактах истязаний и изнасилований женщин и детей.

Сегодня законы изменились. Однако пережитки домостроя еще довольно живучи, а отношение общества к насилию в семье либо не изменилось, либо только начинает претерпевать существенные изменения, которые диктуются реалиями жизни. Причем, в различных государствах понимание всей серьезности и глубины данной проблемы происходило в разное время и, понятно, в разных условиях и было связано в первую очередь с отношением к женщине, взятом в целом.

В Америке и Европе насилие в семье становится социальной проблемой в 70-е годы XX века, когда в обществе нарастает тенденция к реальному равноправию полов в браке и на работе. Поэтому именно в этом контексте начинает высветиваться проблема супружеского насилия, которая постепенно начала «открываться» для общества благодаря усилиям неправительственных женских организаций, специалистов в области гендерных исследований, криминологов, исследователей, занимающихся проблемами виктимологии.

Безусловно, при этом необходимо учитывать, что насилие в семье — явление универсальное, всеобщее. В различных формах и проявлениях оно существует во всех без исключения странах, независимо от их общественного и государственного строя. Но на сегодня в США, Англии, Австралии, Новой Зеландии и даже в Тринидаде и Табаго, на Багамских островах приняты и действуют соответствующие законы¹. Необходимость такого законодательства признано принятыми международными документами: Конвенцией ООН о правах ребенка, Конвенцией ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенцией, а защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней², в которых самое серьезное внимание уделяется проблемам предотвращения насилия.

Насилие в отношении женщин было также признано в качестве одного из препятствий на пути достижения равенства, развития и мира и Найробийскими перспективными стратегиями в области улучшения положения женщин (1985 г.). Эта же проблема стала одной из главных и на VI — й Всемирной конференции в Пекине (1995 г.), что нашло свое отражение в Платформе действий, принятой этим форумом. В частности, в ней было рекомендовано правительствам всех стран «принять и провести в жизнь законодательство, направленное против лиц, совершающих насилие в отношении женщин и девочек».

И, наконец, в соответствии с рекомендациями ООН³ разработан модельный закон, имеющий целью преодоление несовершенства существующего уголовного и гражданского законодательства и/или усовершенствования имеющихся законов о насилии в семье. Он предназначен для законодательных органов стран — членов ООН и организаций, выступающих за принятие специального законодательства в области насилия в семье.

Модельное законодательство определяет основные цели закона о насилии в семье, понятия самого этого насилия и его форм, регулирует механизм подачи жалоб пострадавшими, определяет права жертв, обязанности полицейских, служащих, юстиции и суда, описывает процедуру обращения и выдачи чрезвычайного временного ограничительного ордера и охрannого ордера, выделяет меры, направленные на оказание экстренной помощи и помощи неэкстренного характера и т.д. Смысл модельного законодательства сводиться к четкой регламентации всех

¹ Силласте Г. Версия сороковая законопроекта о предотвращении насилия в семье // Социальная защита, № 7-1997, С. 17.

² Данные международные соглашения ратифицированы Российской Федерацией.

³ State Responses to Domestic Violence . WLDI . Washington. D. C. 1996. P. 109-128. Пер. М.И. Либоракиной.

действий работников государственных органов и общественных организаций, которые непосредственно соприкасаются с кризисной ситуацией в семье. Чаще всего жертвы домашнего насилия обращаются в органы полиции. Поэтому модельный закон, четко определив понятие насилия и очертив круг насильственных действий, которые могут быть применены в отношении женщины, обязывает работников полиции реагировать на каждую просьбу о помощи и защите в случаях, когда подозревается насилие в семье. При этом в нем четко расписан порядок действий сотрудников полиции в момент обнаружения насилия.

В модельном законодательстве также даны рекомендации, определяющие обязанности служащих органов юстиции и суда в сфере предотвращения насилия в семье. Их деятельность связана с выдачей специальных документов, обладающих большой юридической силой, при невыполнении предписания которых наступают серьезные последствия (например, лишение свободы). В зарубежной практике в качестве метода предотвращения насилия широко и успешно используется такой институт, как охранный ордер. Он выдается по заявлению жертвы насилия, ее родственников или социальных работников, когда существует серьезная угроза жизни, здоровью и благополучию жертвы и когда маловероятно, что она будет в безопасности до разрешения этого дела в суде. Получение охранный ордера ни в какой мере не влияет на доступность жертвы других мер в рамках уголовного (возбуждение уголовного дела против обидчика) и гражданского (возбуждение дела о разводе) судопроизводства. Охранный ордер может предписывать ответчику покинуть семейный дом независимо от того, кто владеет этой собственностью; обязать ответчика предоставить истце доступ к использованию автомобиля и/или другого личного имущества; урегулировать доступ ответчика к детям; запретить ответчику контакты с истцей на работе и в других часто посещаемых ею местах; предписать ответчику оплатить расходы истцы на лечение, консультирование или пребывание в убежище.

Таким образом, цель модельного законодательства ООН состоит не в том, чтобы предоставить готовый для публикации частный закон, а в том, чтобы дать рекомендации об использовании такой концепции и таких мер, которые уже действуют, применяются и дают определенные результаты.

В Советском Союзе насилие в семье было «закрытым» вопросом. Им занимались только криминологи и другие специалисты при изучении преступлений, совершенных в семейно-бытовой сфере. Обсуждение этой проблемы на государственном уровне было просто невозможно по ряду причин.

Во-первых, насилие в семье не могло стать социальной проблемой в стране, где в уголовно-правовой доктрине приоритетными объектами защиты являлись государственные интересы и государственная собственность.

Во-вторых, причины насилия в семье, связывались (и до сих пор, как правило, связываются) лишь с алкоголизмом, наркоманией, определенным образом жизни, плохими жилищными условиями и т.п.

Публично о насилии в семье заговорили относительно совсем недавно. Так, в середине 90-х годов по инициативе женских общественных организаций появились первые публикации, посвященные этой проблеме.

Современный подход к проблеме насилия в семье учитывает, с одной стороны, укорененность этой проблемы в общественном сознании как межличностной, а с другой — исходит из обязанностей государства гарантировать права человека во всех сферах жизни, в том числе и семье. Представление о насилии лишь как проявлении

семейных скандалов вследствие алкоголизма и плохих жилищных условий в корне неверно. Факты со всей очевидностью свидетельствуют о том, что насилие в семье наблюдается во всех слоях общества, независимо от социального положения и уровня жизни.

Совершенно однозначно следует признать, что происходит процесс криминализации российской семьи. Тенденции к сокращению этого угрожающего безопасности общества процесса, к сожалению, не отмечается.

Современная теория рассматривает насилие как комплексную проблему, в которой, безусловно, есть и политические, и культурные, и психологические, и экономические аспекты. В этой связи совершенно справедливо считается, что ее решение требует изменений и в законодательстве, и в структурах, реализующих законодательство, и в общественном сознании. Чтобы эффективно защищать безопасность граждан и помогать жертвам от насилия, необходимо по меньшей мере знать хотя бы общие параметры их потерь и потребностей. А для этого необходимо осознание значимости проблемы на уровне государственной политики, которая отличает современное цивилизованное общество¹.

Интеграция же в цивилизованном сообществе наряду решением многих экономических, политических, культурных проблем предполагает наличие действенной системы и механизмов социально-правовой защиты граждан, в т.ч. создание эффективной системы защиты и помощи жертвам преступлений. Осознание необходимости решения этой проблемы в последние десятилетие привело к формированию на всех континентах мощного и влиятельного общественного движения в защиту прав жертв, к интенсивному совершенствованию законодательства и практики обращения с жертвами со стороны правоохранительных и других государственных и общественных органов.

В конечном счете, пройдя за сравнительно короткий отрезок современной истории большой путь, это движение, поддерживаемое национальными правительствами, ООН, Европейским Советом и другими влиятельными международными организациями, привело к созданию в большинстве цивилизованных стран достаточно стройной и весьма эффективной системы социально-правовой защиты жертв насильственных преступлений, поставило правовые проблемы их предотвращения и защиты прав и интересов потерпевших от них на уровень государственной политики².

Преступность в России приобрела сегодня изощренные и разрушительные формы и вышло на первое место среди дестабилизирующих социальных факторов. И хотя статистика жертв насильственных преступлений в отчетности правоохранительных органов практически отсутствует, очевидно, что ежегодно последствия их совершения ощущают на себе миллионы людей. Нарастающая в обществе жестокость больше всего отражается на судьбах детей и женщин.

*Социальная работа с жертвами семейного насилия должна основываться на том постулате, что насилие в семье — это социальное явление, характеризующееся взаимосвязанностью и взаимопроникновением различных его форм (таких как физическое, сексуальное, экономическое насилие, жестокое обращение с детьми, психическое насилие, принуждение к потреблению алкоголя, наркотических средств в немедицинских целях, к занятию проституцией и другие преступные деяния)*³.

¹ Квашиш В.Е., Вавилов Л.В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений. М., ВНИИ МВД РФ, 1996, С. 37.

² Там же С. 3.

³ О.В.Самарина. Организация социального обслуживания пострадавших от семейного насилия.

Представляется, что выделение насилия в семье в самостоятельную и значимую социальную проблему — только первый шаг, направленный на ее решение. На этом пути возникает ряд препятствий: отсутствие четких определений и теоретической базы; недостаток достоверной информации о степени распространения и причинах применения силы в семье; позиция правоохранительных органов, которые в силу разных причин практически устранились от работы в семье и не принимают меры, направленные на разрешение кризисных ситуаций в семье.

В настоящее время борьба с насилием в семье ведется в основном только уголовно-правовыми средствами, но одно их применение, понятно, не может предотвратить насилие в семье, обеспечить социальную реабилитацию семьи и ее сохранение. К тому же выявление фактов насилия в семье в целях использования в борьбе с ним уголовно-правовых средств, как уже отмечалось, находится по понятным причинам на довольно низком уровне. *Зависимые члены семьи, опасаясь потери кормильца, скрывают случаи насилия, совершенного в отношении их в семье, неохотно идут на контакт с правоохранительными органами.*

Институты оказания социальной помощи семье по предупреждению насилия одних ее членов над другими только создаются. Они не многочисленны, их усилия разрозненны, а главное — они не обладают на сегодня всем необходимым для профилактической работы в семье, комплексом средств социальной защиты. Прежде всего сказывается *отсутствие необходимой правовой основы их создания и деятельности.* Представляется, что это профилактическое, наиболее перспективное направление в борьбе с насилием в семье нуждается в первоочередном законодательном развитии.

И мировой, и отечественный опыт со всей убедительностью показывает, что ориентация на карательную (репрессивную) функцию закона не обеспечивает безопасность в семье, необходим комплекс мероприятий — программы экстренной и долговременной помощи жертвам насилия и их семьям, специальные программы просвещения, консультирования и психологической коррекции для виновника насилия, жертвы и других членов семьи, включая детей. Соответственно требуется соединение усилий правоохранительных органов, судов, социальных служб, кризисных центров, психоневрологических диспансеров, общественных правозащитных организаций, образовательных учреждений. Здесь речь идет, конечно, не просто о некой сумме мероприятий, а об очень сложной технологии, объединяющей деятельность представителей разных структур, далеких друг от друга организаций, зачастую включенных в разные ведомства.

III. В 1994 году депутаты Государственной Думы первого (пятого) созыва приступили к разработке концепции законопроекта «О предотвращении насилия в семье», в которой было зафиксировано: «Семья как базовая социальная общность по-прежнему остается закрытой для внешнего мира». Данная закрытость и недооценка государством общепризнанной истины — «Безопасность личности в семье — основа безопасности общества» подтверждается очень просто: ни в Советском Союзе, ни в современной России не было и по сей день нет официальной статистики по вопросам насилия в семье.

На базе вышеуказанной концепции межведомственной рабочей группы в течение 1994–1996 гг. было подготовлено почти два десятка редакционных версий проекта федерального закона «О предотвращении насилия в семье», прошедших экспертную апробацию во всех заинтересованных федеральных министерствах, в т.ч. в МВД России, а также ведущих специализированных научно-исследовательских

учреждениях страны: Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России, Институте государства и права РАН, НИИ семьи Минсоцзащиты России, НИИ детства Российского детского фонда и других. Полученные конкретные и деловые рецензии, предложения и замечания по законопроекту позволили новому составу депутатов Государственной Думы второго (шестого) созыва существенно доработать законопроект как один из приоритетных.

Небезынтересна краткая характеристика этого проекта законодательного акта.

Прежде всего, о главных задачах, которые должны были быть решены при его подготовке. Это:

1. Обеспечение своевременности выявления случаев семейного насилия и гарантированности его жертвам предоставления экстренной социальной помощи и защиты.

2. Создание институтов социальной реабилитации семей, в которых выявлялись бы случаи насилия на профессиональной основе. Обеспечение взаимодействия государственных и негосударственных институтов предотвращения насилия в семье.

3. Создание правовой базы для обоснованного вмешательства в семьи в целях защиты страдающих от насилия членов семьи.

4. Устранение ущербности в защите прав членов семьи, которые в силу своей зависимости от главенствующих в семье лиц боятся обращаться за помощью.

5. Восстановление в семье нормальных отношений, ликвидация угрозы проявления в ней насилия без разрушения самой семьи. Не изолирование от семьи виновников насилия, когда это возможно, а социальная реабилитация их.

6. Обеспечение защиты государством и его органами каждого члена семьи от насилия в любых его формах.

7. Формирование системы социальной профилактики и защиты от насилия в семье.

8. Внесение изменений в систему мер уголовной, административной, гражданской и иной ответственности за насилие в семье.

В преамбуле проекта федерального закона прямо было записано, что им определяются основы системы предотвращения насилия в семье, включающей в себя:

- социальную профилактику любых форм насилия в семье;
- порядок оказания помощи жертвам насилия (особенно детям, женщинам и зависимым членам семьи);
- обеспечение защиты государством безопасности каждого члена семьи от насилия и его угрозы;
- меры ответственности за насилие над личностью в семье.

Система предотвращения насилия в семье, должна была стать неотъемлемой частью обеспечения безопасности личности и общества.

Хорошо известно, также, что традиционный подход трактует семейное насилие как насилие исключительно физическое.

Поэтому главная особенность законопроекта состояла как раз в том, что он рассматривал насилие в семье в качестве глубинного социального явления, характеризующегося взаимосвязанностью и взаимопроникновением различных его форм;

- *физическое насилие* как преднамеренное нанесение члену семьи телесных повреждений, а также умышленное лишение свободы, жилья, пищи, одежды и иных нормальных условий жизни, которые могут привести его к смерти, вызвать

нарушение физического и психического здоровья, нанести ущерб чести и достоинству личности;

- *сексуальное насилие* — уголовно-наказуемое посягательство одного члена семьи на половую неприкосновенность другого члена семьи для удовлетворения половой страсти или в корыстных побуждениях, а также развратные и иные действия по отношению к несовершеннолетнему, нарушающие его психосексуальное развитие;

- *психическое насилие над личностью в семье* — умышленное унижение или принуждение члена семьи посредством угроз, оскорблений, шантажа к совершению деяний, представляющих опасность для его жизни, наносящих вред его здоровью или приводящих к нарушениям психического развития ребенка.

В этой связи законопроект содержал всесторонне разработанную *систему мероприятий по социальной профилактике и защите от насилия в семье, включавшую социальное вмешательство, социальный патронаж и порядок его осуществления*, а также другие меры, цель которых — *предотвращение различных форм насилия в семье, устранение его последствий, в целом обеспечение социальной защиты семьи и безопасности её членов*.

Важное значение имели также нормы и положения проекта, раскрывающие систему *предотвращения насилия в семье, гарантии рассмотрения сообщений о случаях насилия в семье и возмещения вреда*, причиненного уклонением от принятия мер по сообщению о насилии в семье, *ответственность должностных лиц за непринятие мер по защите граждан от насилия в семье*.

Факты жестокого обращения в семье, в детских учреждениях зачастую скрываются. Зная о них, педагоги, медицинские и другие работники нередко проявляют равнодушие к судьбе ребенка и не сообщают о таких фактах ни в органы опеки и попечительства, ни в правоохранительные органы.

Более того, даже если факты насилия и становятся известными, то *меры уголовной и административной ответственности срываются далеко не всегда*. Так, многие дела, связанные с побоями жены, прекращаются за вынужденным, а не добровольным примирением ее с мужем — насильником.

И при всем этом эффективность же социальной поддержки членов семьи в виде оказания различных социальных услуг (консультативных, психологических, психологопедагогических и др.) при конфликтных отношениях в семье пока еще крайне низкая. Нет достаточного количества специализированных социальных учреждений, оказывающих необходимую социальную помощь жертвам насилия в семье.

Многим гражданам такая помощь вообще недоступна из-за ее платности.

Немаловажное значение для реализации этого будущего закона имело и *установление порядка направления в специализированное учреждение, назначения социального патронажа над лицом, совершившим преступление в отношении члена семьи*, тем самым был бы поставлен законодательный барьер против возможного нового проявления агрессивности в семье. Особенно сложна и вызывает критику у оппонентов *проблема социального вмешательства в семью*, так как она, безусловно, имеет право на конфиденциальность личной жизни, но законопроект все-таки четко предусматривал случаи возникновения подобной необходимости, требующей защиты прав слабых, униженных и беспомощных членов семьи.

Важное значение имели бы нормы и положения ПФЗ, раскрывающие *систему предотвращения насилия в семье*. Гарантированы рассмотрение сообщений о случаях насилия в семье, ответственность должностных лиц за непринятие мер по защите граждан от этого зла.

Кроме того, законопроектом определялись дополнительные полномочия

федеральных органов государственной власти и субъектов Российской Федерации в области предотвращения насилия в семье.

На основе анализа генезиса 5-ти летнего периода работы над законопроектом можно было бы сделать несколько принципиально важных выводов и итогов стратегического значения¹:

1. *У законопроекта была социальная философия (идеология);*
2. *Законопроект, как и новый Семейный кодекс РФ последовательно развивал принцип равноправия семейных отношений (обеспечение равенства прав на защиту от насилия и равную ответственность мужчин и женщин за насилие в семье);*
3. *Для обеспечения безопасности каждого члена семьи и семьи в целом, она должна быть открыта для закона;*
4. *Законопроект брал под защиту не только отдельного члена семьи, а семью в целом, как ячейку общества, как микросоциум.*
5. *Последовательно и четко проводилась социальная направленность законопроекта.*

Законопроект «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье» стал бы неотъемлемой частью нового социального законодательства. Он развивал и конкретизировал действующее законодательство Российской Федерации: Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», «Семейный кодекс Российской Федерации» и другие.

Новизна ПФЗ требовала, понятно, внесения дополнений и изменений в существующее российское законодательство, в том числе в Уголовный кодекс Российской Федерации, УПК РСФСР (1960 г.), Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (1984 г.), Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (1964 г.), Закон РФ «О милиции».

Оценивая, содержание подготовленных на сей счет законопроектов, не заменяющих базового законопроекта, а лишь дополняющих его, полагал бы целесообразным вернуться к вопросу о его судьбе, так как вся необходимая концептуально-содержательная основа к этому имеется, а необходимость в таком законе не только не отпала, а, наоборот, усилилась.

На мой взгляд, подготовленные проекты федеральных законов можно рассматривать лишь как первый необходимый шаг по закреплению определенных правовых гарантий защиты детей, женщин, престарелых членов семьи от жестокого обращения, но явно недостаточный.

Следовательно, с позиций сегодняшнего дня все подготовленные законопроекты можно оценить как социально значимые и достаточно актуальные, хотя и не решающие кардинально существующую проблему насилия в семье. Они лишь будут способствовать некоторому смягчению последствий от насилия, а не закреплению требующейся стройной системы социально-правовой защиты от насилия в семье.

IV. Насилие в семье представляет собой явление всеобщее и универсальное, которое приобрело в нашей стране угрожающие масштабы. Принимая во внимание, что жертвами насилия чаще всего становятся дети, женщины, престарелые, следует признать необходимым совершенствование и адекватное развитие нормативно-правовой базы по предотвращению насилия в семье, закрепляющей действенный механизм взаимодействия различных государственных структур, общественных объединений и некоммерческих организаций с использованием апробированных и эффективных форм и методов работы правоприменительной практики зарубежных стран.

¹ За период с 1994 по 1997 гг. было подготовлено 40 версий законопроекта, содержащих от 12-ти до 55-ти статей. С октября 1995г. по июнь 1997 года он 5-ть раз включался в повестку пленарных заседаний Государственной Думы, но так и не был принят даже в первом чтении.

РАЗДЕЛ III. УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Гриненко А.В.,
доктор юридических наук,
профессор

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Grinenko A.B.
doctor of jurisprudence sciences,
professor

THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

System research of principles of criminal legal proceedings allows to define all the intrinsic characteristics inherent in this system.

In clause author's definition concept of «system of criminally-remedial principles» is resulted.

Characteristics of system reveal, author's opinions on an investigated question are resulted.

Под принципами уголовного судопроизводства принято понимать закрепленные в действующем уголовно-процессуальном законодательстве основы создания и направленности всей соответствующей отрасли права, которые наиболее полно выражают содержание уголовно-процессуальных правоотношений, тесно взаимосвязаны с государственной политикой в сфере уголовного судопроизводства, являются общими для всех стадий уголовного процесса, оказывают регулятивное и охранительное воздействие по отношению ко всем остальным уголовно-процессуальным нормам и охраняются от нарушений широким спектром мер государственного принуждения¹.

¹ В соответствии с положениями главы 2 УПК РФ к принципам уголовного судопроизводства относятся: законность при производстве по уголовному делу (ст. 7); осуществление правосудия только судом (ст. 8); уважение чести и достоинства личности (ст. 9); неприкосновенность личности (ст. 10); охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11); неприкосновенность жилища (ст. 12); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13); презумпция невиновности (ст. 14); состязательность сторон (ст. 15); обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16); свобода оценки доказательств (ст.

Принципы уголовного судопроизводства не действуют изолированно друг от друга, а тесным образом связаны между собой, ввиду чего возникает особое нормативно-правовое образование — система принципов уголовного судопроизводства. Следует подчеркнуть, что данная система обладает всеми общими признаками систем, и вместе с тем имеет ряд особенностей, которые выявляются в каждом случае применения положений системного анализа при характеристике уголовно-процессуальной деятельности.

Естественно, системный подход к исследованию принципов не является самоцелью. В практическом плане системное исследование позволяет: объяснять и прогнозировать свойства и поведение системы принципов; определять влияние на систему отдельного принципа в зависимости от конкретного содержания, которое в него вкладывается; закреплять в законе содержание принципов, при котором будет оптимально функционировать вся система.

При объединении принципов в систему возникает качественно новое образование, в котором его составные элементы, находясь в постоянном взаимодействии, передают друг другу часть своих свойств, создавая взаимообусловленную целостную основу для нормального регулирования всех процессуальных правоотношений¹. Вместе с тем каждый из принципов обладает своим собственным содержанием, отличающим его от других. В этой связи представляется обоснованной позиция А.М. Ларина и Ю.И. Стецовского, которые пишут, что признание взаимосвязи принципов «...не означает того, что содержание одного принципа полностью сводится к содержанию другого» и что «...качественная определенность каждого из них — одно из условий системности принципов»².

Анализируя системные свойства принципов, И.Л. Петрухин отмечает, что все принципы должны отвечать требованиям взаимосвязи, взаимообусловленности, качественной определенности, а также непохожести друг на друга³. Наиболее убедительной в данном плане следует считать точку зрения Т.Н. Добровольской, которая говорит об объединении объектов в систему при соблюдении таких условий, как связанность общностью целей, отсутствие внутренних противоречий как внутри отдельных элементов, так и между ними, при этом содержание какого-либо одного элемента не может полностью сводиться к содержанию другого либо полностью поглощаться им⁴.

Таким образом, можно утверждать, что **система уголовно-процессуальных принципов** представляет собой интегрированный комплекс нормативных предписаний высшей юридической силы, обладающих относительной самостоятельностью, стабильностью, автономностью функционирования и возможностью взаимодействия с другими элементами внутри системы и с иными правовыми системами в целях наиболее полного урегулирования вопросов, возникающих в связи с возбуждением, предварительным расследованием, судебным рассмотрением и разрешением уголовных дел.

Природа связей между элементами внутри системы отлична от других видов 17); язык уголовного судопроизводства (ст. 18); право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19).

¹ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник/ Под ред. П.А. Лупинской. - М.: Юрист, - 2003. - С. 177.

² См.: Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. - М.: Наука, - 1988. - С. 42.

³ См.: Петрухин И.Л. Система конституционных принципов советского правосудия // Советское государство и право. - 1981. - № 5. - С. 80.

⁴ См.: Добровольская Т.Н. - Указ. соч. - С. 33.

связей, например, от причинно-следственной, поэтому можно вести речь о наличии особой системной связи, которая формирует всю ее структуру. Системная связь — это комплексное понятие, оно обуславливает существование нескольких структур, с помощью которых можно описать особенности любой системы, в том числе и системы уголовно-процессуальных начал. В перечень таких структур входят: 1) статическая структура (геометрическое построение системы); 2) динамическая структура (взаимодействие между принципами); 3) кинематическая структура (реализация системы); 4) функциональная структура (поведение системы принципов при взаимодействии с другими системами); 5) генетическая структура (возникновение и развитие системы)¹.

Рассматривая вопрос о структуре системы принципов (по-видимому, имелась в виду статическая структура), Т.Н. Добровольская указала, что система должна быть признана «единой цепью органически взаимосвязанных и одинаково значимых положений, стоящих в одном ряду»². Отмечая несомненную правоту автора в определении органической взаимосвязи принципов, нельзя вместе с тем полностью согласиться с предложенной «линейной» моделью взаимодействия между принципами в виде звеньев одной цепи. Действительно, такая структура позволяет объяснить взаимосвязь и взаимозависимость между отдельными принципами, однако она все же не отражает всей полноты взаимодействия принципов в рамках единой системы, так как при этом каждый из принципов будет непосредственно связан не со всеми остальными, а лишь с двумя соседними, связь же должна обеспечивать прямое взаимодействие между любыми структурными элементами системы.

В связи с изложенным представляется, что статическая структура должна описываться при помощи более сложной геометрической фигуры, состоящей из узлов-принципов, *непосредственно* связанных друг с другом.

Реализация любого из принципов может носить в конкретной правоприменительной ситуации как позитивный, так и негативный характер. Если имело место правильное использование правовых норм, входящих в содержание определенного принципа, то можно говорить о его позитивной реализации, если же требования принципа были нарушены, это вызывает его негативную реализацию. Однако в любом случае разрушения системы принципов не происходит, так как функциональность абстрактной системы не зависит от ее практической реализации в конкретном уголовном деле. При негативной реализации все системные процессы происходят в том же порядке, что и в первом случае, с той лишь разницей, что при этом не достигается назначение уголовного судопроизводства.

При этом Л.В. Костенко обоснованно сводит все существенные нарушения норм уголовного судопроизводства именно к нарушениям требований отдельных принципов либо их системы³. Исходя из данного положения, можно утверждать, что эти нарушения и формируют своеобразную границу, которая разделяет реализацию системы принципов на позитивную и негативную.

Существуют также ситуации, когда нарушения столь существенны, что это вызывает ликвидацию всех уголовно-процессуальных отношений: 1) прекращение

¹ См.: Тюхтин В.С. О подходах к построению общей теории систем // Системный анализ и научное знание. - М.: Наука, - 1978. - С. 43-46.

² Добровольская Т.Н. Указ. соч. - С. 38.

³ См.: Костенко Л.В. О понятии существенных нарушений уголовно-процессуального закона // Эффективность борьбы с преступностью и совершенствование законодательства в свете Конституции СССР. - Уфа: Башкирск. госуд. ун-т., - 1980. - С. 84-86.

уголовного дела по основаниям, вызывающим реабилитацию; 2) постановление оправдательного приговора; 3) отмену обвинительного приговора судом вышестоящей инстанции и прекращение уголовного дела.

Стабильность системы принципов следует определить как ее способность быть устойчивой к внешним и внутренним воздействиям.

Внешняя устойчивость — это способность абстрактной системы оставаться стабильной при изначальном наличии в элементах системы противоречий, которые ввиду их незначительности позволяют этой системе иметь позитивное воплощение. Другими словами, это те «оговорки», которые, являясь исключением из общего правила, не вызывают негативной реализации системы принципов.

Внутреннюю устойчивость можно определить как способность реальной системы принципов иметь позитивный характер при наличии таких нарушений уголовного судопроизводства, которые, хотя и вызывают реакцию со стороны государства (например, в виде указаний прокурора), но ввиду своей несущественности не препятствуют достижению назначения уголовного судопроизводства.

Одним из наиболее глубоких вопросов системного исследования принципов является возможность их классификации в зависимости от наличия у них сходных черт и различий. Основная проблема при этом состоит в установлении *достаточности сходных качеств* для объединения принципов в классы.

В работах многих ученых-процессуалистов долгое время велись дискуссии о возможности классификации принципов на основании их конституционного закрепления. Противники подобного разделения аргументировали свою позицию тем, что «...все принципы уголовного судопроизводства по существу есть принципы конституционного значения»¹. Н.Н. Полянский, напротив, считал закрепление принципов в Конституции либо отсутствие такового наиболее значимым основанием не только для классификации принципов, но и для построения их системы².

Однако представляется, что в этих ситуациях происходило чрезмерное возвеличивание конституционных принципов в ущерб остальным: в первом случае — в результате стремления «подтянуть» все принципы до ранга конституционных, во втором — вследствие придания особого «высшего» статуса принципам, содержание которых было закреплено на конституционном уровне в виде норм-предписаний.

Оценивая спор с позиций сегодняшних, следовало бы признать верным мнение ученых, которые в то время указывали на невозможность классификации принципов по их закреплению в нормативных правовых актах³. Наиболее верное суждение по этому поводу высказала В.Н. Бибило, которая признала равенство принципов независимо от их законодательного закрепления, так как их соблюдение в равной мере обеспечено силой государства⁴.

А.М. Ларин, говоря о равнозначности принципов независимо от уровня их законодательного закрепления, дает развернутый перечень объективных и

¹ См.: Тыричев И.В., Винокурова Л.В. Некоторые общие вопросы теории принципов уголовного судопроизводства в связи с Конституцией СССР // Актуальные проблемы суда, арбитража и прокурорского надзора в свете Конституции СССР 1977 года. - М.: ВЮЗИ, - 1979. - С. 83.

² См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. - М.: МГУ, - 1956. - С. 87-119.

³ См.: Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. - Ярославль: ЯрГУ, - 1974. - С. 13; Добровольская Т.Н. Указ. соч. - С. 35; Нажимов В.П. Развитие системы демократических принципов советского уголовного процесса в свете новой Конституции СССР // Вопросы осуществления правосудия в СССР. - Калининград, - 1979. - С. 11 и др.

⁴ См.: Бибило В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. - Минск: Университетское издательство, - 1986. - С. 9.

субъективных факторов, влияющих на способ выражения принципов в тексте нормативного правового акта. К ним он относит: характер принимаемого акта, правовые традиции, уровень теоретической разработки соответствующих юридических проблем, уровень законодательной техники, преобладание среди участников законопроектной работы сторонников определенной научной концепции и др¹.

Развивая данный тезис, можно сделать вывод, что принципы уголовного процесса, закрепленные в виде правовых требований, *должны* иметь равную защиту со стороны государства от нарушений. Естественно, уровень законодательного закрепления принципов должен быть *как можно выше*. Однако возможность их закрепления на конституционном уровне зависит прежде всего от типа конституции, а установление принципов в иных нормативных правовых актах ни в коей мере не умаляет их значения, так как это не влияет на содержание как отдельных принципов, так и всей их системы.

Поэтому из вышесказанного можно сделать следующие выводы: 1) содержание и юридическая сила принципов не зависит от уровня их закрепления (если он не ниже уровня федерального законодательства); 2) законодатель должен стремиться к закреплению принципов на более высоком (желательно — на конституционном) уровне; 3) в настоящее время несомненной заслугой российского законодателя следует считать тот факт, что большинство принципов уголовного процесса закреплены именно на конституционном уровне.

Таким образом, *будучи интегрированы в единую систему, принципы равнозначны, подчинены назначению уголовного судопроизводства, имеют одинаковую правовую природу и настолько тесно взаимосвязаны между собой, что отсутствует возможность выделить основания для их классификации.*

Однако, анализируя содержание принципов, нетрудно заметить, что они имеют незначительные «оттенки» в зависимости от того, кто является приоритетным адресатом закрепленных в принципах правил. Вместе с тем такие различия достаточно условны, и не могут быть признаны основаниями для классификации принципов. Поэтому можно предложить лишь самое «тонкое» подразделение принципов на требования, в большей мере направленные на обеспечение надлежащей уголовной процедуры, и положения, преимущественно обеспечивающие реализацию прав и свобод лиц — участников производства по уголовному делу.

¹ См.: Ларин А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. - М.: Наука, - 1985. - С. 22.

Кузьмин С.И.

доктор юридических наук, профессор

Селезнева И.В.

кандидат юридических наук

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Kuz'min S.I.

doctor of jurisprudence sciences, professor

Selezneva I.V.

candidate of jurisprudence sciences

THE CRIMINAL-EXECUTIVE POLICY IN THE RUSSIAN STATE OF A BEGINNING XXI CENTURIES

The authors believe, that the modern criminal legislation is objectively predisposed to processes of bribery in our country. Such situation is "promoted" by the dim sanctions of laws.

The modern system of punishments as is imperfect, as the part from them is not applied.

It is necessary, in opinion of the author, to take measures on a reconstruction of the state system of preventive maintenance.

Современная российская государственность характеризуется сложным и противоречивым состоянием. Кардинальное реформирование, охватившее практически все сферы жизнедеятельности российского общества, заметно повлияло на переоценку роли и предназначения государства.

Форсированное формирование рыночной экономики в России выявило множество негативных процессов и явлений, большинство из которых приобрели острый социальный характер. Болезненно проявилась адаптация общества к новым экономическим, политическим и социальным условиям. Почти 20% населения, продолжает, спустя уже 15 лет, прозябать в нищете и еще 20% - в крайней бедности¹. Нищета же, как общеизвестно, порождает и другие негативные явления. Преступность в России становится все более жестокой, агрессивной, организованной и профессиональной. Число лишенных свободы в стране почти равно числу лиц, отбывавших наказание до распада СССР, при меньшей в два раза численности населения. В этих условиях представляется целесообразным посмотреть на нашу реформируемую уголовную и уголовно-исполнительную политику.

Следует отметить, что состояние уголовной политики в современных условиях оценивается неоднозначно как со стороны ученых, так и практических работников. Для неё характерны либерализм, не соответствующий криминогенной обстановке в стране, а также непоследовательность в решении принципиальных вопросов, что проявляется в многочисленных поправках и дополнениях. В УК РСФСР за период 1996 — 2005гг. было внесено более 500 поправок. И этот процесс продолжается. Уголовный кодекс РФ, отмечается в литературе, утратил признак системности².

Современный уголовный кодекс создает объективные условия для процветания

¹ См.: Кива А. Главная беда России // Интернет-журнал «Новое мышление». 2006, 12 апр.

² См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 22.

взяточничества. Наличие в каждой статье альтернативных санкций позволяет в процессе следствия и суда переqualифицировать состав преступления в сторону смягчения наказания, в том числе определяя его ниже низшего предела. На наш взгляд, закон не должен содержать «размытых» санкций статей типа «от 5 до 10» и т.д. Санкция должна иметь четкие низший и высший пределы типа «7-10 лет», за рамки которых непозволительно выходить. Минимальный срок должен назначаться преступнику только в случае активного сотрудничества со следствием.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и федерального закона «О противодействии терроризму» восстановил институт конфискации в УК РФ. Как видим, только под давлением Совета Европы внесена в закон «косметическая» поправка далеко не соответствующая цели конфискации. Из дополнительного вида наказания она оказалась отнесенной к иным мерам уголовно-правового характера. Вот и получилось: в законе конфискация теперь реанимирована, а фактически ее не будет.

Исправительные работы, приносившие стабильный доход в государственную казну, фактически утратили свое значение в качестве меры уголовного наказания. Конечно же, олигарху или крупному чиновнику, если к нему будет применена указанная санкция, жалко будет расставаться с 5-15% дохода в течение двух лет. Поэтому и распространили норму закона на безработных, которые в лучшем случае получают от государства пособие по безработице. К тому же оказались совершенно выхолащенными условия отбывания данного вида уголовного наказания.

В современной карательной политике анахронизмом представляется назначение уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Для общества надо полагать безразлично, в каком облике предстает (хулиган, насильник, вымогатель и т.д.) – в форме или гражданской одежде. Дисциплинарные воинские части это ни что иное как исправительные колонии по условиям отбывания наказания военнослужащими. На наш взгляд, совершившие уголовные преступления военнослужащие должны отбывать наказание в исправительных колониях, а дисциплинарные части должны быть ликвидированы.

Если руководство страны собирается надолго и всерьез бороться со взяточничеством, коррупцией, стяжательством, лоббированием чьих-то интересов и преступностью организованной, то следует ввести норму в соответствии с которой, например, начиная с 1 января 2010, работники правоохранительных органов, чиновники всех уровней будут отбывать наказание не в привилегированных исправительных учреждениях, а вместе с уголовными преступниками. Может тогда эта жесткая профилактическая мера заставит задуматься: а стоит ли, к примеру, брать взятку?

В настоящее время принимаются меры по воссозданию государственной системы профилактики. С начала реализации разработанной программы по устранению причин и условий, которые ведут к совершению преступлений, введены должности заместителей глав администраций по профилактике правонарушений. В них входят руководители всех заинтересованных министерств, ведомств и организаций.

То обстоятельство, что профилактике придается большое значение в качестве одного из эффективных направлений борьбы с преступностью, вызывает большие сомнения в ее результативности. В условиях, когда стабилизирована, усиление

профилактической работы, несомненно, будет способствовать ее снижению. Когда же преступность имеет устойчивую тенденцию к росту, роль профилактики малоэффективна, пока преступность не удастся подавить жесткими уголовно-правовыми мерами, в том числе восстановлением смертной казни, вряд ли профилактика сможет выполнить ту роль, которая ей отводится.

Оценивая современную уголовную политику, следует отметить, что противодействие преступности со стороны государства, а тем более общества не является достаточно активным, по настоящему организованным и наступательным, как этого требует криминальная ситуация в России.

В последние пятнадцать лет система мест лишения свободы в России неоднократно реформировалась в связи с чем её облик претерпел серьёзные изменения. Введение в действие в 1997 г. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации обязано привести исправительные и воспитательные колонии в соответствие с законом, переосмыслить пути, формы и методы воспитательной работы с осуждёнными, наполнить их новым содержанием. Заложенный в законе принцип гуманизации процесса исполнения уголовного наказания безусловно потребовал укрепления качественного состава воспитательных аппаратов УИС, повышения уровня их профессионального мастерства, вовлечения в активную воспитательную работу с осуждёнными, в том числе и индивидуальную, всех сотрудников исправительных колоний и общественных формирований. Реализация в практической деятельности этого принципа стало особенно актуальным, поскольку привлечение осужденных к общественно полезному труду перестало быть общегосударственной задачей. Об этом свидетельствуют существующие в уголовно-исполнительной системе 600 унитарных федеральных государственных предприятий, значительная часть из которых не в состоянии обеспечить эффективную производственно-хозяйственную деятельность. Отнюдь не случайно 21 октября 2002 г. был принят Федеральный закон за № 127 — «О несостоятельности (банкротстве)». Он позволяет освободить администрацию исправительных учреждений от решения производственных задач. Надежда на создание совместных предприятий с различного типа акционерными обществами оказалась несостоятельной по вполне понятной причине, так как более 90 % осуждённых не имеют специальности или утратили трудовые навыки. Отсюда в качестве перспективы ставится задача создания в местах лишения свободы центров трудовой адаптации осуждённых, учебно-производственных мастерских, лечебно-производственных мастерских. Необходимость в такого типа учебных мастерских не вызывает сомнения ввиду того, что свыше 40 % осуждённых составляют лица, не достигшие 25 летнего возраста и не имеющие специальности, а то и вовсе не работавшие до осуждения. Этот путь не простой как может показаться на первый взгляд. Организация профессиональной подготовки требует наличия современного оборудования, приобретения расходных материалов, оплаты за электрическую энергию и т.д. При этом неизбежно встает вопрос и о том, по каким специальностям вести обучение, чтобы эта рабочая сила была бы востребована на современном рынке труда. Необходимо определиться с тем, на каком этапе отбывания наказания привлекать осужденных к обучению, чтобы они не успели растерять полученные в процессе обучения навыки.

Заслуживает внимания проблема гуманизации наказания. Порочная советская практика постоянных амнистий (иногда до 3-5 в год), продолжающаяся и в современной России, фактически порождает неуважение к уголовному закону. Такой порочной практики не знает ни одна страна в мире. В качестве обоснования

необходимости проведения ежегодных амнистий в современной России выдвигается необходимость освобождения исправительных учреждений от переполнения для улучшения материально-бытовых и жилищных условий остающихся. На самом же деле система освобождается от совершивших менее тяжкие преступления для размещения более опасных преступников. Конечный результат такой политики способствовал, с одной стороны, сокращению количества осужденных в исправительных учреждениях, а с другой – привёл к повышенной концентрации лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

Общеизвестно, что законом, за исключением отдельных категорий, предусмотрено отбывание наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. Для реализации этой нормы закона на местах предпринимаются необходимые меры. В частности, только в последний период времени были созданы 69 изолированных участков различных видов режима с общим лимитом на 8 тысяч мест. Кроме того, изолировано содержатся осуждённые в обычных, облегченных и строгих условиях отбывания наказания, предусмотренных видом режима данной колонии. Подобный порядок отбывания наказания вряд ли следует рассматривать в качестве однозначно позитивного. С одной стороны, такой порядок направлен на активизацию с родственниками и иными лицами, что, в свою очередь, впоследствии должно положительно сказаться и на социальной адаптации осужденных после освобождения от наказания. С другой стороны, при наличии внутренней дифференциации континента и размещения на территории нескольких видов режима или иных категорий осужденных (женщин, несовершеннолетних), создаются существенные трудности для администрации в части организации питания, проведения воспитательной работы, обучения в общеобразовательной школе и т.д. Вследствие этого исправительные учреждения приобретают облик тюремных учреждений. Фактически в силу указанных обстоятельств колонии как учреждения полуоткрытого типа перестают существовать, а задача администрации всё больше сводится к исполнению наказания, оттесняя тем самым воспитательную работу с осужденными на второй план.

Отсутствие в УК РФ ответственности за незаконную передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в следственных изоляторах, тюрьмах и исправительных учреждениях не способствует перекрытию каналов поступления наркотиков, спиртных напитков, денег, иных запрещенных предметов.

Для борьбы с этим злом, если бы даже в УК РФ и была введена соответствующая норма, уголовно-правовой меры недостаточно. Нужны самые радикальные изменения. Думается, что в социально-экономических условиях при отсутствии дефицита на продукты питания и предметы первой необходимости, следует исключить получения осуждёнными посылок, передач и бандеролей, заменив их денежными переводами. Это позволит перекрыть один из каналов поступления запрещённых предметов и негативной переписки. В 80-х годах XX в. в целях исключения проноса запрещённых предметов на производство и с производства оборудовались санпропускники при выходе на работу осужденные под контролем представителей администрации снимали одежду и в другой части санпропускника переодевались в рабочую. Процедура повторялась в обратном порядке при возвращении с работы. Для пресечения недозволенных связей сотрудников с осужденными следует использовать этот опыт.

Разумеется, у предлагаемых новаций найдутся сторонники и противники из

числа тех, кто за счет этого получает дополнительный материальный доход. Во всяком случае представляется целесообразным провести соответствующие эксперименты и реально оценить, насколько изменится оперативная обстановка в местах лишения свободы.

Особого внимания заслуживает проблема, связанная с освобождением лиц, отбывших установленный судом срок наказания в исправительных учреждениях. Законодательство регулирует этот процесс, возложив поддержку таким лицам на территориальные муниципальные образования. Фактически же освобожденные оказываются в ситуации, из которой нет реального выхода. В местах лишения свободы находится немало тех, кто или утратил родственные связи или воспитывался в детских домах, интернатах. После освобождения они оказываются никому не нужными, им негде жить и работать. В силу этого одни становятся лицами без определённого места жительства (бомжами), другие сознательно идут на совершение преступлений под влиянием сложившихся обстоятельств. Поскольку государство не решает проблем социальной адаптации отбывших уголовное наказание, то эту функцию выполняют организованные преступные группировки действующие на свободе и в местах лишения свободы. Ими на учет берутся осужденные соблюдающие требования «арестантского кодекса чести». При освобождении таким предлагается «работа», предоставляется жильё, оказывается материальная помощь, а при необходимости им приобретаются транспортные средства. Вследствие этого в российском обществе упрочивает свои позиции профессиональная преступность.

Российское государство остро нуждается в рабочей силе. Разработана и вводится в действие программа, регулирующая миграционные процессы. Реализуются конкретные меры по оказанию помощи русскоязычным гражданам в переезде в Россию. В государственном бюджете предусмотрено выделение на эти цели немало средств. В то же время сотни тысяч алкоголиков, наркоманов, лиц без определённого места жительства в трудоспособном возрасте остаются вне сферы общественного производства. Не так уж много прошло лет с тех пор как были ликвидированы лечебно-трудовые профилактории, выполнявших, и небезуспешно, роль центров реабилитации личности и не пора ли нам без всякой предвзятости переосмыслить свою собственную уголовную и исправительную политику с тем, чтобы всё ценное из прошлого оказалось востребованным современной наукой и практикой.

Коновалова И. А.,
кандидат юридических наук, доцент

**НАКАЗЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ, НЕ НАКАЗЫВАТЬ.
К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ХАРАКТЕРА К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ**

Konovalova I.A.
candidate of jurisprudence sciences,
assistant of professor

**TO PUNISH IT IS IMPOSSIBLE, TO NOT PUNISH.
TO A QUESTION ON APPLICATION OF MEASURES OF CRIMINAL
LEGAL CHARACTER TO THE MINORS**

The author offers detailed classification of measures of compulsion for minors. At the same time, in the system of the punishments applied to the given category of citizens, physiological and psychological features of minor offenders should be considered.

The author believes, that correction of such infringers of the law probably at application to them of measures of criminally-legal character, instead of punishment.

Судьба подрастающего поколения всегда волновала общество и человечество в целом. Такая обеспокоенность вызвана тесной взаимосвязью благополучия ребенка и его нормального развития, безопасности общества и государства. К проблемам несовершеннолетних с древнейших времен и до наших дней в своих трудах и речах с различных позиций не раз обращались как отечественные, так и зарубежные мыслители, философы, ученые, ораторы, писатели, педагоги, публицисты, литературные критики, врачи и другие представители просвещенной части населения. В их числе В.Г. Белинский, Г. Гегель, А.И. Герцен, И. Гете, В. Гюго, Демокрит, Д. Дидро, А.С. Макаренко, В. Менцель, Д. Локк, Ш. Монтескье, А. Моруа, А.М. Пешков, Н.И. Пирогов, Д.И. Писарев, А.С. Пушкин, Ж.-Ж. Руссо, В.А. Сухомлинский, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский, С. Цвейг, Цицерон, У. Ченнинг, А.П. Чехов и др.

С течением времени актуальность вопросов, связанных с исследованием разнообразных уголовной ответственности несовершеннолетних, не только не уменьшилась, но и многократно увеличилась. Это подтверждается пристальным интересом ученых-юристов к освещению данной темы в недавнем прошлом и в настоящее время.

Борьба с преступлениями в несовершеннолетней среде представляет собой одно из ведущих направлений общей борьбы с преступностью. Но, как показала практика назначения несовершеннолетним уголовного наказания, не всегда стоит прибегать к такой мере уголовной ответственности. Эффективное предупреждение преступлений несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия является существенным условием охраны нравственного здоровья подрастающего поколения, борьбы с негативными влияниями на формирование ценностных ориентиров поведения молодежи.

Под принудительными мерами воспитательного воздействия понимаются

альтернативные меры государственного принуждения, применяемые в рамках уголовного закона к несовершеннолетним, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести, в тех случаях, когда исправление этих лиц возможно при помощи мер педагогического характера без назначения наказания или без привлечения к уголовной ответственности в целом.

В качестве мер воспитательного воздействия ст. 90 УК называет следующие: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Воспитательный характер принудительных мер проявляется в том, что они основаны, прежде всего, на воздействии, направленном на сознание лица. С их помощью до несовершеннолетнего доводится недопустимость совершения противоправных действий, подчеркивается отрицательная оценка их со стороны государства.

Принудительный характер названных мер состоит также в том, что правом их назначения и исполнения обладают органы, наделенные властными полномочиями (суды). Поэтому назначенные меры воспитательного воздействия исполняются вне зависимости от воли несовершеннолетнего лица и обеспечиваются принудительной силой государства. Вместе с тем, ч. 5 ст. 8 УПК РФ установила, что прекращение уголовного дела по основаниям, указанным в ст. 90 УК РФ, не допускается, если несовершеннолетний против этого возражает.

Кроме того, на принудительный характер воспитательных мер воздействия указывает положение ч. 4 ст. 90 УК РФ. В соответствии с ней, в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Таким образом, не смотря на свое название, принудительные меры воспитательного воздействия сочетают в себе действие методов убеждения и принуждения.

Актуальным представляется рассмотрение вопроса о возможности внесения изменений в положения гл. 14 УК РФ, которые позволили бы расширить действие принудительных мер воспитательного воздействия. Такие изменения могут идти в двух основных направлениях.

Так, принудительные меры как альтернатива уголовной ответственности и наказанию весьма успешно применяется на практике, если речь идет о преступлениях небольшой или средней тяжести. Однако применение таких мер воздействия, к сожалению, невозможно в отношении лиц, впервые совершивших тяжкие преступления. Поэтому имеет смысл распространить положения ч. 2 ст. 92 УК РФ на несовершеннолетних, совершивших впервые тяжкие преступления.

В основе второго направления соответствующих изменений лежит возможность распространения положений ст. 90 УК РФ на лиц, ранее совершавших преступление. Это особенно актуально в том случае, когда одно или оба из совершенных несовершеннолетним преступлений относятся к числу случайных, ситуативных. Приведенные дополнения представляются особенно необходимыми в связи с очевидным кризисом системы наказаний несовершеннолетних. Они позволят суду эффективнее реализовывать принцип справедливости и индивидуализации наказания.

В соответствии со ст. 90 УК РФ принудительные меры воспитательного воздействия применяются лишь к субъектам преступления. На наш взгляд, следовало бы расширить практику применения этих мер за счет лиц, совершивших общественно опасное деяние и не достигших возраста уголовной ответственности.

Уголовный закон прямо не указывает на цели принудительных мер воспитательного воздействия. Лишь положения ч. 1 ст. 90 УК РФ о том, что несовершеннолетний может быть освобожден от ответственности при наличии перспектив его исправления путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, дают основание для определения в качестве одной из целей этих мер именно исправление. Однако, в связи с тем, что принудительные меры воспитательного воздействия являются альтернативой уголовной ответственности и наказанию, закрепленные ч. 2 ст. 43 УК РФ цели наказания полностью присущи мерам воспитательного воздействия.

Если освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия в порядке ст. 90 УК РФ является условным, что означает возможность его отмены, то освобождение от наказания в соответствии со ст. 92 УК РФ – безусловное освобождение от наказания. Последнее не может быть отменено иначе как в уголовно-процессуальном порядке отмены незаконных и необоснованных актов.

Предупреждение как наиболее мягкая мера, согласно ч. 1 ст. 91 УК, заключается в разовом воздействии на интеллектуальную сферу виновного лица. Ему разъясняются два основных момента: во-первых, тяжесть вреда, причиненного его деянием; во-вторых, последствия повторного совершения преступления.

Эта мера призвана способствовать скорейшему осознанию несовершеннолетним общественной опасности совершенного им деяния, а также недопустимости совершения подобных действий в будущем.

Передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. В соответствии с ч. 2 ст. 91 УК РФ данная мера воспитательного воздействия состоит в возложении на родителей или лиц, их заменяющих, либо на специализированный государственный орган обязанности по оказанию воспитательного воздействия на несовершеннолетнего и контролю за его поведением.

Между тем обязанность воспитывать своих детей, в соответствии со ст. 63 СК РФ, возлагается на родителей не с момента вынесения соответствующего решения судебными органами, а с момента рождения несовершеннолетнего. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Следовательно, эта мера не наделяет родителей несовершеннолетнего новыми правами по отношению к нему, она лишь призвана обратить пристальное внимание на поведение несовершеннолетнего в обществе, усилить контроль за ним.

Формально, по закону, суд вправе назначить данную меру волевым решением вне зависимости от желания родителей. В то же время постановление Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» отмечает, что при передаче детей под надзор родителей или лиц, их заменяющих, суд должен быть убежден в их положительном влиянии на подростка, в их возможности адекватно оценивать содеянное, обеспечивать надлежащее поведение и постоянный контроль над несовершеннолетним. Поэтому, в каждом случае необходимо проверять характеристику родителей или заменяющих

их лиц, проверять условия их жизни, возможности материального обеспечения несовершеннолетнего и т.д.¹. В случае применения данной меры в обязательном порядке, должно быть получено согласие родителей или иных лиц на передачу им несовершеннолетнего, поскольку в противном случае она теряет смысл.

Однако в законе отсутствует указание на продолжительность исполнения передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. В этой связи, Пленум Верховного Суда РФ по этому поводу рекомендовал суду, в случае назначения в качестве меры воспитательного воздействия передачу под надзор или ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, указать на продолжительность действия этой меры в отношении конкретного лица.

Возложение обязанности загладить причиненный вред состоит в непосредственном устранении несовершеннолетним вреда своими силами или в возмещении ущерба в денежном или ином эквиваленте (например, передача имущества, равноценного утраченному). Данная мера может быть возложена в случае, когда, учитывая характер причиненного вреда, суд признает, что виновный способен непосредственно устранить его указанными способами. При этом, по указанию ч. 3 ст. 91 УК РФ, в случае возложения обязанности возместить причиненный ущерб, судом должно учитываться имущественное положение несовершеннолетнего, т.е. наличие в его собственности имущества или денежных средств, получение им заработной платы, стипендии или иных доходов (например, по ценным бумагам). В случае возложения обязанности на несовершеннолетнего возместить вред своим трудом необходимо проверять факт наличия у него соответствующих трудовых навыков.

Примечательно, что УК РСФСР в ст. 21 предусматривал возложение обязанности загладить причиненный вред в качестве одного из видов наказания. Однако, если действующий УК в ст.ст. 90, 91 не указывает рамки вреда, подлежащего возмещению, то ст. 32 УК РСФСР ограничивала размер причиненного ущерба пятью минимальными размерами оплаты труда². Отсутствие подобного указания в УК РФ в отношении одноименной меры, применяемой к несовершеннолетнему, является, на наш взгляд, пробелом в законе.

Кроме того, ст. 32 УК РСФСР в качестве альтернативы действий по устранению вреда в рамках данного вида наказания предусматривала возможность возложения на лицо обязанности принесения публичного извинения перед потерпевшим или членами соответствующего коллектива в том случае, если имело место посягательство на неприкосновенность или достоинство личности либо нарушение правил общежития, не причинившее материального ущерба. Эта мера при соблюдении соответствующих условий вполне могла бы назначаться несовершеннолетнему.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Согласно ч. 4 ст. 91 УК эта мера может состоять: в запрете посещения несовершеннолетним определенных мест; в ограничении или полном запрете конкретных форм досуга (например, связанных с управлением механическим транспортным средством); в ограничении времени пребывания вне дома после определенного времени суток; в ограничении выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа; в требовании возвратиться в образовательное учреждение либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа.

¹ См.: Российская газета. — 2000, 14 марта.

² Указанный размер вреда введен в ст. 32 УК РСФСР Федеральным законом от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. - 1994. - № 10. - Ст. 1109.

Перечень требований закона, предъявляемых к досугу несовершеннолетнего, а также к его поведению, не является исчерпывающим и подлежит расширительному толкованию. Вместе с тем в русском уголовном праве традиционным является положение, согласно которому в случае сомнения суд должен применять закон, наиболее снисходительный к подсудимому. Полагаем, что в рамках реализации принципа гуманности и основываясь на данных практики, российским судам, при вынесении решения о привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних, следует рассматривать возможность назначения мер уголовно-правового характера, а не наказания.

Детков М.Г.,
доктор юридических наук, профессор
Шохин Н.Н.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИЮ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Detkov M.G.
doctor of jurisprudence sciences, professor
Shohin N.N.

THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION IN THE RUSSIAN STATE

Historiko-legal consideration of criminal policy of Russia 15-18 centuries testifies to purposeful eradication of malfeasances.

The term "bribe" is known since times of imperial Russia. The author believes, that corruption as the phenomenon, was present at Russia 15go centuries.

Со становлением Российского централизованного государства и его органов, обеспечивающих условия его существования одновременно получило развитие такое негативное явление как использование своего служебного положение в личных корыстных целях. Прежде всего это относилось к деятельности судебных органов. В первом законодательном акте централизованного Российского государства - Судном уставе или Судебнике Иоанна III 1497 года закрепляется понятие и запрет использования своего положения при осуществлении правосудия в корыстных целях, в то время носившего **название посула**. В частности, в статье 1 Судебника было прописано: «Судити суд боярам и околничим. А на суде бытии у бояр и у околничим диакам. А посулов бояром, и околничим, и диакам от суда и от печалования не имати; такоже и всякому судие посула от суда не имати никому...».

Судебник содержал специальную статью 67 О посулах и о послушестве, запрещающей брать посулы: «Да велети прокликать по торгам на Москве и во всех городех Московской земли и Ногородские земли и по всем волостех заповедати, чтобы исцея и ответчик судиам и приставам посулу не сулили в суду...»¹.

Посул в первоначальном смысле понимался в двух значениях: 1) плата за проявление судьей прилежания в рассмотрении дела и 2) взятка- «А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику (Новгородская и Псковская Судные грамоты). С этого времени слово **посульник** стало пониматься как **взяточник**.

Судебник 1550 года Ивана Грозного в развитие норм Судебника 1497 года существенно упорядочил осуществление правосудия в государстве, а также установил ответственность конкретных лиц- участников уголовного процесса за использование своего положения в личных корыстных целях: «ст. 1. Суд царя и великого князя судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком. А судом не дружити и не мстити никому, и **посулу в суде не имати, такоже и вскому судье посулов в суде не имати**»².

Мздоимство государственных чиновников, как разновидность поборов в

¹ Российское законодательство X- XX вв. М.: «Юрид. лит.». Т. 2. 1985. С. 54- 62.

² Российское законодательство X- XX вв. т.2 «Юрид. лит.» М., 1985г., С. 97

личных корыстных интересах постепенно вращалось в российскую действительность и несло несомненную угрозу российской государственности на различных этапах ее формирования.

В этой связи особый интерес представляет позиция, высказанная в обращении дворян ряда южных городов к царю Михаилу Феодоровичу: «Твои государевы дьяки и подьячие пожалованы твоим денежным жалованьем, поместьями и вотчинами, а будучи беспристрастно у твоих дел и обогатев многим богатством несправедливым от своего мздоимства, покупали многие вотчины и дома свои построили многие, палаты каменные такие, что неудобь сказываемые: блаженной памяти при прежних государях у великородных людей таких домов не бывало, кому было достойно в таких домах жить...». В качестве конкретной меры предлагается: «Да вели, государь, взять роспись вотчинам и поместьям у все государевой земли, у стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов и у нас, холопей своих, у всяких чинов людей, у дьяков и подьячих, сколько за кем крестьян, с большим твоим государевым допросом, по твоему крестному целованию, а кто крестьян своих, то вели этих утаенных крестьян отписать на себя безповоротно... Да вели, государь, приказных своих людей, дьяков и подьячих и таможенных голов на Москве и в городах счесть по приходным книгам, чтоб твоя государева казна без ведомости у тебя не терялась и тебе была бы в прибыль ратным твоим людям на жалованье; а ту свою казну вели собирать своим государевым гостям и земским людям...»¹.

Борьба с этим негативным социальным явлением рассматривалась в качестве необходимого условия защиты государственных интересов, укрепления самодержавной власти правителя России. В годы правления Петра Великого принимаемые им меры по обузданию алчности и мздоимства чиновного люда носили весьма противоречивый характер. Петровское законодательство стремилось упорядочить деятельность различных категорий управленческого аппарата, установить формы государственного контроля за различными сферами государственного управления, особенно в финансовой сфере. В конце 1700 г. с этой целью был издан указ следующего содержания: «Всякие крепости, для пополнения государевой казны, а паче для ослабы всенародные волокиты и тягости и для лучшего усмотрения, писать в палате Ивановской площади особливо прибранным подьячим, 24 человекам, для того: прежде всякие крепости писали в приказах подьячие. И за многими великого государя по приличию нужными и скорыми делами всяких чинов людям, которым прилучалось какие крепости писать, были многие волокиты и убытки, а иные из приказных людей многие для своего излишнего мздоимания отговаривались всякими приказными, будто нужными делами, волочили за крепостями недели по три и по четыре, а иные месяца по два и по три, и от той продолжительной волокиты и за спасеньем, чтоб в продолжительное время те крепости не утерялись, и у кого по крепостям близ срока, давали приказным людям дачи великие. А и писали в приказах многие крепости подьячие из молодых, малоосмысленные, не токмо что могущие познавать во всяких крепостях всеваемые от ябедников плевелы и, усмотрев, оспорить, но и писать мало умеющие, и свидетели в подписке у крепостей являлись такие, которых и сыскать невозможно. И ныне в приказах и в ратуше никаких крепостей не писать и ведать те крепостные дела и подьячих в Оружейной палате боярину Фед. Ал. Головину с товарищи».

Об истоках коррупции в современном значении этого понятия свидетельствуют следующие исторические факты. В 1704 году знаменитый в

¹ Соловьев С.М. История России 1613- 1657. Книга V. Т. 9. С.283-284.

то время *прибыльщик* Алексей Александрович Курбатов, изобретший гербовую бумагу, будучи дьяком Оружейной палаты открыл *воровское* (фальшивое) серебро в серебряном ряду. Продавец, осознавая последствия, принес Курбатову 300 рублей денег и подьячим 150, с просьбой прикрыть его преступление. Курбатов взял эти деньги, чтобы в дальнейшем использовать их в качестве доказательства и приступил к розыску. Князь Ромодановский обвинял Курбатова и подьячих Оружейной палаты во взятках; Курбатов объяснил, что принял взятку нарочно, для доказательства вины принесшего, и предъявил список подаркам, которые получил за дела вершенные¹.

Петр Великий хорошо знал, что одной из главных причин казнокрадства была застарелая болезнь российского централизованного государства, управленческие структуры которого изначально формировались на основе *кормления*. Поэтому безуспешны были его попытки в законодательном порядке внедрить в общественное сознание и повседневную практику понятия заботы прежде всего об интересах государства, бескорыстным ему служению. В психологии и привычках русского человека в течение многих веков глубоко укоренился взгляд на службу как источник получения дополнительных доходов пусть даже незаконным, преступным путем. Тем более, что в материальном отношении бедное, измученное находящееся в постоянной войне с соседями государство не в состоянии было обеспечить сколь-нибудь мало-мальски нормальные материальные условия жизнедеятельности чиновников и их семейств.

Это обстоятельство вынуждало самодержца в отдельных случаях поступаться им же провозглашаемым принципам борьбы с мздоимством. Более того, по частным делам он допускал возможность поборов, или в нашем понимании - взяточничества.

Но он неустанно преследовал чиновников, виновных в похищении казенной собственности, взяточничестве, приносивших особо ощутимый вред интересам государства.

Петр I 24 декабря 1714 г. издает указ: «Понеже многие лихоимства умножились, между которыми и подряды вымышлены, и прочие тому подобные дела, которые уже наружу вышли, о чем многие, якобы оправляя себя, говорят. Что сие не заказано было, не рассуждая того, что все то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступления. И дабы впредь плутам (которые ни во что иное тшаться, точию мины под всякое доброе и несытность свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать; того ради запрещается всем чинам, которые у дел приставлены, дабы не дерзали никаких посулов казенных, и с народа собираемых денег брать торгом, подрядом и прочими вымыслами. А кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шелмован и из числа добрых людей извержен или и смертию казнен будет»².

Угрозы, содержащиеся в нормах Петровского законодательства реализовывались весьма избирательно, особенно если это касалось дел, когда алчность чиновников высшего ранга переходила разумные границы и представляла реальную опасность самодержавному правлению. В этом плане примечательным является пример наказания сибирского губернатора князя Гагарина, который стал практически единовластным правителем этого огромного по территории края. Князь Гагарин начал свою служебную карьеру в должности воеводы в Нерчинском потом был судьей в Сибирском приказе, в ведении которого находилась вся Сибирь;

¹ Соловьев С.М. История России 1703- начало 20-х годов XVIII века. Книга VIII. Т. 15. стр.87--88, 91 -92 ФОЛИО, М., 2001.

² Соловьев С.М. История России 1703- начало 20-х годов XVIII века. Книга VIII, Т.16, С. 641- 643 .

в 1711 году был назначен сибирским губернатором и одновременно в его ведении оставался сибирский приказ. При этом князь находился в родственных отношениях с канцлером графом Головкиным и пользовался небескорыстной поддержкой могущественного в то время Светлейшего князя Меншикова. Таким образом, его положение предоставляло ему широкие возможности для злоупотреблений, легкой наживы которое он не замедлил использовать и вскоре приобрел несметные богатства. Уверовав в свою безнаказанность и вседозволенность князь стал пренебрегать чувством элементарной порядочности; стал изымать у купцов, торговавших с Китаем, товары предназначавшиеся для царской семьи.

Получив известия о недобросовестном ведении дел, безграничных поборах и взяточничестве, Петр I велел провести расследование и предать князя Гагарина суду. При производстве дела он был подвергнут пытке, бит кнутом и 17 июня 1721 года повешен на площади перед Сенатом, на страх другим не унимающимся лихоимцам.¹

После вступления на престол Екатерина II в числе первых издает указ от 18 июля 1762 года, посвященный именно борьбе с мздоимством и взяточничеством, в котором раскрываются наиболее распространенные способы лихоимства в России, содержится оценка истинного положения в этой сфере государственной деятельности: «Мы уже от давнего времени слышали довольно, а ныне и делом самым увидели, до какой степени в государстве нашем лихоимство возросло; ищет ли кто места - плати; защищается ли кто от клеветы - обороняется деньгами; клеветает ли на кого либо - все происки свои хитрые подкрепляет дарами. Напротив того; многие судящие освященное свое место, в котором они именем нашим должны показывать правосудно, в торжище превращают, вменяя себе вверенное от нас звание судии бескорыстного и нелицеприятного за пожалованный будто им доход в поправлении дома своего, а не за службу, приносимую богу, нам и отечеству, и мздоимством богомерзским претворяют клевету в праведный донос, разорение государственных доходов в прибыль государственную, а иногда нищего делают богатым, а богатого нищим»².

В изданном ею в 1782 году Уставе благочиния или полицейском в числе основополагающих требований к полицейским чинам она, прежде всего, выделяет честность и бескорыстие, а также воздержание от взяток, ибо взятки «ослабляют глаза и развращают ум и сердце, уста же налагают узду»³.

Веками укоренившаяся привычка брать все, что законно или незаконно можно была присовокупить к своей собственности, усиленно культивировалось государственной властью при низложении бывших ранее в фаворе вельмож переходила в наследство от одного правителя к другому и, естественно, являлась основой мздоимства в различных его формах в Российском государстве в эпоху самодержавия. Постепенно формировались и совершенствовались формы и способы коррупции: фаворизм, злоупотребление властными полномочиями, взяточничество, подкуп, поборы, протекционизм. Коррупция вращалась в механизм государственного правления, становилась его неотъемлемой частью.

¹ Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. Собр. соч. Т. 1 М., «ТЕРРА» - «TERRA» 1995. С.514- 515.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VIII. М., 1965. С.116-117

³ Российское законодательство X- XX веков. М., Юрид. лит. Т. 5. 1987. С. 334.

Козлов С.П.

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Kozlov S.P.

PREVENTIVE MAINTENANCE OF CRIMES MADE BY THE MINORS OF A FEMALE SEX

High latent the given kind of criminality and cruelty demands strengthening kontrol'no-supervising functions of the state bodies.

The author suggests to concretize directions, forms and methods of the prevention of the crimes made by minors of a female

Профилактика правонарушений и преступлений несовершеннолетних - сложная социальная задача. Кризисные явления в социальной, экономической и политической сферах нашего общества неблагоприятно сказываются на состоянии преступности среди несовершеннолетних.

Наиболее общественно опасные формы поведения характерны для старшего подросткового и юношеского возраста. Начиная с младшего подросткового возраста, появляются определенные особенности в поведении, обусловленные половой принадлежностью. Одно из главных отличий в личности девушек этого возраста заключается в том, что у девушек раньше, чем у юношей, начинается и заканчивается половое созревание. С учетом этого педагог Э.Г. Костяшкин предлагает усилить работу с родителями девочек 6-7, а мальчиков 8-9 классов¹. Наиболее «критические» периоды формирования личности девушек приходятся не на 16-17 лет, когда поведение их становится более стабильным, а на более ранний возраст: 14-15 лет, т.е. именно на возраст наступления уголовной ответственности.

Это дает основание предположить, что и отклонение в поведении девушек появляются не в 16-17 лет, а значительно раньше. Усиление негативных проявлений, целый ряд антиобщественных действий явились основанием для постановки их на учет в комиссии по делам несовершеннолетних (КДН) и ПДН. Педагоги и психологи неоднократно отмечали, что «трудные» девушки - это совсем не то же самое, что «трудные» юноши. «Трудные» старшеклассницы составляют «тихую» группу, порой ничем не выделяющуюся на общем фоне учащихся². Когда в поведении девушек начинают проявляться социально негативные отклонения, то это свидетельствует о деформации личности девушки вообще.

Внешнее проявление отклоняющегося поведения у девушек характеризуется такой особенностью: если поведение не было отклоняющимся с детства, то в 12-14 лет формирование установок на социально негативное поведение происходит очень быстро. Повлиять на этот процесс довольно трудно. Данное обстоятельство заставляет внимательно относиться к любым нарушениям несовершеннолетними женского

¹ См.: Костяшкин Э.Г. Педагогические аспекты полового воспитания// Советская педагогика. — 1964.-№ 7.-С. 49 .

² См.: Костяшкин Э.Г. Индивидуальная работа в школе с трудными подростками. - М., - 1971, - С. 18; Тимошенко Л.Н. Специфика нравственного воспитания старшеклассниц в общеобразовательной школе. - Дисс. ...канд. пед. наук.- М., -1976. - С. 116.

пола социальных ролей, проявлениям ими вредных привычек и пристрастий. Среди правонарушений несовершеннолетних женского пола отмечается высокая латентность. Поданным Г.И. Сыздыковой каждая десятая опрошенная воспитанница воспитательных колоний (ВК) заявила, что в момент совершения преступления о наказании не думала, но после совершения надеялась, что обойдется штрафом, рассмотрением материалов комиссией по делам несовершеннолетних, вообще никто не узнает о совершенном преступлении, так как потерпевшая не сообщит в правоохранительные органы¹. Все это свидетельствует о том, что криминальный опыт и угроза наказания за общественно-опасное деяние у несовершеннолетних уже имелся.

Подавляющее большинство несовершеннолетних правонарушительниц женского пола, получив неполное среднее образование, уходят из школы, поступают в училища или иные учебные заведения. Но, не желая учиться, девушки либо вообще не приступают к занятиям, либо очень скоро бросают учебу. Способствуют этому трудности социальной адаптации в новом коллективе, отсутствие контроля со стороны семьи. Если эти девушки как личность не были объектом профилактики правоохранительных органов, то, совершая правонарушения, они попадают во внимание этих органов лишь после их совершения.

Одной из форм антиобщественного поведения является уклонение от учебы, которое связано с бродяжничеством. Изучение причин побегов из дома педагогами, психологами, сотрудниками инспекции по делам несовершеннолетних и сотрудниками милиции (ИДН - ПДН) показало, что после достижения 15 лет эти побеги чаще всего бывают связаны с реализацией социально не одобряемых побуждений, и лишь иногда они таким образом самовыражаются.

Выяснение причины такого поведения требует привлечения, кроме педагогов, и других специалистов. Для девушек подобные прогулки, уходы из дома и бродяжничество имеют большую опасность, чем для юношей, так как они нередко становятся объектом сексуальных посягательств, подпадают под влияние криминальной среды. Выявление причин и предупреждение таких нарушений поведения представляется важным.

Помимо уклонений от учебы, бродяжничества, распространенной формой отклоняющегося поведения несовершеннолетних женского пола, являются злоупотребление спиртными напитками, раннее начало половой жизни и, как следствие, половая деморализация.

Организации развлекательного и содержательного досуга молодежи в бывшем СССР уделялось серьезное внимание. В стране имела широкая сеть дворцов пионеров, клубов, спортивных детских комплексов и других учреждений для подростков и юношей на бесплатной основе. В настоящее время проблема вовлечения несовершеннолетних в образовательный и воспитательный процесс стала весьма сложной. В связи с тем, что школы, училища, колледжи, техникумы ныне осуществляют отбор учащихся, все более широкий размах получает практика платных услуг (репетиторство, дополнительные учебные предметы, охрана в образовательных учреждениях и т.д.), то же самое относится к сети спортивных клубов, кружков и секций. Катастрофически дороги спортивная форма и инвентарь. Не все дети имеют возможность заниматься даже при наличии желания и способностей.

Потребность несовершеннолетних женского пола в общении и поместужительстве представляет собой своеобразный отлаженный механизм социального общения.

¹ См.: Сыздыкова Г.И. Преступное и предпреступное поведение несовершеннолетних женского пола. - Дисс. ...канд. юрид. наук. - Саратов, - 1985. - С. 71.

Девушке на подсознательном уровне требуются внимание, забота, положительные эмоции. Если в семье, либо образовательном учреждении создается конфликтная ситуация, стороной которой является личность девушки, то ей приходится искать выход из возникшего положения. Она устанавливает неформальные связи по месту жительства, заполняя тем самым вакуум социального общения. В результате формируются и пополняются смешанные группы антисоциальной направленности.

Подавляющее большинство преступных групп несовершеннолетних организуются по месту жительства ее членов. Это закономерно, ибо их связывают потребности в общении, развлечении, проведении свободного времени. Но, не умея организовать свой досуг, а нередко и не имея возможности для такой организации, при низком уровне нравственного и интеллектуального развития, отсутствии твердых моральных принципов девочки-подростки быстро переходят к социально не одобряемому поведению. Этот процесс еще более ускоряется, если рядом оказываются лица из числа совершеннолетних, ведущие антиобщественный образ жизни.

Неблагополучная обстановка в семье и в школе у большинства из них способствует тому, что несовершеннолетние женского пола предпочитают проводить время вне контролируемой среды, а их антиобщественное поведение и круг общения «на улице» остаются не известными родственникам и педагогам. При осуществлении профилактики противоправного поведения несовершеннолетних женского пола «уличным друзьям» должна противостоять активная полезная деятельность в школе или иной организованной среде.

Поведение подростка начинает привлекать внимание сотрудников органов внутренних дел с того момента, когда в нем появляется нарушение социальных ролей или признаки правонарушения. Конкретные социологические исследования показывают, что с невыполнения несовершеннолетними своих обязанностей начинаются отклонения в поведении: с пропусков занятий в школе, нахождение в позднее время в общественных местах и др. То, что сотрудникам органов внутренних дел приходится иметь дело чаще всего с подростками, у которых антиобщественное поведение стало в какой-то мере привычным, не означает, что первые признаки появления отклонений должны быть за пределами их внимания. Предупреждение преступлений несовершеннолетних женского пола «располагается» на половозрастном уровне. Основные признаки такого уровня - это возраст (несовершеннолетие) и пол (женский). Если мы говорим о возрасте несовершеннолетних, то речь идет о процессе формирования личности как в физическом, физиологическом, так и в интеллектуально-нравственном аспектах. Что касается пола несовершеннолетних, то здесь следует иметь в виду особую социальную роль женщин - воспроизводство рода человеческого. Поэтому важное значение придается тому, как представляет себя девушка в качестве невесты, женщины, матери. Эффективность предупреждения антиобщественных деяний связана с тем, насколько данный уровень контроля за несовершеннолетним включен в общую систему социальной профилактики. Но даже при этом центральным остается объект воздействия - личность несовершеннолетних женского пола и социальные условия, ее формирующие.

Данный объект воздействия вполне конкретен. Отсюда и конкретизация направлений, форм и методов соответствующего предупреждения.

Мы согласны с мнением С.В. Шатилова, предлагающего классификацию

антиобщественного поведения несовершеннолетних: 1) простое отклоняющееся поведение (пропускает занятия в школе, не ночует дома, беспорядочные половые отношения и т.д.); 2) отклоняющееся поведение (совершает административные проступки; 3) преступное поведение (совершает уголовно наказуемые деяния)¹.

В этом смысле выделяются два направления профилактики: 1) ранняя, когда речь идет о профилактике относительно асоциального поведения, и 2) непосредственная, когда имеется в виду предупреждение преступлений. Применительно к несовершеннолетним женского пола, этот подход, на наш взгляд, наиболее приемлем. Основным критерием разделения профилактики на раннюю и непосредственную являются, во-первых, время, «отдаляющее» лицо от момента возможного совершения преступления, во-вторых, степень «социальной испорченности» личности. В профилактической деятельности с конкретным человеком важно не упустить именно время. Между тем анализ практики показывает, что в работе с несовершеннолетними, в том числе и женского пола, упускается время. В поле нашего зрения несовершеннолетние девушки оказываются, к сожалению, уже тогда, когда они либо встали на асоциальный путь поведения и этим самым привлекли к себе внимание, либо когда уже преступление совершено. Достаточно сказать, что по данным нашего исследования 54% преступлений совершается несовершеннолетними женского пола, которые до этого не находились в поле зрения милиции, а равно и иных организаций.

Непосредственная профилактика преступлений несовершеннолетних женского пола играет не менее важную роль. Данная форма предупреждения преступлений ориентирована конкретно на выявление и устранение причин и условий преступного поведения, на выявление лиц, от которых можно ожидать совершения уголовно наказуемых деяний. Особенно важным при этом является предотвращение и пресечение преступлений. Такая профилактика связана с непосредственной работой с конкретными лицами, ведущими антиобщественный образ жизни (это - пьяницы, наркоманы, проститутки, попрошайки и др.). На них оказывается непосредственное и активное влияние со стороны органов внутренних дел, других организаций.

По нашему мнению, проблема выявления негативных тенденций связана с тем, что отсутствует инструментарий ранней профилактики. Так, Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»² считает, что девиантное (отклоняющееся противоправное поведение) можно квалифицировать только по достижении ребенком 11 лет. Несовершеннолетние моложе этого возраста, по мнению законодателя, совершают асоциальные проступки в силу задержки своего интеллектуального развития. На практике, к сожалению, случается иначе.

Обследованные нами несовершеннолетние женского пола, осужденные за различные преступления, стали причастны к негативным явлениям в среднем в возрасте 9-10 лет: уклонялись от учебы, убегали из дома, иногда и будучи вовлеченными в антиобщественную деятельность взрослыми, научились курить, некоторые успели попробовать спиртное, отдельные девочки уже разбирались (с точки зрения опрошенных) в половых вопросах. Однако до этого возраста (9-10 лет) никто не занимался такими детьми: ни родители, ни школа, ни подразделения по делам несовершеннолетних милиции, или соответствующие комиссии.

Думается, что в системе МВД должно быть создано специализированное подразделение типа «милиции нравов», в обязанности которого входила бы и

¹ См.: Шатилов С.В. Освобождение несовершеннолетних из воспитательных колоний и их социальная адаптация. - Дисс.... канд. юрид. наук. - М.: ВНИИ МВД России, - 1997. - С.95.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1797.

работа с детьми, подростками и их родителями, вообще с несовершеннолетними и их ближайшим окружением. Здесь целесообразно создать различные службы: участковая инспекция, воспитатели, педагоги и психологи, психиатрическая служба, оперативно-розыскная. Важно обеспечить действенный социальный контроль. Эта милиция работала бы в тесном контакте со школами и ПТУ, ВК, соответствующими медицинскими учреждениями и т.д. Необходим особый закон о деятельности милиции нравов. Четко должны быть обозначены функции этого подразделения, права и обязанности тех, в отношении кого проводится работа этой милицией.

Это, конечно, спорное предложение, ведь до 11 лет с «трудными» несовершеннолетними занимаются социальные службы. Но в таком случае, если не создавать специализированное подразделение в системе МВД, необходимо усилить численно и пересмотреть функциональную направленность органов опеки и попечительства.

Миронов В.Д.,
прокурор Краснозоринского района
Орловской области

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ

Mironov V.D.
the public prosecutor of Krasnozorinsk region
of the Oryol area

REALIZATION OF POWERS OF THE PUBLIC PROSECUTOR AT A STAGE OF PREPARATION TO JUDICIAL SESSION

Realization of imperious powers by the public prosecutor at a stage of preparation of business to proceeding is not the basic.

In clause it is offered, besides other innovations, impossibility of delivery by the judge of a copy of the bill of particulars.

The author characterizes powers of the public prosecutor within the limits of preliminary hearing.

Подготовка к судебному заседанию представляет собой первоначальную судебную стадию, в ходе которой судья, действующий единолично, осуществляет ряд действий, направленных на наиболее полное и эффективное судебное разбирательство по уголовному делу.

В настоящее время не подлежит сомнению, что данный этап является важной самостоятельной стадией, перед которой стоят самостоятельные и весьма значимые задачи. Эти задачи могут быть сформулированы, исходя из анализа вопросов, которые на данные стадии разрешаются.

Заметим, что действующий УПК РФ содержит принципиальное отличие от правила, содержавшегося в ныне утратившем силу УПК РСФСР. Так, в статье 222 УПК РСФСР наряду с иными вопросами, подлежащими выяснению при назначении судебного заседания, судьей разрешался вопрос о том, собраны ли доказательства, достаточные для рассмотрения уголовного дела в судебном заседании. Тем самым судья косвенно должен был разрешать вопрос о доказанности обстоятельств, которые имеют значение для уголовного дела (событие преступления, виновность обвиняемого в совершении преступления, мотивы преступления и др.). Поэтому представляется, что в настоящее время принцип состязательности, обеспечивающей разделений функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, реализуется более последовательно.

Роль прокурора на стадии подготовки к судебному заседанию переоценить трудно. Несмотря на то, что прокурор при нахождении уголовного дела в суде, не может в полной мере влиять на судебные решения, нельзя говорить о том, что он утрачивает свои полномочия полностью.

Во-первых, статья 37 УПК РФ, закрепляющая права и обязанности прокурора, в части 1 говорит о том, что «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, установленной настоящим

Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия». Таким образом, осуществление уголовного преследования, в том числе в ходе судебного разбирательства, относится к разряду *властных полномочий прокурора*. Напрямую реализовывать свои полномочия прокурор вправе путем отказа от уголовного преследования и его изменения в сторону смягчения. То, что прокурор не может изменять ранее предъявленное обвинение в сторону его смягчения, свидетельствует не об отсутствии у него властных полномочий вообще, а лишь о том, что данное полномочие отсутствует ввиду невозможности предоставить обвиняемому возможности осуществлять право на защиту от предъявленного обвинения. Такая защита от предъявленного обвинения возможна только на стадии предварительного расследования путем возражений на содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого (при производстве дознания — на содержание обвинительного акта).

Однако вернемся к стадии подготовки к судебному заседанию. На данной стадии разрешаются вопросы о том, подсудно ли уголовное дело данному суду, вручены ли копии обвинительного заключения или обвинительного акта, подлежит ли отмене или изменению избранная мера пресечения, приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, и возможной конфискации имущества, а также имеются ли основания для проведения предварительного слушания. Представляется, что прокурор может принимать самое активное участие в разрешении любого из вышеназванных вопросов.

Первоначально вопрос о подсудности уголовного дела разрешается именно прокурором, направившим уголовное дело с обвинительным заключением (или обвинительным актом) в суд. Хотя при наличии сомнений проведения предварительного слушания с участием сторон и не предусмотрено, представляется, что прокурор должен иметь возможность изложить суду свои суждения относительно того, почему то либо иное уголовное дело было направлено в конкретный суд. Хотя споры о подсудности и не допускаются, согласно имеющейся судебной практики вопрос о подсудности может стать предметом жалобы в вышестоящий суд. В этой связи представляется, что для действительно правильного разрешения вопроса о подсудности судья должен получить возможность не только направлять уголовное дело по подсудности своим постановлением, но и возвращать уголовное дело прокурору для того, чтобы именно он, учитывая доводы судьи, принял решение о направлении уголовного дела в тот суд, которому оно действительно подсудно в соответствии с правилами УПК РФ.

Вопросом, вручены ли копии обвинительного заключения или обвинительного акта, также рассматривается судьей после поступления к нему уголовного дела. Этот вопрос относится к разряду весьма важных, так как в соответствии с частью 2 ст. 265 УПК РФ судебное разбирательство уголовного дела не может быть начато ранее 7 суток со дня вручения обвиняемому копии обвинительного заключения или обвинительного акта, постановления об изменении обвинения. Кроме того, следует принимать во внимание, что согласно части 2 ст. 222 УПК РФ копия обвинительного заключения с приложениями заключения вручается обвиняемому именно прокурором.

При этом возложение данной обязанности на прокурора — не просто обременение. Именно прокурор как представитель стороны обвинения актом

вручения обвинительного заключения демонстрирует обвиняемому предмет и пределы уголовного преследования.

Теоретически судья, обнаружив на стадии подготовки к судебному заседанию, что обвинительное заключение обвиняемому не вручено, мог бы, во-первых, сделать это сам, и, во-вторых, назначить судебное заседание таким образом, чтобы соблюдался 7-суточный срок, необходимый для ознакомления лица с содержанием данного документа.

Вместе с тем данный путь нам представляется ошибочным, так как это нарушит правило о том, что обвинительное заключение или обвинительный акт обязан вручать именно прокурор. Судья, разрешая вопрос о том, вручены ли копия обвинительного заключения или обвинительного акта, должен не обращать внимание на временной фактор и добиваться того, чтобы это сделал именно прокурор. Таким образом, полномочие по вручению этого процессуального документа остается именно за прокурором независимо от того, что уголовное дело уже находится в суде.

В результате рассмотрения вопросов, связанных с ранее избранной мерой пресечения, судья вправе изменить ее в сторону как смягчения, так и ужесточения, но лишь при наличии соответствующих оснований. Поэтому прокурор в случае несогласия с решением судьи вправе обратиться с представлением в вышестоящий суд. Также следует иметь в виду, что решение о заключении обвиняемого под стражу или о продлении срока содержания под стражей, принятое на стадии предварительного расследования, сможет сохранять свою силу после окончания предварительного расследования и направления уголовного дела в суд только в течение срока, на который данная мера пресечения была установлена¹. Поэтому прокурор, выступающий в качестве государственного обвинителя, должен заранее, еще до поступления уголовного дела в суд, отслеживать минимальный срок, в течение которого мера пресечения будет распространяться на судебные стадии производства по уголовному делу.

При рассмотрении судьей вопросов, связанных с рассмотрением и разрешением ходатайств и жалоб, а также принятию мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, и возможной конфискации имущества, прокурор вправе обращаться с любыми ходатайствами, а также при несогласии с принятым судьей решением обжаловать его в вышестоящий суд. Не вполне ясно, на какие именно действия судьи могут подаваться жалобы, так как единственным должностным лицом, которое вправе принимать решения на стадии подготовки к судебному заседанию, является именно этот судья, а по общему правилу жалобы подаются вышестоящему должностному лицу (в данном случае — в вышестоящий суд). Представляется, что в случае, указанном в п. 4 ст. 228 УПК РФ, имеются в виду жалобы на действия должностных лиц досудебного производства, если на стадиях возбуждения уголовного дела заинтересованные лица обращались с ходатайствами, которые были отклонены или не вообще остались без рассмотрения.

Особым образом полномочия прокурора реализуются в рамках предварительного слушания, проводимого в порядке гл. 34 УПК РФ.

Прокурор вправе выступать в качестве представителя стороны, которая

¹ См.: Пункт 3.2 постановления Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. — 2005. - № 14. — Ст. 1271.

является инициатором предварительного слушания по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 229 УПК РФ. Вместе с тем заметим, что не все данные основания в деятельности прокурора применимы в полной мере. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 229 УПК РФ указано, что в числе прочих случаев предварительное слушание проводится при наличии ходатайства стороны об исключении доказательств. Однако в части 3 этой же статьи указано, что ходатайство «может быть заявлено стороной после ознакомления с материалами уголовного дела либо после направления уголовного дела с обвинительным заключением или обвинительным актом в суд», а такое ознакомление осуществляют лица, вовлеченные в производство по уголовному делу на стороне защиты (обвиняемый, его защитник, гражданский ответчик и его представитель) или на стороне обвинения (потерпевший, его представитель, гражданский истец и его представитель), но никак не должностные лица уголовного судопроизводства, в частности, прокурор. Поэтому данное положение как основание проведения предварительного слушания, применимое по инициативе прокурора, следует исключить.

Также прокурор реально не может настаивать и на таком основании проведения предварительного слушания, как решение опроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Следователь в соответствии с пунктом 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ обязан разъяснить обвиняемому об имеющемся к нему праве на рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей в тех случаях, когда оно относится к такому составу суда в соответствии с правилами о подсудности. Однако при поступлении от лица соответствующего ходатайства предварительное слушание назначается независимо от мнения сторон, поскольку сам факт такого ходатайства служит основанием для его назначения. Поэтому роль прокурора состоит в осуществлении надзора за тем, чтобы следователь при предъявлении лицу обвинения в совершении хотя бы одного из преступлений, указанных в пункте 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, разъяснил ему об имеющемся праве на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Таким образом, прокурор, действуя на стадии подготовки к судебному заседанию, реально может заявить судье ходатайство о проведении предварительного слушания при наличии основания для возвращения уголовного дела прокурору (п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ), а также при наличии основания для приостановления или прекращения уголовного дела (п. 3 ч. 2 ст. 229 УПК РФ).

Вместе с тем прокурор вправе реализовывать все имеющиеся у него возможности в ходе предварительного слушания независимо от того, по какому основанию оно было назначено.

Репина Н.В.

**ПРОБЕЛЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ
НАКАЗАНИЯ ЗА ПРИОБРЕТЕНИЕ ИЛИ СБЫТ ИМУЩЕСТВА,
ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ**

Repina N.V.

**BLANKS IN THE CRIMINAL LAW AT AN ESTABLISHMENT
OF PUNISHMENT FOR PURCHASE OR SELLING OF PROPERTY
OBVIOUSLY EXTRACTED BY THE CRIMINAL A WAY**

The sizes and the kinds of punishment stipulated by the criminal law, are subject to changes. The given variability is analyzed since times of the Russian truth.

The author's position consists that punishment for criminal purchase or selling of the property obviously extracted criminal by, should be such that there was an opportunity it really to execute.

Совершенствование системы наказаний и практики их применения с учетом социальных изменений, происходящих в общественном развитии, является одной из наиболее актуальных проблем. Вопрос об эффективности уголовного права в значительной мере сводится к вопросу эффективности уголовного наказания и зависит от правильного определения его целей.

Выполнению указанных задач общего и специального предупреждения служат санкции соответствующих уголовно-правовых норм. Санкция каждой статьи Особенной части УК РФ должна содержать такие виды и размеры наказания, которые были бы достаточно эффективны в борьбе с деяниями, признаваемыми законодателем преступными и наказуемыми. Таким образом, эффективность предупредительного воздействия наказания связана с целесообразностью и обоснованностью санкций уголовного закона, а с другой стороны, с практикой их применения¹.

Изучив практику назначения наказания за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, можно прийти к выводу, что размеры и виды наказания, предусмотренные уголовным законом, подвержены изменениям. Сравнительный анализ санкций ст. 175 УК РФ с санкциями ст. 208 УК РСФСР показывает, что ответственность за заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, ужесточена. Интересным в этой связи представляется исследование практики назначения наказания за совершение исследуемого преступления за весь период существования данной нормы в уголовном законе.

Так, в «Русской правде» за совершение исследуемого преступления максимальное наказание предусматривалось в виде обязанности возместить ущерб владельцу имущества и иным лицам, пострадавшим от действий сбытчика краденого. Наряду с этим налагался штраф в пользу князя². Размер штрафа (продажи) дифференцировался в зависимости от тяжести преступления. Продажа поступала в казну, потерпевший

¹ Кондрашков Н. Меры наказания в законе и на практике // Социалистическая законность. 1968. № 2. С. 24—25; Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М., 1971. С. 216.

² Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период. М., 1990. С. 12—25.

получал урок — денежное возмещение за причиненный ему ущерб. В Судебнике 1497 года в таких случаях в пользу владельца имущества взыскивались убытки и виновному назначалась тюрьма.

В Уложении 1903 года за совершение рассматриваемого преступления устанавливались такие меры наказания, как заключение в тюрьму, а также лишение права заниматься определенным промыслом для специальных субъектов. Следует обратить внимание на то, что при существовании исследуемой нормы в названных источниках размер санкций или их рамки не были определены непосредственно в законе. Таким образом, наказание за совершение анализируемого преступления представлялось в виде рекомендаций и носило формальный характер.

По УК РСФСР 1922 года совершение рассматриваемого деяния каралось принудительными работами и лишением свободы на срок до одного года. За совершение анализируемого преступления в виде промысла и с целью сбыта предусматривалось лишение свободы на срок не ниже одного года с конфискацией имущества. Следует сделать вывод, что наказание, установленное в УК РСФСР, значительно мягче, нежели то, которое существовало в предыдущих источниках уголовного права. По нашему мнению, смягчение наказания за совершение исследуемого деяния было подчинено общей тенденции смягчения наказания, по сравнению с существовавшими мерами уголовного наказания, что было продиктовано как изменениями политического строя, так и повышением правовой культуры в обществе. Нельзя также игнорировать и то обстоятельство, что приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, как вид преступной деятельности, с течением времени изменялся, адаптируясь к меняющимся товарно-денежным отношениям.

В последующем действовал УК РСФСР 1960 года, в котором санкции за совершение рассматриваемого преступления были установлены следующим образом. По ч. 1 ст. 208 УК РСФСР устанавливалось наказание за совершение заранее не обещанного приобретения имущества, заведомо добытого преступным путем, и применялись такие виды наказания, как исправительные работы на срок до шести месяцев или штраф до двух минимальных месячных размеров оплаты труда, или общественное порицание либо применение мер общественного воздействия.

Следует обратить внимание на перечень видов наказаний, которые могли применяться к виновному лицу за совершение простого вида рассматриваемого преступления. Во-первых, из санкции статьи был исключен такой вид наказания, как лишение свободы, что свидетельствует о небольшой общественной опасности, которая, по мнению законодателя того времени, была характерна для исследуемого преступления. Во-вторых, введение большего числа различных видов наказания свидетельствовало о переосмыслении законодателем роли принципов дифференциации и индивидуализации наказания. Существенное расширение иных мер уголовно-правового воздействия, не связанных с лишением свободы, позволило санкциям ч. 1 ст. 208 УК РСФСР из относительно определенной перейти в альтернативную.

По ч. 2 ст. 208 УК РСФСР за совершение рассматриваемого преступления в крупном размере устанавливалось наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет со штрафом либо исправительных работ. Максимальное наказание за совершение исследуемого преступления при наличии квалифицирующих признаков колебалось от двух лет лишения свободы (УК РСФСР) до семи лет (УК УССР).

По ч. 3 ст. 208 УК РСФСР устанавливалась уголовная ответственность за совершение заранее не обещанного сбыта или хранения с целью сбыта, а равно

приобретение с целью сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем. За совершение данных действий законодатель предусматривал наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет со штрафом до пяти минимальных месячных размеров оплаты труда или исправительные работы на срок до двух лет, с конфискацией имущества или без таковой.

В ч. 4 ст. 208 УК РСФСР была установлена ответственность лица, совершившего деяния, предусмотренные частью третьей, в виде промысла или в крупных размерах. Наказание за данный вид преступного сбыта имущества устанавливался в виде лишения свободы на срок до семи лет с конфискацией имущества или без таковой. Как показывает анализ санкций, максимальное наказание за совершение данного преступного деяния колебалось в пределах от четырех лет лишения свободы (УК Азербайджанской и Туркменский ССР) до восьми лет лишения свободы (УК Узбекской ССР).

Основной отличительной особенностью ст. 208 УК РСФСР от ст. 175 УК РФ является то, что законодатель в УК 1960 г. отдельно регламентировал деяния по приобретению и сбыту, помещая их в разные части ст. 208. Проводить параллель между ст. 208 УК РСФСР и ст. 175 УК РФ нельзя, так как, установив ответственность за совершение приобретения или сбыта в одной части исследуемой статьи, законодатель изменил понятия простого и квалифицированного составов данного преступления. Также нельзя не отметить отсутствие в ст. 175 УК РФ ответственности за совершение хранения с целью сбыта. Вместе с тем наказание, определенное по УК РСФСР, устанавливалось исходя из того, что данный признак присутствовал в ч. 3 ст. 208 УК РФ, и рассматривал совершение этого деяния как квалифицирующее обстоятельство, что в свою очередь отражалось на характере назначаемого наказания.

Современный уголовный закон в ч. 1 ст. 175 УК РФ устанавливает ответственность за совершение заранее не обещанных приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем. К виновному лицу за совершение данного деяния могут быть применены такие виды наказания, как штраф, обязательные работы, исправительные работы и лишение свободы. По существу виновному может быть назначено одно из пяти перечисленных в уголовном законе наказаний: штраф в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев; обязательные работы на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов; исправительные работы на срок от одного года до двух лет; лишение свободы на срок до двух лет.

Рассмотрим более подробно те виды наказаний, которые предусматриваются законодателем за совершение лицом заранее не обещанного приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ч. 1 ст. 175 УК РФ). Прежде всего — это штраф. Штраф является наиболее мягким видом наказания и в системе наказаний стоит на первом месте. Его применение целесообразно тогда, когда исправление осужденного возможно без применения мер наказания, связанных с лишением или ограничением свободы. По мнению А.П. Кузнецова, именно штрафу, в условиях рыночных отношений, должно быть уделено особое внимание¹. Наказание в виде штрафа должно быть таким, чтобы была возможность его реально исполнить. Иначе уголовное наказание в виде штрафа лишится своего значения. Санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 175 УК РФ предусматривают применение штрафа в виде, как основного, так и дополнительного наказания.

¹ См.: Кузнецов А.П. Проблемы назначения и исполнения наказаний по преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности // Юрист. 2000. №2. С. 9—16.

Справедливо суждение И.М. Цокуевой о том, что «наказание в виде штрафа можно применять гораздо активнее»¹. По состоянию статистики можно сделать вывод о том, что наказание в виде штрафа за совершение приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, назначается судами нечасто. Вместе с тем, по нашему мнению, судами не оценена надлежащим образом роль штрафа и его влияние на исправление осужденного.

Вторым видом наказания, назначаемого за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 175 УК РФ — являются обязательные работы. Они являются новым видом наказания, ранее не известным уголовному законодательству России. Как вид наказания они заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Обязательные работы — это основной вид наказания, который исполняется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осужденных на объектах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями.

Следующим видом наказания, назначаемого за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 175 УК РФ — являются исправительные работы. Они относятся к основным видам наказания. Исправительные работы ограничивают трудовые и имущественные права. Согласно ч. 1 ст. 50 УК РФ исправительные работы назначаются осужденному, не имеющему основного места работы, и отбываются в местах, определяемых органом местного самоуправления по согласованию с органом, исполняющим наказание в виде исправительных работ, но в районе места жительства осужденного.

По ч. 1 ст. 175 УК РФ срок исправительных работ установлен от одного года до двух лет. В соответствии с ч. 2 ст. 50 УК РФ исправительные работы назначаются на срок от двух месяцев до двух лет. Таким образом, в санкции статьи предусмотрен максимальный срок, на который исправительные работы могут назначаться.

Считаем, что срок данного вида наказания следует сократить. За совершение большинства преступлений небольшой степени тяжести, к которым относится ч. 1 ст. 175 УК РФ, законодатель при введении в санкцию статей исправительных работ предусмотрел сроки — от шести месяцев до одного года (ч. 1 ст. 158; ч. 1 ст. 159; ч. 1 ст. 160; ч. 1 ст. 165 и т.д.). Для унификации требований уголовного закона, а также для последовательной дифференциации уголовной ответственности необходимо предусмотреть в ч. 1 ст. 175 УК РФ наказание в виде исправительных работ на срок от шести месяцев до года. Кроме того, в санкцию ч. 1 ст. 175 УК РФ целесообразно ввести еще один вид основного наказания. Необходимо также, что оно состояло в лишении или ограничении свободы. Наличие в санкции единственно возможного вида наказания — лишение свободы, приводит к нарушению принципа справедливости назначаемого наказания.

Суды назначают преимущественно этот вид наказания, так как в большинстве своем лица, совершающие рассматриваемое преступление не работают, и потому к ним не может быть применено наказание в виде штрафа. Обязательные работы и исправительные работы как виды наказания не исполняются в связи, с чем суды применяют лишение свободы. Но при этом цели наказания, как исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений не достигаются, поскольку примененное наказание не отвечает принципу индивидуализации уголовной ответственности. Считаем, целесообразным ввести в санкцию ч. 1 ст. 175

¹ Цокуева И.М. К вопросу о назначении штрафа как вида уголовного наказания // Законодательство. № 3. 2006. С.16.

УК РФ наказание в виде ареста насрок до двух лет.

Заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а также в отношении нефти и продуктов ее переработки,автомобиля или иного имущества в крупном размере (ч. 2 ст. 175 УК РФ) влечет применение наказания в виде ограничения свободы на срок до трех лет, либо ареста на срок от четырех до шести месяцев, либо лишения свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев. Квалифицированный вид преступления, регламентированный в ч. 2 ст. 175 УК РФ, более общественно опасен, а, следовательно, назначаемая мера наказания установлена более высокая.

Ограничение свободы является новым видом наказания, который отсутствовал в системе наказаний УК РСФСР, хотя он предусматривал возможность применения имеющего сходство с ограничением свободы условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду. Ограничение свободы относится к виду наказаний лишаящих или ограничивающих свободу.

В УК РФ 1996 г. арест в системе наказаний выделен в качестве самостоятельного вида наказания. Согласно ст. 54 УК РФ арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев. В случае назначения ареста взамен обязательных работ или исправительных работ он может быть назначен на срок менее одного месяца. Отбывают наказание осужденные к аресту в арестных домах по месту осуждения.

Следующий вид наказания, который необходимо исследовать, – это лишение свободы. Такой вид наказания, как лишение свободы предусматривается в качестве наказания в каждой части исследуемой статьи. Автор согласна с мнением Б.М. Леонтьева: «Лишение свободы было и остается основным видом наказания в России»¹. При лишении свободы имеет место существенное ограничение правового положения осужденного по сравнению с другими членами общества, которое выражается не только в лишении его свободы передвижения, но и в применении к нему других правоограничений, например, в определении рода трудовой деятельности, регламентации его времени работы и отдыха, участии в выборах в государственные органы власти и пр.

Со времени введения УК РФ по ч. 2 ст. 175 УК РФ судназначает только один вид наказания – лишение свободы. Это, по нашему мнению, ведет к нарушению принципов дифференциации и индивидуализации наказания. Представляется не совсем верным и наличие санкций ч. 2 исследуемой статьи части только тех видов наказания, которые связаны с ограничением права на свободу. Нельзя не согласиться с позицией Пленума Верховного Суда РФ, о том, что суды иногда безосновательно применяют лишение свободы к лицам, исправление и перевоспитание которых возможно без изоляции от общества². В настоящее время нельзя не учитывать необходимость более широкого применения мер, не связанных с изоляцией человека от общества. В связи с этим более правильным было бы введение в число видов наказаний, установленных за совершение преступления,предусмотренного ч. 2 ст. 175 УК РФ, таких видов наказаний, как штраф и исправительные работы.

¹ Курс уголовного права. Том 2. Общая часть. Учение о наказании / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 127.

² См.: Постановление Пленума ВС СССР от 29 июня 1979 г. № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказания». Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ по уголовным делам. М., 2003. С. 30.

Размер указанных наказаний можно предложить в виде штрафа до 200 тыс. рублей или исправительные работы – на срок от одного года до двух лет.

Ответственность за заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а также в отношении нефти и продуктов ее переработки, автомобиля или иного имущества в крупном размере, совершенные организованной группой или лицом с использованием своего служебного положения, квалифицируются по ч. 3 ст. 175 УК РФ. Законодателем установлена ответственность за совершение квалифицированного и особо квалифицированного состава анализируемого преступления и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев.

Прав В.П. Верин, утверждающий, что усиление ответственности принесет возможность сокращения этого вида преступлений и как результат – профилактику других корыстных преступлений¹.

По нашему мнению, предусмотренное законом наказание за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 175 УК, при наличии особо отягчающих ответственность обстоятельств, целесообразно изменить, а именно, ужесточить наказание, предусмотрев лишение свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового. Такой размер санкции – максимально увеличенный, по нашему мнению, более соответствует преступлению высокой общественной опасности.

В. А. Новиков полагает, что «условное осуждение следует понимать, как освобождение лица от отбывания уголовного наказания, так как карательная составляющая в нем отсутствует, а воспитательное воздействие этой меры на осужденного – минимально»², и мы с ним полностью солидарны. Беспрецедентно высокий рост условного осуждения, в действительности, противоречит принципу индивидуализации наказания.

Вместе с тем анализ рассмотренных здесь аспектов применения наказания за преступное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, позволяет сделать общий вывод о том, что в целом судебная практика по изученной категории дел складывалась в соответствии с действующим уголовным законодательством; суды правильно реагировали на происходящие изменения в обществе, учитывая достаточно высокую степень общественной опасности рассматриваемых преступлений и личности преступника.

¹ См.: Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под. Ред. В.М. Лебедева (автор главы В.П. Верин) М., 2005. С. 439.

² Новиков В.А. Условное осуждение. Современные тенденции и пути совершенствования закона // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 25.

РАЗДЕЛ IV. Трибуна молодого учёного

Делягин И.В.
кандидат юридических наук;
Веселова Е.В.

ПОНЯТИЕ ОРУЖИЯ, ИМЕЮЩЕГО КУЛЬТУРНУЮ ЦЕННОСТЬ

Delyagin I. V.
candidate of jurisprudence sciences
Veselova E. V.

CONCEPT OF THE WEAPON HAVING CULTURAL VALUE

In the Russian right are not solved questions of normative definition of the weapon having a cultural value, a mode of its turn and protection.

The developed situation quite often leads damage of unique samples of the weapon. In work authors offer more detailed characteristic of legal definition of a category «weapon».

В своей жизнедеятельности люди используют самые разнообразные вещи, способные удовлетворить те или иные потребности человека и выступающие в качестве объектов общественных отношений. Одним из таких предметов является оружие.

В истории человечества оружие всегда занимало свое особое место, развивалось и совершенствовалось вместе с человеком, постоянно оставаясь его неизменным спутником. Развитие цивилизации немыслимо без оружия, которое сопутствует человечеству на протяжении всей его истории, ему принадлежит значительная роль в эволюционном развитии людей. По данным науки оно появилось уже на ранней стадии развития человечества как средство охоты и защиты, было первым средством выживания и добычи пропитания¹. «Труд начинается с изготовления орудий, - писал еще Ф.Энгельс — а, что представляет собой наиболее древние орудия...эти орудия представляют собой орудия охоты и рыболовства: первые являются одновременно и оружием»².

Помимо своего прямого назначения оружие являлось и является предметом декоративно-прикладного искусства. Так, первые попытки художественного оформления оружия ученые относят уже к неолиту, в дальнейшем манера украшения оружия, сюжеты, мотивы орнамента, а порой, и сама его форма определялись стилем,

¹ Николаев К. А., Чуев Ю. В. Оружие // БСЭ. — 3-е изд. М., 1974. — Т. 16. — С. 393-395.

² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С. 491-492.

который господствовал в определенный исторический период в искусстве той или иной страны¹.

Как справедливо отмечает Е.Д. Шелковникова: «Оружие является источником для изучения самых разнообразных сторон истории человеческого общества. Каждый образец оружия — это памятник, запечатлевший уровень развития науки и техники, искусства и ремесел, характерный для конкретного исторического периода и региона, где он был изготовлен. Мастера оружейного дела всегда шли не просто в ногу с развитием технологических процессов своего времени, а задавали темп этому движению, способствовали его ускорению и, в конечном счете, прогрессу общества в целом. Многие из того, что было создано в целях совершенствования вооружений, впоследствии становилось достоянием других смежных отраслей знаний и широко использовалось в различных сферах человеческой деятельности»².

Таким образом, сегодня уже не вызывает сомнений, то, что оружие, может рассматриваться в качестве предметов, представляющих собой особый памятник материальной культуры.

Вместе с тем до настоящего времени в российском праве не решены вопросы нормативного определения оружия, имеющего культурную ценность, режима его оборота и охраны, хотя на практике проблемы, связанные с отсутствием такой регламентации возникли уже достаточно давно. Юристы, специалисты в области оружейведения уже неоднократно обращали внимание на данный пробел в отечественном законодательстве, которое по существу оставило вне поля своего регулирования весьма важный пласт культурного наследия страны³.

При этом фактически оборот такого оружия осуществляется уже достаточно давно не только в музейных коллекциях, но и среди частных собирателей без необходимого контроля со стороны государства. Сложившаяся ситуация нередко приводит к порчи уникальных образцов оружия, хищению, незаконному вывозу их за пределы страны, некоторые раритеты безвозвратно утрачиваются, а наша страна лишается своего культурного наследия.

Поскольку, по понятным причинам, в данной статье невозможно рассмотреть весь комплекс вопросов, связанных с правовым регулированием оборота оружия, имеющего культурную ценность, остановимся подробно на проблеме юридического определения данного понятия.

В юридической литературе неоднократно подчеркивалась роль в праве юридических терминов, правовых понятий и их определений⁴. Именно эти средства юридической техники в значительной степени обеспечивают устойчивость и определенность правового регулирования, совершенство законодательства.

Следует отметить, что сам термин «оружие, имеющее культурную ценность» впервые был нормативно закреплён лишь в 1998 году в Постановлении Правительства РФ «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации». Что касается Федерального закона «Об оружии», то в данном акте исследуемое понятие не только не определено, но и не упоминается вовсе.

¹ Ручкин В.А. Оружие и следы его применения (частная криминалистическая теория)//Черные дыры в Российском Законодательстве. -2002.-№ 3. С. 44.

² Шелковникова Е. Д. Оружие как составная часть культурного наследия государства и проблемы его правового статуса//Закон и право. - 2004. - № 2. - С. 50-51.

³ См. стенограмму пленарного заседания Государственной Думы РФ от 1 ноября 2002 года.

⁴ Законодательная техника/Под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. С. 78-102; Керимов Д. А. Законодательная техника. С. 62-69; Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. С. 46-47, 90-96; Он же. Законодательная технология. Иркутск, 2001. С. 39-44.

Как известно, с помощью определений предметы выделяются по их специфическим характеристикам (свойствам и отношениям). При этом определение или дефиниция (*definitio*) представляет собой краткое и исчерпывающее разъяснение отличительных признаков той вещи, которую мы хотим определить¹. Следовательно, любая дефиниция, в том числе и правовая, должна быть, с одной стороны, емкой по содержанию, отражающей все важные и сущностные свойства определяемого явления, а с другой стороны - краткой.

Таким образом, определение понятия «оружие, имеющее культурную ценность» должно отражать сущность предметов данной категории, которые с одной стороны обладают признаками оружия, а с другой — признаками культурных ценностей.

В статье 1 Федерального закона «Об оружии» под оружием понимаются «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов». Что касается культурных ценностей, то в различных правовых актах Российской Федерации их определение дается в различных формулировках.

Так в ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре от 1992 г. культурными ценностями признаются «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты»². Нельзя не заметить, что данное определение имеет весьма общий характер и не раскрывает непосредственно содержания соответствующего понятия.

Кроме Основ законодательства Российской Федерации о культуре попытка раскрыть понятие «культурные ценности» предпринята и в других нормативных актах.

В Федеральном законе «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»³ под культурными ценностями понимаются «предметы религиозного или светского характера, имеющие значение для истории и культуры и относящиеся к категориям, определенным в статье 7 Закона Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (ст. 3)⁴. В свою очередь последний не раскрывает содержание этого понятия, а указывает те из них, которые подпадают под контрольно-разрешительные режимы данного Закона.

Согласно ст. 6 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» культурные ценности включают в себя следующие объекты: культурные ценности, созданные отдельными лицами или группами лиц, которые являются гражданами Российской Федерации; культурные ценности, имеющие важное значение для Российской Федерации и созданные на территории Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства, проживающими на территории Российской Федерации; культурные ценности, обнаруженные на территории

¹ См. об этом: Философский словарь/ Под ред. И.Т. Фролова. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1987. С. 342.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 20. Ст. 718.

³ Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». - СЗ РФ. 27.05.1996. № 22, Ст. 2591.

⁴ Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Российская газета. 15 мая 1993.

Российской Федерации; культурные ценности, приобретенные археологическими, этнологическими и естественно-научными экспедициями с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности; культурные ценности, приобретенные в результате добровольных обменов; культурные ценности, полученные в качестве дара или законно приобретенные с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности. Далее, в ст. 7 Закона содержится весьма объемный перечень категорий предметов, подпадающих под его действие.

Следует отметить, что статья 21 данного акта хоть и называется «Виды оружия, являющиеся культурными ценностями», однако в ней не дается определения данной категории оружия, а говорится лишь, что «порядок предоставления права вывоза и ввоза различных видов оружия, имеющих историческую, художественную, научную или иную культурную ценность, регулируется настоящим Законом и иными соответствующими законодательными актами Российской Федерации».

И здесь нельзя не согласиться с В.Г. Беспалько, что ни одно из этих нормативных определений «не соответствует требованиям, предъявляемым в любой отрасли научного знания к дефиниции как краткому определению какого-либо понятия»¹. Очевидно, что все они по своей сути казуистичны и не содержат четких и исчерпывающих признаков, которые можно было бы распространить на оружие и использовать для определения, исследуемого понятия.

Попытка сформулировать искомое понятие была предпринята в проекте Федерального закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оружии», принятом в первом чтении ГД ФС РФ 01.11.2002. Так, проект к оружию, имеющему культурную ценность, относит «оружие, обладающее по своим параметрам и характеристикам научной, исторической или художественной ценностью, предназначенное для исследования, хранения, коллекционирования, экспонирования, использования и иной реализации юридическими лицами своих уставных задач и удовлетворения гражданами своих культурных потребностей, а также оружие, включенное в состав Музейного фонда Российской Федерации...»².

На наш взгляд данное определение также не совсем удачно, поскольку, во-первых, не совсем понятно какие именно параметры и характеристики имеет ввиду законодатель, а во-вторых, критерий предназначенности для «исследования, хранения, коллекционирования, экспонирования, использования и иной реализации...» не может рассматриваться в качестве отличительного признака культурной ценности и поэтому излишен в дефиниции.

Обратившись к юридической науке, заметим, что здесь также отсутствует единый подход к определению культурных ценностей.

Так, А.П. Сергеев, внесший значительный вклад в разработку теоретических основ правового регулирования культурных ценностей пишет, что «культурными ценностями являются особо охраняемые правом уникальные вещественные результаты человеческой деятельности, которые, будучи продуктом всеобщего труда, имеют важное историческое, научное, художественное или иное культурное значение для общества, то есть служат связующим звеном между различными поколениями людей, носят конкретно-исторический характер и выступают как фактор формирования необходимого обществу типа личности»³.

¹ Беспалько В.Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений // Журнал российского права - 2005. - №3.

² См. Ст. 5.1. Проекта № 162784-3 Федерального закона РФ О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оружии».

³ Сергеев А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. Л., 1990. С. 32.

В.Г. Горбачев, В.Г. Растопчин и В.Н. Тищенко считают, что культурные ценности это «особый вид ценностей, способный в той или иной мере удовлетворять духовные и эстетические потребности человека и одновременно содержащий в себе художественную, либо научную, мемориальную или иную культурную ценность»¹.

Болгарский ученый Е. Александров предложил считать культурными ценностями «любые произведения, являющиеся результатом творческого самовыражения человека в прошлом или настоящем (в художественной, научной, культурной, образовательной областях), которые имеют значение для объяснения существовавшей в прошлом и для развития современной и текущей культуры, представляют собой культурные ценности».

Проанализировав указанные дефиниции, а также определения, сформулированные другими авторами², попытаемся выделить признаки, характерные для культурных ценностей, которые можно было бы отнести и к оружию, исследуемой категории.

Основными из таких признаков, на наш взгляд, являться следующие:

- 1) Важная или особая значимость предмета для общества;
- 2). Редкость или уникальность (в том, числе в техническом отношении);
- 3) несерийность устройства или предмета;
- 4) возраст оружия;
- 5) связанность с исторической эпохой, историческими событиями или с историческими, выдающимися личностями;
- 6) художественная ценность;

При этом для того, чтобы оружие считалось культурной ценностью, у нее не обязательно должны быть в наличии все данные признаки. Важно их взаимное пересечение и сочетание. Однако мы считаем, что обязательно должна присутствовать совокупность таких качеств, как значимость для общества, уникальность, редкость.

Указанные признаки могут быть использованы как для определения общего понятия «оружие, имеющее культурную ценность», так и при классификации данного оружия на виды и категории.

Учитывая изложенное, на наш взгляд, **под оружием, имеющим культурную ценность** следует понимать **уникальные, редкие образцы оружия, имеющие важное научное, историческое, мемориальное или художественное значение для общества.**

По мнению авторов, данное определение наиболее полно и в то же время достаточно лаконично раскрывает правовую сущность рассматриваемых объектов, в связи, с чем представляется целесообразным закрепить его в Федеральном законе «Об оружии».

¹ Горбачев В.Г., Растопчин В.Г., Тищенко В.Н. Культурные ценности. М., 1994. С. 3.

² См., например: Медведев Е.В. Культурные ценности как предмет уголовно-правовой охраны. – М.: ИГ «Юрист», 2004; Шпаковская Л. Антикварный рынок Санкт-Петербурга: конструирование ценности вещей // Проблемы социального и гуманитарного знания / Сборник научных статей. – СПб, Дмитрий Булавин: 2000, - II, - С. 449-478.

Чураков М.С.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ И ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАСЧЕТНО-ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Churakov M.S.

TO A QUESTION ABOUT CONDITION AND LEGAL PROBLEMS OF PERFECTION OF SETTLEMENT AND PAYMENT SYSTEMS OF RUSSIA

In Russia questions of adjustment of settlement-payment system are complex.

In clause the author investigates a problem of a turn «non-money».

The variant of optimization of system of calculations by application of non-cash operations is offered.

Касаясь данной проблемы нельзя забывать о том, что в целом эффективность функционирования, состояние системы безналичных расчетов зависит от конкретного историко-экономического этапа развития страны, экономической ситуации, состояния денежного рынка и ряда других факторов.

Говоря о проблемах, возникших в процессе реформирования экономики России в конце прошлого века, не будет ошибочным утверждение о том, что одними из наиболее сложных стали вопросы налаживания расчетно-платежной системы и преодоления глубочайшего кризиса неплатежей, быстрый рост которых породил в тот период огромные проблемы, как для каждого предприятия в отдельности, так и для экономики в целом.

При хроническом кризисе платежеспособности многие контрагенты вынуждены переходить к не самым совершенным и эффективным формам расчетов, то есть к так называемой предварительной оплате товаров и услуг, с применением платежных поручений и к платежам наличными денежными средствами, как в отечественной, так и в иностранной валюте. Однако даже это не может гарантировать завершение расчетов, а значит предотвратить образование просроченных долгов. Нередко возникает ситуация, когда оплаченные покупателем товары или услуги поставляются с нарушением сроков либо вообще не поставляются. При этом в последнее время наблюдается процесс снижения неплатежеспособности отечественных предприятий¹. В данных условиях совершенствование безналичных расчетов и способов платежей будет являться одной из главных задач экономики России, что и обуславливает актуальность данной темы.

Наблюдая активное использование денежных суррогатов² на территории

¹ См. напр.: аналитическое обозрение интернет сайта Банка России. www.cbr.ru. // http://www.cbr.ru/regions/vl-r/2002_an1.doc. - 2007.

² Денежные суррогаты - денежные знаки, не предусмотренные законодательством и вводимые отдельными лицами самовольно. Причина их появления в основном - нехватка официальных денежных знаков. Напр., в 1993-1994 гг. в РФ отмечено введение суррогатов некоторыми предприятиями ввиду их неплатежеспособности, с одной стороны, и необходимостью рассчитываться с работниками предприятий - с другой. (См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорьки-

России, нельзя не сказать о том, что данный факт является одним из свидетельств кризиса организации всей системы безналичных расчетов. При этом в мировой практике обычно различают деньги и квазиденьги, а вышеупомянутое понятие не используется. Квазиденьги - это депозиты банковской системы, включающие в себя срочные депозиты в валюте РФ и все депозиты в иностранной валюте, которые непосредственно не используются как средство платежа и менее ликвидны, чем «деньги»¹.

Но в отличие от квазиденег денежные суррогаты не выступают финансовым инструментом в традиционном смысле, важнейшей их особенностью является нерыночный характер обращения. Вместо того чтобы оплачивать свои и другие обязательства всем кредиторам, эмитент определяет, у кого, сколько и по какой цене он возьмет их в оплату за свою продукцию и в погашение задолженности. Общим для тех и других будет являться выполнение функции средства платежа, но суррогаты не служат средством сбережения и не определяют пропорции обмена товаров, отрицательные последствия их эмиссии выражаются в сложности при выплате налогов, заработной платы и других обязательных денежных платежей. При этом в отечественной экономической литературе не рассматривается роль денежных суррогатов в современной экономике, авторы останавливаются лишь на вопросах их отдельных составляющих или их влияния на некоторые экономические процессы, хотя данная проблема требует отдельного и детального рассмотрения.

Другим негативным фактором в платежно-расчетном механизме между предприятиями являются бартерные сделки. Бартер - это прямой безденежный обмен товарами или услугами², осуществление чего дает возможность предприятиям осуществить процесс реализации продукции, преодолеть паралич расчетных отношений. Необходимо отметить, что лишь частичное вовлечение предприятия в бартерную цепочку порождает, как правило, обратную связь: получение за отгруженную продукцию других товаров вместо денег заставляет предприятие искать способ реализации, обычно бартерный, что приводит к дальнейшему расширению цепочки, вовлечению все новых и новых участников.

Именно этим процессом охвачена обрабатывающая промышленность России. Доля бартера в общем объеме реализации в 2005 году составляла от 46 до 54 % против 12-20 % в 2004 году. После кризиса августа 1998 года объем денежной массы в России вообще стал возрастать и масштабы бартера снизились. Векселя обслуживают 10-15 % реализации, столько же приходится на платежи наличными, а также иностранной валютой. В среднем доля расчетов наличными деньгами между торговыми предприятиями в марте 2005 года составила 32 % и осталась на уровне августа 2004 года³.

Как свидетельствует статистика, основной причиной осуществления наличных расчетов многие предприниматели считают их высокую скорость (оперативность). Такая причина как «уход от налогов» с помощью наличных расчетов, также остается одной из самых актуальных⁴.

на, В.Е. Крутских. — М.: ИНФРА-М, 1999. С. 155).

¹ См. напр.: Грибов А.Ю. Деньги и ценные бумаги: сущность и правовой режим. — М.: РИОР, 2006. С. 149-151.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.11.2004 № 1642-р // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 5845.

³ См. напр.: интернет сайт Банка России www.cbr.ru, раздел Издания Банка России - Вестник Банка России № 11 (809), 2005 г. // http://www.cbr.ru/vestnik/main.asp?file=vestnik_n_doc_05.htm — 2007.

⁴ См. напр.: данные интернет сайта журнала Политэкономика, <http://politeconomy.ng.ru>. // <http://>

Еще одним порождением кризиса неплатежей можно назвать расширение сферы предварительной оплаты товаров и услуг, которая стала преимущественным видом платежа и основной причиной замедления безналичных расчетов в экономике. Расширение предоплаты товаров - это реакция субъектов рынка на неподготовленность нашей системы безналичных расчетов к новым экономическим отношениям. Для снижения доли предоплаты в расчетах необходимо обеспечение гарантии платежа путем развития аккредитивных операций.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что распространенность бартерных сделок и использование других способов и средств защиты воспроизводства - это естественная реакция предприятий на финансовую и денежно-кредитную политику, проводимую в отношении реального сектора экономики. Расстройству платежной системы способствует разрастание внебанковского платежного оборота, основу которого составляет развитие теневой экономики. По экспертным оценкам, его объем вдвое превышает оборот, официально контролируемый государством¹.

Разрушение платежно-расчетных отношений, принявшее форму системного кризиса, оказало влияние на сокращение производственного потенциала страны, спад объемов внутреннего рынка и другие тенденции. Особую остроту приобрела проблема просроченной задолженности. Несмотря на многочисленные публикации о неплатежах, вопрос об их главной причине остается спорным.

Определенный эффект в решении проблемы неплатежей в бюджет и между предприятиями могут принести клиринг, автоматизированные системы «банк-клиент». То есть необходимо применение наиболее эффективных рычагов ускорения безналичных расчетов, когда создаются условия, при которых одни и те же деньги обслуживают большую сумму платежей². Следует заметить, что кризис платежной системы в определенной степени был обострен недостаточно проработанными мерами по изменению порядка и форм расчетов, поспешными организационными решениями. В настоящее время благодаря последовательной работе Банка России по совершенствованию системы расчетов эта причина обострения проблемы практически устранена. Среди мер, принимаемых Банком России по развитию системы расчетов, необходимо выделить создание условий по повсеместному переходу к электронным платежам, основанным на безбумажной технологии. Кроме того, целесообразно развитие зачетных - клиринговых операций. ЦБ РФ свою роль в создании и организации клиринговых учреждений видит в организации порядка лицензирования клиринговых учреждений, определении круга их операций. В настоящее время Банк России рассматривает возможность создания национальной клиринговой палаты, что позволит значительно упростить операции контроля за ликвидностью банков. Несмотря на это в нашей стране, по данным Банка России, в 2005 году действовало всего 8 клиринговых организаций³.

Обращаясь к наработанному опыту в развитии указанных расчетов в зарубежных странах, учитывая действенность результатов, очевидна необходимость развития подобных расчетов и в России. Организация клиринговых расчетов позволяет

politeconomy.ng.ru/real/2000-09-12/1_kodeks.html. - 2007.

¹ См. напр.: интернет сайт издательского дома «Оптим.ру» - <http://www.optim.su/default.asp>, журнал «Черные дыры в Российском законодательстве», № 1, 2003 г. Козлов В.А. Некоторые особенности криминологической характеристики налоговых и связанных с ними иных экономических преступлений. // <http://www.optim.su/bh/2003/1/rkozlov/rkozlov.asp>. - 2007.

² Лавров Д.Г. Денежные обязательства в Российском гражданском праве - СПб.; Юрич. центр Пресс, 2003. С. 15-17.

³ Парламентская газета. 2005. № 131-132.

улучшить контроль за состоянием денежного оборота страны. Поэтому оздоровление денежных отношений нужно начинать с перестройки расчетных и кредитных отношений, создания сети факторинговых и клиринговых центров, благоприятных условий их кредитования. Эти меры повышают устойчивость официальных платежных средств, сокращают массу денежных суррогатов, а в целом способствуют созданию гибкой расчетно-платежной системы, укреплению платежной дисциплины в экономике.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Неплатежи это многофакторное явление, отражающее все проблемы рыночных отношений, в том числе правовые, бюджетные, кредитные, также спада и реструктуризации производства, создания инфраструктуры всех видов рынка. По некоторым оценкам, значительная часть неплатежей имеет искусственное происхождение в целях уплаты большинства налогов, финансовой маскировки неучтенной продукции и главное - создания капиталов, когда предприятие учреждает фирму, через которую продает свою продукцию или осуществляет для нее поставку сырья¹. Получив деньги или сырье, фирма «исчезает», а вместе с ней и легальное право потерпевшей убытки стороны требовать пропавшие деньги.

Разрешение платежного кризиса невозможно и без запрещения или пресечения расчетов за товары наличными и в иностранной валюте. Исключение составляет реализация товаров и услуг населению. Для ряда предприятий неплатежи стали формой оптимизации финансовых потоков, они умышленно задерживают платежи деньгами, которые «прокручиваются». А это препятствует сокращению наличного денежного оборота, поскольку наличные деньги обеспечивают анонимность их владельцев. Для подавления налично-денежного оборота нужны стимулы для привлечения средств в банковскую систему, в том числе для развития электронных систем расчетов, включая карточные. Созданию условий для нормального платежного оборота будут способствовать внедрение системы электронных платежей, развитие расчетно-клиринговых систем. Определенная работа в этой области уже проводится Банком России.

Одновременно следует более широко использовать платежные инструменты, не допускающие возникновения неплатежей, например, аккредитивную систему оплаты, активней использовать банковский кредит для завершения расчетных операций.

Таким образом, работая над совершенствованием и оздоровлением расчетно-платежной системы России никак нельзя преуменьшать значимость правовых проблем безналичных расчетов, в том числе расчетов с использованием банковских карт. В юридической литературе обозначился широкий круг мнений по поводу правовой природы безналичных денег. Л.Г. Ефимова считает, что они подчинены смешанному, вещно-обязательственному правовому режиму и являясь изначально обязательствами банков, которые не имеют вещественной формы, они унаследовали от наличных некоторые черты режима вещных прав: в силу юридической фикции на них распространяется режим права собственности и вещно-правовая система передачи². В более ранней публикации профессора Л.Г. Ефимовой мы увидим мнение о том, что безналичные деньги - это квазиналичные, т.е. фикция наличных денег³. Но как можно определить правовую природу исследуемого объекта, назвав его фикцией.

¹ Курсова О.А. Фикции в российском праве: Дисс... канд. юрид. наук - Н. Новгород, 2001. С. 49-50.

² Ефимова Л.Г. Банковские сделки: право и практика. Монография. М.: НИМП, 2001. С. 236.

³ Ефимова Л.Г. Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право. 1997. № 2. С. 48.

В данной проблеме трудно не согласиться с авторами, которые выступают за признание безналичных денег «правами на деньги». Такого мнения придерживается, Л.А. Новоселова, объясняя природу последних посредством квалификации договора банковского счета в качестве своеобразной формы договора займа, по которому банк принимает на себя обязанность возратить эти средства клиенту или по требованию кредитора-клиента перечислить их третьим лицам по его указанию¹. Солидарна с такой позицией А.А. Маковская, считающая безналичные деньги не вещами, а правом требования².

Но, как замечает Р.С. Бевзенко, квалификация безналичного платежа как уступки права кредитора (клиента банка) в отношении банка новому кредитору (получателю платежа)³, хотя и весьма остроумна, но не имеет ничего общего с действительной сущностью этой операции. При безналичных расчетах банк выполняет скорее техническую, учетную функцию, в чем-то схожую с услугами депозитария. Также банк, осуществляя списание денег с одного расчетного счета и зачисляя их на другой, осуществляет эту операцию совсем не со своими деньгами, значит, он не может выступать в роли «должника по обязательству уплатить»⁴.

Никак не следует упускать из вида и терминологию законодателя, оперирующего термином «безналичные расчеты», либо «безналичные денежные средства», а уж никак не «безналичные деньги», сохраняющего таким образом целостность денег, как объекта прав. Наиболее целесообразным подход к определению безналичных расчетов нам представляется в отражении полной экономической характеристики и исходящий из трактовки двух понятий, где термин «безналичный» не предполагает применение наличных денег, а «расчеты» представляют собой процесс подсчета денежных обязательств. Исходя из этого, указанные расчеты представляют собой способ урегулирования долговых обязательств без использования наличных денег.

В настоящее время безналичные расчеты находятся в новой стадии развития и производятся посредством «электронных платежей»⁵. Их инструментами наряду со старыми, широко известными документами являются и новые, прежде всего различного рода кредитные и дебетовые карты. Следует отметить, что в России расчеты картами получили развитие не имея под собой какой-либо основы, тогда как в других странах карты послужили заменой чековым платежам. Несмотря на это рынок банковских карт в нашей стране стремительно растет и развивается.

Так по итогам 2005 года в России насчитывалось около 54,7 млн. банковских карт, из которых 54,5 млн. это карты физических лиц и лишь немногим 153 тыс. - карты юридических лиц. Также можно проследить устойчивый рост карточного рынка России на протяжении последних лет. По итогам того же 2005 года количество банковских карт в России увеличилось на 55, 49 % по сравнению с 2004 годом. В 2004 году количество карт составило более 35,2 млн., что на 46,36 % выше, чем по итогам 2003 года (24,02 млн.)⁶. Вобщем, по данным CNews Analytics, среднегодовой прирост количества банковских карт в России составил 50,79 %, только за период

¹ Новоселова Л.А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. М., 1996. С. 37

² Маковская А.А. Залог денег и ценных бумаг. М., 2000. С. 17, 23.

³ Новоселова Л.А. О правовой природе средств на банковских счетах // Хозяйство и право. 1996. № 8. С. 94.

⁴ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. — М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 332-333. (автор очерка — Р.С. Бевзенко).

⁵ Банковские операции: правовое регулирование и практика обслуживания клиентов / Отв. ред. Калимов Д.А., Томкович Р.Р. Монография — М., Амалфея, 2003. С. 299-303.

⁶ Бюллетень банковской статистики № 7 (158). Центральный Банк РФ, Москва, 2006. С. 121.

2001-2005 годов¹.

Не взирая на все более и более широкое применение банковских карт, и расширение услуг, связанных с использованием последних, в России до настоящего времени отсутствует их нормативно-правовое регулирование на законодательном уровне. Хотя некоторыми авторами и отмечалось, что соответствующий законопроект был подготовлен еще в 1998 году². Но на нынешний день правовое регулирование в данной сфере ограничивается нормативно-правовым актом Банка России, а именно Положением от 24 декабря 2004 года № 266-П «Об эмиссии банковских карт и об операциях, совершаемых с использованием платежных карт» (далее - Положение Банка России № 266-П)³. Подробный анализ норм указанного Положения не является темой нашего исследования, соответственно и прибегать к нему есть смысл по мере необходимости.

Не будет ошибочным на наш взгляд полагать, что определение правовой природы отношений между банком-эмитентом и клиентом (держателем банковской карты), то есть договора заключаемого между ними, будет являться одним из ключевых моментов в совершенствовании и развитии правового обеспечения в сфере использования банковских карт и безналичных расчетов в целом. При этом есть авторы, которые ограничиваются в этом вопросе только указанием на определенные обязанности банка в области осуществления расчетов с использованием указанных карт, что говорит о недостаточной исследованности данной проблемы в юридической литературе.

Так, А.А. Вишневский, считает, что договор между банком-эмитентом и держателем банковской карты предусматривает права и обязанности сторон в связи с использованием банковской карты⁴. Более четкое мнение у Е.А. Павлодского, говорящего, что при выдаче банковской карты с владельцем заключается договор, основу которого составляет разновидность договора банковского счета с элементами кредитного договора⁵.

Л.Г. Ефимова определяет два вида держателей банковских карточек, говоря что, во-первых, таковым может быть клиент банка-эмитента, то есть физическое или юридическое лицо, заключившее договор с кредитной организацией-эмитентом, предусматривающий использование банковских карт и во-вторых, лицо, получившее банковскую карту на основании договора с клиентом банка-эмитента⁶, при этом упуская из вида правовую природу заключаемых договоров.

Целесообразно привести точку зрения И.А. Спиранова, квалифицировавшего договор, заключаемый между эмитентом и клиентом, как договор о выдаче и использовании банковской карты, заключающуюся в том, что данный договор является смешанным, в нем не совпадают, но тесно связаны между собой предметы договора о картсчете и договора об осуществлении расчетов по операциям, совершенным с использованием банковской карты⁷. Но при этом разрушается самостоятельность договора банковского счета, имеющего своей целью

¹ По данным обзора интернет сайта [www.cnews.ru. // http://www.cnews.ru/reviews/free/payments/articles/card_rus.shtml?1](http://www.cnews.ru/reviews/free/payments/articles/card_rus.shtml?1). – 2007.

² См. напр.: Кредитные организации в России: правовой аспект / Отв. ред. Е.А. Павлодский. М., 2006. С. 405 (автор раздела – Е.А. Павлодский).

³ Исп. данные справочной правовой системы Консультант Плюс: Версия Проф.

⁴ Вишневский А.А. Банковское право: Краткий курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 196.

⁵ Кредитные организации в России: правовой аспект / Отв. ред. Е.А. Павлодский. М., 2006. С. 408.

⁶ Ефимова Л.Г. Банковские сделки: право и практика. Монография. М.: НИМП, 2001. С. 417.

⁷ Спиранов И.А. Правовое регулирование операций с банковскими картами. М., 2000. С. 65-67.

осуществление безналичных расчетов, что основывается на наличии у стороны банка обязательства выполнять распоряжения клиента об операциях по счету, в том числе и связанных с использованием банковских карт. А в соответствии с п. 1 ст. 845 ГК РФ, как смешанный, договор банковского счета, предусматривающий совершение операций с использованием банковских карт, может квалифицироваться только тогда, когда он включает в себя условия, выходящие за рамки предмета договора банковского счета.

Здесь справедливо вернуться к Положению Банка России № 266-П, п.п. 1.12-1.13 которого гласят, что клиент совершает операции с использованием расчетных карт, кредитных карт по банковскому счету, открытому на основании договора банковского счета, предусматривающего совершение операций с использованием расчетных и кредитных карт, заключаемого в соответствии с требованиями законодательства РФ. При совершении клиентом — физическим лицом операций с использованием предоплаченной карты договор банковского счета (договор банковского вклада) с физическим лицом не заключается. Далее, п. 2.7 гласит, что в случае отсутствия или недостаточности денежных средств на банковском счете при совершении клиентом операций с использованием расчетной карты в пределах лимита, предусмотренного в договоре банковского счета, может быть предоставлен овердрафт для осуществления данной расчетной операции при наличии соответствующего условия в договоре банковского счета.

Нет ничего удивительного в том, что Банк России квалифицирует договор, заключаемый между банком-эмитентом и клиентом, как договор банковского счета, ведь расчеты с использованием банковских карт это одна из форм безналичных расчетов и представляют для банка-эмитента только разновидность операций по счету клиента, соответственно при этом вполне хватает содержания обязательства банка по договору банковского счета, впрочем, как и при всех остальных операциях по счету, которые осуществляются в рамках форм безналичных расчетов.

Но в отличие от других форм (расчеты платежными поручениями, по аккредитиву, чеками, по инкассо), допускаемых в настоящее время ст. 862 ГК РФ, регулирование расчетов с использованием банковских карт на законодательном уровне отсутствует, как уже говорилось выше. При этом необходимо также учитывать технологическую специфику непосредственного осуществления данных расчетов. В нынешних правовых условиях есть возможность лишь усмотреть в договоре, заключаемом между банком-эмитентом и клиентом (держателем банковской карты), характеризующие признаки договора банковского счета, предусматривающего совершение операций с использованием банковских карт и это позволяет выделять его в отдельный вид договора. В данной ситуации необходимо четкое регулирование расчетов с использованием банковских карт непосредственно в договорах банковского счета, заключаемых между банком-эмитентом и клиентом (держателем банковской карты).

Пещеров Г.И.,
кандидат военных наук, доцент.
Пещеров В.Г.

**ПРОТИВОВЕС БЕСПРАВИЮ
ИЛИ УРЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ
В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(КАК ОПРЕДЕЛИТЬ НОРМЫ ПРАВА
В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ)**

Peshеров G.I.
candidate of jurisprudence science,
assistant of professor
Peshеров V.G.

**THE COUNTERBALANCE TO UNLAW OR SETTLEMENT
OF THE RIGHTS IN A LAWFUL STATE IN CONDITIONS
OF THE MARKET RELATIONS
(HOW TO DEFINE NORMS OF THE RIGHT IN A LAWFUL STATE)**

In this article the authors analyse the legal problems of modern Russia and suggest the directions of their solution by investigating the methodological aspects of the normative and legal state system.

Разгул преступности и как следствие - высокая криминогенная обстановка в стране, как нельзя лучше иллюстрируют несовершенство существующих законов, определяющих всю государственную систему в России. Существовавшее ранее законодательство устарело, а ныне принимаемые законы мало отвечают чаяниям и нуждам Российских граждан. В стране бесчинствует произвол закона и беззакония, точнее закон, опустившийся до уровня беззакония и беззаконие, возведенное до уровня закона. А куда деться простым смертным, как защититься от круговой поруки государственного бесправия?

Конечно, чтобы работали законы, нужна власть, но власть в разумных мерах, не затрагивающая права и достоинства законопослушных граждан. В то же время трудно не согласиться с представителями правопорядка, что невероятно трудно определить, а тем более доказать в демократическом обществе виновность гражданина перед законом. Тем не менее, с точки зрения элементарной логики, да и основополагающих взглядов на гражданское право, это не дает право органам правопорядка проявлять бесчинства над рядовыми гражданами. Ведь виновность гражданина определяется только судом, а до этого все перед законом равны. Согласитесь, что одной дубинкой порядка в стране не наведешь, необходимо пересмотреть целый комплекс мероприятий. Конечно, прежде всего, разработка законодательной основы правового государства и соответствие ее современным социально-бытовым условиям населения, культуре, морально-этическим нормам и т.д. Невозможно издавать законы и подводить под эти законы людей с их привычками, традициями и прочими национальными и культурно-этическими нормами. Предельно ясно, что нужно разрабатывать законы под уже сформировавшийся и сложившийся народ,

учитывая его особенность и историческое развитие.

Вместе с тем участвовавшие в последние годы случаи диктатуры представителей органов правопорядка показывают необходимость создания законного противовеса бесчинствам нашей милиции. По нормам правового государства и по принципам демократического общества, наличие уравнивающего элемента в системе государственных законов, обеспечивающих с одной стороны законную защиту законопослушных граждан и с другой возможность привлечения к ответственности тех, кто нарушает закон, но без ущемления их законных прав и тем более, защиту от ущемления прав тех граждан, которые случайно или вследствие определенных условий стали невинными свидетелями нарушения закона. Ведь если гражданин не нарушал закон, а вследствие случайных обстоятельств подвергается органами правопорядка различным санкциям (задержанию) или тем более аресту, ему, после выяснения обстоятельств дела и доказательства невинности должно быть компенсировано:

- за ошибочное ущемление его прав и достоинства или другими словами компенсация за ошибки «органов правопорядка» (за непрофессионализм блюстителя закона);
- за моральную, психологическую и физическую (если таковая имеется) травму;
- за потерю времени, в течение которого гражданин мог бы заниматься личными и служебными делами;
- за финансовые издержки, которые гражданин понес за время нахождения в руках блюстителей порядка и т.д.

Компенсация компенсации рознь, а какую же все таки компенсацию должен получить гражданин в правовом государстве, чтобы она, во-первых имела законную силу; во-вторых удовлетворила ущемленный нрав законопослушного гражданина; в-третьих сумела уравнять силу представителей правопорядка с правами рядовых граждан.

Как мы с вами уже знаем, существуют несколько видов компенсаций за ущемление прав и достоинства, которыми ограничиваются правоохранительные органы по сей день:

- извинения представителей власти (наиболее распространенная);
- выдача справок для предъявления по месту работы о том, что гражданин законно (по уважительной причине) отсутствовал на работе.

Но меняется мир, меняются общество и люди и какую же компенсацию хотели бы получить люди, точнее должны получить в правовом государстве в настоящее время. Прежде всего, конечно, необходимо определить весь перечень нанесенных гражданину ущемлений его прав и достоинства. А потом уже, исходя из того, что мы, в настоящее время, живем в обществе с рыночными отношениями, создаем правовое государство и прекрасно понимаем, что основной принцип существования современного человека это — «деньги — товар». Поэтому не исключая все существовавшие виды компенсаций, на мой взгляд, необходимо ввести систему денежной компенсации за причиненное ущемление прав и достоинств граждан.

Основным принципом правового государства должно быть «правовое равноправие». Не нужно ограничиваться тем закостенелым правилом, что гражданин и так счастлив, что освободили. Исходя из этого принципа — задержал ошибочно невинного гражданина — возместить компенсацию за оскорбление его достоинства, тем, что он подозревался в том, чего не совершал, тем более, если он подвергался

различного рода ограничениям его прав и свобод.

Глубоко сочувствуя органам правопорядка за их тяжелый труд и прекрасно понимая, что чем больше прав тем тяжелее доказать вину, мы не должны оставаться в нише беззакония, а должны совершенствовать наше законодательство, чтобы правоотношения в стране были выше уровня развитых государств мира, а не наоборот и преследовали принципы равноправия субъектов права.

Подробное изучение правоотношений граждан с представителями правоохранительных органов дает основание разграничивать полномочия тех и других, поскольку возникает вопрос: С какого времени задержания установить компенсацию? С 5 минут, с 10 минут или больше?

Ситуация сложная. Представьте себе. Гражданин на улице задерживается для проверки документов. Допустим, что он не ограничен временем. На сколько его можно задерживать без компенсации?

Другая ситуация. Гражданин на вокзале. Отходит поезд или самолет. На сколько в этом случае можно задерживать без компенсации?

Согласитесь, проблема очень сложная, требующая тщательного анализа ситуаций, трезвой оценки не только убытков государства от произвола блюстителей порядка, а также моральной и психологической травмы, получаемой гражданами в подобных случаях. В то же время, ставя в противовес действиям органов правопорядка «денежный штраф», нельзя полностью обезоруживать слуг Фемиды. Где же найти ту грань, которая бы установила равноправие субъектов права?

Может быть, целесообразно провести эксперимент в отдельно взятом регионе, области, районе? Для начала установить, например, что органы правопорядка имеют права задерживать гражданина на 5 минут для проверки документов и установления личности гражданина. Далее включаем счетчик:

- свыше 5 минут и до 15 минут — компенсация в размере 10 % минимального размера оплаты труда;

- свыше 15 минут и до 30 минут — 20 % минимального размера оплаты труда;

- свыше 30 минут и до 1 часа — 40 % минимального размера оплаты труда;

- свыше 1 часа и до 2 часов — 60 % минимального размера оплаты труда;

- свыше 2 часов и до 3 часов — 80 % минимального размера оплаты труда;

- свыше 3 часов и до 8 часов — один минимальный размер оплаты труда;

- свыше 8 часов и до 24 часов — два минимальных размера оплаты труда;

За каждые последующие полные или неполные сутки — один минимальный размер оплаты труда.

Эксперимент эксперименту рознь, а если попробовать, интересно, как бы повели себя органы правопорядка, если еще дополнительно ко всему к нерадивым сотрудникам, кто слишком расточительно поступает с министерским карманом, добавить дополнительные штрафы, но уже в карман министерства, чтобы научились, наконец экономно работать представители правопорядка.

Другая ситуация, когда гражданин привлекается как понятой (свидетель). Ведь бывают такие ситуации, например, в 3 часа ночи, когда не каждому захочется впустую тратить свое драгоценное время, тем более время отдыха. Разумеется, должны быть выработаны стимулирующие законодательные акты, позволяющие компенсировать гражданам их добровольно-принудительные услуги. Например:

- участие в разбирательстве дела в виде понятого — до 1 минимального размера оплаты труда;

- повторное приглашение блюстителями порядка для продолжения дела — до-

полнительно до 1 минимального размера оплаты труда за каждое посещение и т. д.

Проблема чрезвычайно сложная требующая тщательнейшего анализа всех возможных ситуаций и последствий, как для граждан, так и для органов правопорядка. Отдельного рассмотрения требует сам механизм выплаты компенсации. Организовать кассы в каждом отделении милиции или же каждого милиционера вооружить чековой книжкой. И то и другое, на первый взгляд, выглядит абсурдным. Как же гражданам получать компенсации за ущемление их прав?

Однако, не решив эту проблему, мы не сможем двигаться дальше в совершенствовании нашего законодательства и тем более не сможем построить настоящее правовое государство - мечту униженных и оскорбленных граждан по причине ущемления их прав.

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук.

Требования к оформлению статей:

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращённое), город (указывается если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком Аннотация
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком Abstract
на русском языке	Объем статьи – от 15000 до 40000 символов, включая пробелы Список использованной литературы под заголовком Литература

Формат страницы - A4, книжная ориентация. Шрифт - Arial, цвет шрифта - чёрный, размер не менее 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный.

Форматирование текста:

- **запрещены** любые действия над текстом («красные строки», центрирование, отступы, переносы в словах и т.д.), **кроме** выделения слов полужирным, подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;

- **наличие рисунков, формул и таблиц** допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде чётких картинок

- **запрещено уплотнение интервалов;**

- **при нарушении требований** объекты удаляются из статьи.

Абзацы должны быть отделены друг от друга пустой строкой (дополнительным «Enter»).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Для обеспечения удобства читателей библиографические примечания размещаются внизу каждой страницы в подстрочнике (нумерация сносок сплошная). Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете и бумажного варианта!

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя, с точки зрения научного содержания, авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой).

В случае принятия статьи, условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «Юриспруденция» — кандидат юридических наук, доцент Голышев Вадим Григорьевич.

Адрес редколлегии серии «Юриспруденция» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Радио, д.10-а, МГОУ, кафедра гражданско-правовых дисциплин. Телефон 265-11-35. Электронный адрес: ciwilist@rambler.ru

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«Юриспруденция»

№ 2

Подписано в печать: .2007.
Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «NewtonC».
Уч. — изд. л. 10. Усл.п.л. 10. Тираж 500 экз. Заказ № .

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, Радио, д. 10а,
т. 2564163, факс 2654162.